

БЕССАРАБИЯ И ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ

ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК РМ
НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИСТОВ РМ

Кишинев -2004

ИНСТИТУТ МЕЖЭТНИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ АКАДЕМИИ НАУК РМ
НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО БОЛГАРИСТОВ РМ

БЕССАРАБИЯ
И
ОСВОБОЖДЕНИЕ
БОЛГАРИИ

Оникул бимористи
Зав. Новаков С. З.

21.04.11

Кишинев, "S.S.B.", 2004

CZU 94(478+497.2):323.112(082)=135.1=161.1=163.2
Б 53

Редакционная коллегия:

Ион БОДРУГ

Иван ГРЕК

Евгений ЕКОВ

Николай ЧЕРВЕНКОВ (ответственный редактор)

СПОНСОРЫ:

К. ЧЕРВЕНКОВ,

С. ЧЕРВЕНКОВ,

ЧАЛИКОВ М. Г. (ДИРЕКТОР «CANONIC-TUR»)

«JALON» S.R.L. (П. КУЛЕВА)

«CAPLAUS-TUR» (А. КУРУЧ)

Descrierea CIP a Camerei Naționale a Cărții

Бессарабия и освобождение Болгарии / Отв. ред.: Николай Червенков; Институт Межэтнических исслед. Науч. об-во Болгаристов РМ. - Ch.: «S.Ş.B.», 2004 («Business-Elita»)-128 р.

ISBN 9975-9568-5-8

600 ex.

94(478+497.2):323.112(082)=135.1=161.1=163.2

Редактор: Татьяна Зайковская
Компьютерный набор: Мария Червенкова

ISBN 9975-9568-5-8

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 5

Cuvînt de deschidere – Ion Bodrug, doctor în istorie, Director al Institutului de Cercetări Interetnice al A.Ş.M 6

Приветствие президента Республики Молдова
Владимира Воронина 7

Приветствие президента Республики Болгария
Георги Пырванова 9

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Червенков Н. Освобождение Болгарии в
молдавской историографии 10

Dragnev D. Constatări privind nivelul procesului de modernizare
în Bulgaria până la eliberarea de sub dominația otomană. 19

Грек И. Русско-турецкие войны и судьба
болгар-переселенцев 24

Agache A. Activitatea lui M.I. Kutuzov pentru atragerea
în hotarele Imperiului Rus a coloniștilor străini (1811-1812) 31

Забунов И. Формирование болгарской дружинны
в Кишиневе накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг 36

Руссов Н. Благотворительное общество в
бессарабской болгарской колонии Шикири-Китай
(1876-1877 гг.) 47

Хайдарлы Д. Русско-турецкая война 1877-1878 гг.
(ключевые вопросы военного противоборства) 52

Новаков С. Бессарабские болгары в русско-турецкой
войне 1877-1878 гг 68

Калчев К. (България) Българинът от Бесарабия
Данаил Николаев – офицер в Българското опълчение 77

Дамьян В. Балканские походы запорожских казаков (конец XVI – начало XVII вв.)	88
Сырф В. Отражение русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в устном и письменном творчестве гагаузов	95
Рацеева Е. Иван Вазов за «външната душа» на Историята (върху «Опълченците на Шипка»)	100
Грек И. Болгария и болгары Молдовы и Украины в контексте геополитического процесса в Юго-Восточной Европе на рубеже XX и XXI столетий	109
ПРИЛОЖЕНИЕ	118
Заболотная Л. Студенческая научная конференция «125 лет возрождения болгарской государственности»	118
Тезисы сообщений студентов Института международных отношений «Перспектива»	120
Дубинина Г., Млявая А. Молдо-болгарские отношения на рубеже XX – XXI веков	120
Рябкова Е. Пребывание президента Болгарии Георги Пырванова в Молдове	122
Яковенко И. Бесарабският българин Александър Малинов като борец за българската държавност	124
Маринова Л. Болгарское ополчение в Бессарабии	126

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник включает материалы международной научной конференции на тему “Бессарабия и освобождение Болгарии”, которая состоялась 27 марта 2003 года в Академии наук Республики Молдова. Она была организована Посольством Республики Болгария в Молдове, Институтом межэтнических исследований АНМ и Научным обществом болгаристов Республики Молдова и была посвящена 125-летию завершения русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в результате которой Болгария получила освобождение от османского владычества.

В состав оргкомитета конференции входили: Евгений Еков – посол Болгарии в Молдове, доктор истории Ион Бодруг – директор Института межэтнических исследований АНМ, доктор истории Иван Грек – депутат парламента Республики Молдова и доктор истории Николай Червенков – зав. Отделом болгаристики ИМИ АНМ, председатель Научного общества болгаристов РМ – координатор оргкомитета.

Научную конференцию приветствовали президент Республики Молдова Владимир Воронин и президент Республики Болгария Георги Пырванов. Тексты приветствий, которыми открывается сборник, были оглашены советником президента Республики Молдова Анатолием Дубровски и послом Болгарии в Республике Молдова Евгением Ековым.

В настоящем сборнике в рубрике «Приложение» также представлены тезисы ряда выступлений на студенческой научной конференции на тему «125 лет возрождения болгарской государственности», организованной Институтом международных отношений «Перспектива» с участием Института истории и Института межэтнических исследований АНМ, Научного общества болгаристов РМ.

**CUVÂNT DE DESCHIDERE –
ION BODRUG,**

doctor în istorie, director al Institutului de Cercetări Interetnice al A.Ş.M.

Multstimate dle ambasador!

Onorată asistență, Doamnelor și Domnilor

Permiteți-mi din numele comunității științifice socioumanistice academice și a Institutului de Cercetări Interetnice al A.Ş.M. să vă aduc calde felicitări cu ocazia deschiderii lucrărilor Conferinței Științifice Internaționale *Basarabia și eliberarea Bulgariei*, consacrate unei teme importante și actuale, care cuprinde relațiile seculare de prietenie moldo-bulgare.

La 3 martie curent s-au împlinit 125 de ani de la eliberarea Bulgariei de sub dominația Imperiului otoman și începutul restabilirii statului Bulgar. Cu ocazia jubileului, în țara noastră au avut loc numeroase manifestări, inclusiv și Conferința Științifică Internațională de astăzi.

Și aceasta nu-i deloc întâmplător, fiindcă pe pământul Moldovei în diferite timpuri vitregi și-au găsit refugiu și adăpost migranții bulgari, care erau nevoiți să evadeze de sub jugul asupritor al sultanului turc.

În sudul Basarabiei s-a stabilit cu traiul diaspora bulgară. La noi și-au găsit adăpost mulți activiști ai mișcării de eliberare națională a bulgarilor. Aici s-a creat o intelectualitate, care împreună cu cea din România a contribuit la formarea conștiinței naționale a bulgarilor. S-au creat Centre ale emigranților politici din care făceau parte H. Botiev, G. Racovski, I. Ivanov, P. Caleandji, care au înaintat ideia răscoalei antiotomane. Intelectualitatea bulgară se situaiza în fruntea mișcării naționale. Din Chișinău au pornit în campania de eliberare armata rusă, voluntarii bulgari și moldoveni, aici au fost organizate primele dețăramente. În Basarabia a fost creată administrația rusească, care a contribuit la desfășurarea unei activități ample de reorganizare a Bulgariei eliberate.

Toate acestea constituie o pagină strălucită din istoria poporului bulgar și totodată se include și ca parte componentă a istoriei ţării noastre, demonstrând legăturile istorice moldo-bulgare.

Aceste evenimente și procese sunt obiectul de studiu al specialiștilor din domeniu din Republica Moldova. Anterior ele se investigau în cadrul Institutului de Istorie al Academiei de Științe, în prezent estafeta a fost preluată de către colaboratorii noștri de la Institutul de Cercetări Interetnice, în cadrul căruia cu succes activează Sectorul de bulgaristică.

În cei peste 10 ani de activitate a Institutului de Cercetări Interetnice au fost elaborate și editate numeroase lucrări științifice la tema dată, în special despre diaspora bulgară din Moldova, legăturile multilaterale moldo-bulgare etc. În activitatea științifică sunt antrenate și asociațiile etnoculturale ale bulgarilor.

Conferința de astăzi va da un nou imbold de perspectivă a participării în comun la studierea problemei puse în discuție.

**ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ МОЛДОВА
ВЛАДИМИРА ВОРОНИНА**

*Участникам Международной научной конференции
«Бессарабия и освобождение Болгарии».*

Уважаемые друзья !

Тепло и сердечно приветствую участников Международной научной конференции «Бессарабия и освобождение Болгарии» и желаю вам успешной и конструктивной работы.

Балканские события 125-летней давности завершили много вековой процесс политического и духовного освобождения народов Юго-Восточной Европы. Восстановлением болгарской государственности в центре Балканского полуострова была достигнута историческая справедливость по отношению к болгарскому народу, так много сделавшему для распространения православной веры, славянской письменности и культуры.

Молдавский народ, историческая судьба которого тесно переплетена с судьбой болгарского народа, оказывал ему посильную помощь, поддержку и содействие в стремлении сохранить себя как этнос и духовно возродиться. Эмиграция болгар в наше государство и обретение ими новой родины обусловили зарождение здесь идеологии и практики культурно-национального, церковно-национального и политического движений болгарского народа. Великий молдавский просветитель Гавриил Бэнулеску-Бодони, заявивший около 200 лет назад, что «болгарин ... крайнюю имеет нужду в слушании глаголов на природном языке» и активно способствовавший изданию и распространению богослужебных книг на болгарском языке, создал духовные предпосылки к появлению труда Ю. Венелина «Древние и нынешние болгары...», открытию болгарской гимназии, созданию Кишиневского болгарского общества по распространению грамотности, деятельности болгарской типографии в Болграде.

Бессарабия XIX века неразрывно связана с такими важными событиями в политической истории возрождающейся Болгарии, как формирование Болгарского земского войска в русско-турецкой войне 1806-1812 годов, организационное становление болгарского осво-

бодительного движения во второй четверти XIX века, формирование болгарского ополчения в 1877 году и его героическое участие в освобождении Болгарии от иноземного порабощения.

В биографии известных болгарских революционеров Георги Раковского и Христо Ботева, других выдающихся деятелей Болгарии бесарабские страницы занимают особое место.

Сегодня уместно напомнить, что нас, молдаван и болгар, не одно столетие духовно связывает и Кэприянский монастырь.

Наши деды и прадеды заложили прочную основу молдо-болгарской дружбы и сотрудничества. Визит президента Болгарии господина Георги Пырванова в Республику Молдова и итоги наших переговоров призваны открыть новый путь в развитии молдо-болгарских отношений на современном этапе. Ученые наших и других стран, изучающие болгарскую историю и культуру не только в пределах этнической границы болгарского государства, занимаются важным и общественно значимым делом. В ваших научных изысканиях присутствует связь эпох и времен, говорится о традициях много векового общения наших народов. Этот бесценный клад является нашим достоянием, которое нужно беречь и приумножать для будущих поколений.

Позвольте поблагодарить вас за ваш бескорыстный труд и пожелать больших творческих успехов и новых свершений.

С уважением,

Владимир ВОРОНИН

**ПРИВЕТСТВИЕ ПРЕЗИДЕНТА
РЕСПУБЛИКИ БОЛГАРИЯ
ГЕОРГИ ПЫРВАНОВА**

ДО

*Участниците в научната конференция
«Бесарабия и освобождението на България».*

Уважаеми госпожи и господа, приятели,

Особено ми е приятно да поздравя всички вас – организатори и участници в научната конференция «Бесарабия и освобождението на България», посветена на 125-годишнината от Освобождението на България.

Преди няколко века Бесарабия става втора родина за огромно количество българи-беженари, потърсели спасение от османските поборители. Те превръщат голите стени на Буджака в китна градина и същевременно в съкровищница на българския дух, фолклор, обичаи. Жадният за знания българин съгражда училища и храмовете, първата българска гимназия в Болград. В Николаевския южнославянски пансион и другаде се подготвя бъдещият интелектуален елит на нацията, който не се примирява с робството, подема борбата за освобождение и след това поема върху плещите си изграждането на нова България. Тъкмо в Бесарабия се подготвят и действат титани на Възраждането и освобождението като Васил Априлов, Георги Раковски, Христо Ботев и много други. С материална помощ и лично участие от бесарабските българи се организират хайдушки чети и българското опълчение. Бесарабските земи, заселени с българи, се превръщат в люлка на бъдещата национална българска армия, която преди 125 години тръгна редом с руси, украинци, молдовани, румънци, финландци и извърши чутовни подвизи край Стара Загора и Шипка по време на Руско-турската освободителна война.

Вярвам, че на конференцията ще се разкрият нови страници от събитията, довели до освобождението на България, и ще бъде представен нов прочит на обществено-политическото взаимодействие и взаимното културно влияние между братските народи на Република България и Република Молдова.

Приемете моите пожелания за успех и високи резултати на конференцията.

София, 27 март 2003 г.

Георги ПЪРВАНОВ

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ

Н. ЧЕРВЕНКОВ

ОСВОБОЖДЕНИЕ БОЛГАРИИ В МОЛДАВСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В нашем крае давно сложились традиции изучения прошлого болгарского народа. Значительное место эта проблема заняла в последние несколько десятилетий, когда историческая болгаристика в республике сконцентрировалась в рамках Отдела истории европейских социалистических стран Института истории АНМ, а потом, с начала 90-х гг. XX века – в Отделе болгаристики Института межэтнических исследований АНМ. В многочисленных монографиях, научных и публицистических статьях рассматривались различные аспекты многовековой истории Болгарии, болгаро-русско-молдавских связей, истории болгарской диаспоры в Молдове и Украине¹. Здесь мы хотели бы остановиться на вопросе освещения в молдавской историографии проблемы освобождения Болгарии от османского ига.

Начнем с рассмотрения изучения вопросов развития болгарского национально-освободительного движения накануне освободительной для болгарского народа русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Именно этот аспект чаще всего являлся объектом внимания нашей республиканской исторической науки. Он представлен в различных ракурсах и у разных исследователей.

Прежде всего, указанная проблема ставилась известным историком, академиком И.Г. Будаком, который на основе имеющейся тогда литературы осветил связи Христо Ботева с нашим краем, непосредственно с молдавским народником Н. Зубку-Кодряну. Раскрывая различные аспекты пребывания болгарского революционера в Бессарабии, исследователь сделал вывод, что он «вовлекал в общественно-политическую жизнь и революционную деятельность местных жителей и тем самым оказывал определенное влияние на оживление освободительного движения в Молдавии»². И.Г. Будак также указал на наличие связей между болгарским национально-освободительным движением в Бессарабии пореформенного периода³.

В дальнейшем углубленное раскрытие этих вопросов нашло место в трудах болгариста К.А. Поглубко, который оставил не-

сколько десятков работ по различным проблемам исторической болгаристики⁴. Он прежде всего подробно осветил организационные и идейные связи болгарских и российских революционных деятелей в ходе подготовки и после поражения Апрельского восстания 1876 г.⁵. При этом он вводит новый архивный материал, по-новому осмысливает известные факты. Это позволило исследователю сделать ряд важных выводов о конкретном влиянии российской революционной мысли на болгарских революционеров. Убедительно показано, что народники откликнулись на призыв болгар поддержать подготовку вооруженного восстания 1876 г. В результате русские эмигранты в Румынии и Западной Европе срочно занялись поисками оружия, военных руководителей для повстанцев. Благодаря им нужды болгарского освободительного движения стали достоянием революционных кругов Западной Европы.

Раскрывая связи деятелей болгарского национально-освободительного движения с Россией, российской общественностью, К.А. Поглубко большое внимание уделял изучению жизни и деятельности Христо Ботева. Это нашло отражение во многих его работах, но впервые цельную картину он представил в книге «Христо Ботев и Россия»⁶. Особенно надо отметить, что автору, одному из немногих, удалось ввести новые материалы о выдающемся болгарском поэте-революционере. К.А. Поглубко особо останавливается на бессарабских связях Х. Ботева, раскрывая его пребывание в Кишиневе накануне Апрельского восстания, контакты с молдавскими народниками. На новых архивных материалах исследователь также осветил движение населения Бессарабии по оказанию помощи жертвам болгарского восстания 1876 г.⁷. Примечательно, что этот аспект был отчасти отображен в документальных изданиях молдавских историков⁸.

Со временем в изучение предвоенных связей включаются и другие историки. Исследователь болгарских политических организаций и обществ в России И.Д. Забулов в ряде своих трудов, прежде всего в книге «Болгары юга России и национальное болгарское Возрождение»⁹, показал, что эти объединения в Одессе, Кишиневе, Николаеве и других городах, несмотря на различие во взглядах на формы, пути и методы поддержки национально-освободительного движения болгарского народа, внесли значимый вклад в вооруженную подготовку болгар накануне русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

Активизируют свою деятельность в этот период и благотворительные общества в болгарских колониях юга Бессарабии, объединенные Болградским болгарским революционным комитетом. Деятельность этой организации в сборе материальных средств для содержания пострадавших в восстании военных отрядов, издании и распространении революционной газеты «Български глас», установлении контактов с российскими общественными организациями нашли отражение в одной из статей автора данного обзора¹⁰.

Важной в изучении исторической болгаристики республики была проблема развития болгарского национально-культурного движения. Весомый вклад в ее изучение внесли исследователи К.А. Поглубко, Л.И. Степанова, И. Грек и Е. Челак, первый из которых, в частности, подробно описал обучение болгарской молодежи в Российской империи¹¹.

В работах Л.И. Степановой раскрыта политика России в вопросе обучения болгар в русских учебных заведениях, определен характер их профессиональной подготовки. Ценнейшая работа была сделана ею по составлению «Списка болгарской молодежи, обучавшейся в России с 1856 по 1877 гг.», который включает более 700 человек¹². Этот же автор раскрыл вклад болгарских воспитанников России в развитие национальной культуры и осветил их участие в освободительной борьбе, в том числе в ходе и после Апрельского восстания в Болгарии, в процессе русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Для широкого круга исследователей представляет интерес обобщение Л. Степановой сведений по участию болгарской интеллигенции, подготовленной в России, в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. и созданию основ национальной государственности¹³.

Вклад бессарабских болгар в изучение национально-культурного движения отчасти отображен в обобщающей работе И. Грека и Н. Червенкова¹⁴. В области просвещения этот аспект рассматривался Е. Челак¹⁵, которая особенно полно представила место Болградской гимназии и типографии при ней в общеболгарском просветительно-культурном развитии. Важный теоретический вклад вносят статьи И. Грека, в которых раскрывается общее и особенное в этнокультурном развитии болгар юга России и болгарского общества за Дунаем в эпоху Болгарского возрождения¹⁶.

Следующая проблема, которая давно привлекает молдавских исследователей и публицистов, – это формирование болгарского ополчения в Кишиневе. Прежде всего этой темы касался краевед М.С. Гурбанов, который впервые подробно ознакомил мол-

давскую общественность с этой важной страницей молдо-болгарского содружества. До его работ кишиневский период болгарского ополчения практически вообще не был отражен в литературе. Этот автор осветил основные вехи формирования первых дружин, определил место их дислокации в Кишиневе, впервые выявил роль славянских комитетов в России, Кишиневского болгарского общества во главе с И.С. Ивановым в создании первых дружин болгарского ополчения¹⁷. Особое внимание этот автор уделил знамени этого ополчения – Самарскому¹⁸. Исследовательский характер носит статья М.С. Гурбанова об участии бессарабских болгар в болгарском ополчении¹⁹. К сожалению, большинство работ этого кишиневского любителя-историка написаны на основе мемуарной литературы, без учета болгарских документальных и исследовательских изданий. Этим объясняется, что в его работах встречается много фактических ошибок, опущены важные аспекты формирования и деятельности болгарского ополчения.

Эти недостатки во многом были преодолены К.П. Поглубко, который в изучении этого вопроса широко использовал материалы архивов, бессарабской, одесской и болгарской печати того времени, а также глубоко изучил имеющуюся литературу (болгарскую, русскую, советскую и румынскую). Это позволило ему полнее осветить процесс формирования болгарского ополчения в Бессарабии, в частности, отразить его военную подготовку, состав формирования, помочь бессарабского населения. Отвергая данные М. Гурбанова о том, что бессарабских болгар в Ополчении было свыше 700 человек, К. Поглубко выдвинул аргументированное предположение, что в нем «число болгар, рожденных в Южной России и Бессарабии, насчитывалось около 210 душ, из которых 170 были солдатами русской армии, а 40 записались в Ополчение как добровольцы»²⁰. Он также описал участие первых болгарских дружин в параде в районе Рышкановки, их торжественные проводы. Остановился этот исследователь и на описании конкретных проявлений бессарабцев в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. Все эти изыскания молдавского ученого нашли обобщение в его книге «Весна освобождения» (Кишинев, 1978), в которой рассматривается борьба болгарского народа за свое освобождение в контексте ее связей с Бессарабией.

Имеются исследования об ополчении и других авторов. И.Д. Забунов представил в коллективной работе краткое систематическое изложение истории Болгарского ополчения²¹.

Широко пропагандировал историю этого формирования бывший руководитель Мемориального музея болгарского ополчения в Кишиневе²² И. Резник, который регулярно публиковал о нем статьи в молдавской периодической печати²³.

Нельзя также не указать, что во всех обобщающих работах по истории Молдавии так или иначе упоминается о создании первых болгарских дружин на ее территории. В одной из них справедливо подчеркивается, что «наряду с другими городами России, Кишинев стал важным центром объединения патриотических сил порабощенных народов балканских стран», приводятся основные этапы истории ополчения, связанные с молдавской столицей²⁴.

Многонациональное население Бессарабии с пониманием встретило манифест о войне с Турцией. Как и по всей России, оно расценивало этот акт правительства как выступление в защиту славян. В разъяснении такой цели войны авторы одного из изданий «Истории Молдавской ССР» отводили большую роль Кишиневскому болгарскому благотворительному обществу²⁵. В молдавской литературе описана деятельность трех дружин ополчения из местных жителей – Кишинева, Бендера и Бельца, которые с начала военных действий в крае сыграли важную роль в обеспечении тыла действующей армии, в снабжении ее боеприпасами, продовольствием, фуражом²⁶.

Останавливались авторы и на участии молдавского населения в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. По мнению академика И. Будака, «в русскую армию входило более 12 000 душ, призванных в бессарабском крае, в том числе около 8 000 молдаван»²⁷. Полки, в которых они служили, принимали участие в сражениях на разных участках театра военных действий²⁸. Об их героизме также пишет К.А. Поглубко, приводя конкретные факты из периодической печати²⁹. Фольклористы республики подчеркивают, что в селах Молдавии долго передавались рассказы об участниках освободительного похода русской армии в Болгарию³⁰.

К.А. Поглубко также рассматривает поддержку населения края войны за освобождение Болгарии. Он выявляет и характеризует различные формы этой поддержки. Наиболее массовая – это оказание помощи раненым и больным воинам. Поэтому автор подробно останавливается на деятельности местного управления Общества попечения о раненых и больных отделения Красного Креста в Бессарабии³¹. Деятельность последней организации в

Молдавии в годы русско-турецкой войны 1877-1878 гг. кратко рассматривалась и в отдельной статье³².

В историографии Молдовы специально исследуется участие болгарского населения Бессарабии в освободительной для болгар войне. Этому большую статью посвятил С.З. Новаков, который впервые обобщил сведения по данной проблеме³³. В дальнейшем К.А. Поглубко расширил эти факты, осветил новые формы этого участия. Касаются этой проблемы и авторы краеведческих работ по истории болгарских сел Молдовы – Твардицы и Кирюти³⁴. Не обойдена активная деятельность болгарских патриотических групп в Болграде, которые всемерно содействовали русской армии и болгарскому ополчению. Один из зачинателей молдавской болгаристики, И.И. Мещерюк, изучавший переселение болгар в Бессарабию, поднял вопрос об участии бессарабских болгар в формировании болгарской государственности после освобождения Болгарии. По его мнению, более 250 человек из Буджака приняли в этом активное участие³⁵.

Наряду с указанными проблемами и событиями, которые были непосредственно связаны с нашим краем, в молдавской историографии изучались и другие аспекты русско-турецкой войны 1877-1878 гг. и освобождения Болгарии. В обобщающей статье показана поддержка войны за освобождение Болгарии различными слоями и районами России³⁶. К.А. Поглубко исследовал распространение революционной литературы среди русских войск на Балканах во время войны, показал распространение русской революционной мысли среди болгарского населения³⁷. В ряде статей, опубликованных в молдавских изданиях³⁸, нашла отражение деятельность русского писателя В.М. Гаршина в годы войны.

Наряду с разработками отдельных проблем уже имеется работа, которая дает целостное изложение русско-турецкой войны 1877-1878 гг. Это коллективная монография «Болгаро-российские общественно-политические связи», написанная историками Кишинева с участием московских исследователей. В заключительной главе³⁹, в частности, авторы тщательно анализируют напряженную деятельность русской дипломатии в период обострения Восточного кризиса, эволюцию политики России от попыток мирного разрешения кризиса к войне с Турцией, борьбу за справедливое решение вопроса о независимости болгарского государства. При этом особо подчеркивается положительное значение решения Сан-Степанского мирного договора для судеб балканских народов.

Последние несколько десятилетий дату освобождения Болгарии регулярно отмечают в Молдове. Республиканские газеты, прежде всего «Советская Молдавия», «Молдова советикэ», «Независимая Молдова» печатали материалы историков и публицистов (К. Поглубко, И. Забунова, Н. Червенкова, Г. Стойлика, И. Резника и др.), в которых раскрывались различные аспекты истории болгарского национально-освободительного движения, особенно связи нашего края с освобождением Болгарии. К юбилеям проводились научные, научно-популярные конференции. Материалы научной встречи, состоявшейся в 1968 г. в Кишиневе, опубликованы отдельным сборником⁴⁰. К 100-летию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. в молдавской столице состоялся представительный форум болгарских и советских историков, включая и молдавских, на котором были рассмотрены кардинальные аспекты освободительного движения болгарского народа. К 125-летию начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. состоялось несколько конференций, выступления участников одной из которых вошли в отдельное издание⁴¹. Различные материалы, посвященные 125-летию этой войны, освобождению Болгарии, опубликованы в двух номерах альманаха «Български хоризонти» (2002, № 2; 2003, № 3), издаваемого Научным обществом болгаристов Республики Молдова.

В заключение, еще раз констатируя, что молдавские исследователи внесли значительный вклад в изучение проблемы освобождения Болгарии, необходимо отметить, что в этой области имеются и такие аспекты, к которым предстоит еще вернуться, исследовать их на основе новых архивных материалов и методологических подходов. Это относится прежде всего к вопросу о молдавско-болгарских связях накануне и в ходе войны 1877-1878 гг. Перед краеведами стоит задача представления биографий участников Болгарского ополчения. Необходимо полнее и на конкретных материалах описать исторические места, связанные с освободительным движением болгарского народа. Надеемся, что в дальнейшем будут выдвинуты новые актуальные темы и проблемы, которые станут предметом внимания молдавских исследователей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См. Мунтян М.А. Очерк исследований по истории балканских стран в Советской Молдавии // *Etudes balkanique*, 1974, 4. С. 110-121; Левит И.Э., Мошану А.К. Некоторые итоги исследования проблем истории нового и новейшего времени в Молдавской ССР // Историческая наука Советской Молдавии. Кишинев, 1983. С. 167-186; Червенков Н. Изучение истории болгар Молдовы и Украины: основные этапы // Страницы истории и этнографии Молдовы и Украины. Кишинев, 1995. С. 5-32.

² История МССР, т. 1. Кишинев, 1965. С. 505.

³ Будак И.Г. Общественно-политическое движение в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959. С. 76-78.

⁴ См. Червенков Н. Константин Поглубко – човекът и ученият // България в сърцето ми. Сборник, посветен на 60-годишнината от рождението на Константин Поглубко. София, 1996. С. 9-35.

⁵ Поглубко К.А. Очерки истории болгаро-российских революционных связей (60-70-е годы XIX века). Кишинев, 1972.

⁶ Поглубко К.А. Христо Ботев и Россия. Кишинев, 1976.

⁷ Поглубко К.А. Весна освобождения. Кишинев, 1978. С. 158-170.

⁸ История Молдавии. Документы и материалы. Т. IX, Кишинев, 1984. С. 441-443.

⁹ Забунов И.Д. Болгары юга России и национальное болгарское Возрождение. Кишинев, 1881. С. 88-113.

¹⁰ Червенков Н. Болградский революционный комитет в период Апрельского комитета в Болгарии 1876 г. // Известия АН МССР, серия общественных наук, 1986, № 3. С. 38-42.

¹¹ Поглубко К.А. Из истории болгаро-российских культурных связей 40-70-х годов XIX в. Кишинев, 1976.

¹² Степанова Л.И. Вклад России в подготовку болгарской интеллигенции в 50-70-е гг. XIX в. Кишинев, 1981. С. 203-210.

¹³ Степанова Л.И. Участие болгарской интеллигенции, подготовленной в России, в строительстве национального государства // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 145-148.

¹⁴ Грек И., Червенков Н. Българите от Украина и Молдова. Минало и настояще. София, 1993. С. 35.

¹⁵ Челак Е. Училищно дело и культурно-просветният живот на българските преселници в Бесарабия (1856-1878). Кишинев, 1999.

¹⁶ Грек И. Болгары юга России и болгарское общество за Дунаем в эпоху Болгарского Возрождения (Общее и особенное в этнокультурном развитии) // Балканите – ние сред другите и те сред нас. София, 1998. С. 92-107; Общественно-политическое движение болгар метрополии и Юга России в эпоху болгарского возрождения (общее и особенное) // Україна і Болгарія: віхи історичної дружби. Одеса, 1999. С. 148-157.

¹⁷ Гурбанов М. Неугасимое пламя советско-болгарской дружбы. Кишинев, 1959; То же. Кишинев, 1960.

¹⁸ Гурбанов М. Самарское знамя // Болгария, сестра родная. Кишинев, 1967. С. 7-37; Он же. Самарское знамя. Кишинев, 1970.

- ¹⁹ Гурбанов М.К. Бесарабские болгары – активни участници в българското опълчение // Военно-исторически сборник. 1965, № 5. С. 60.
- ²⁰ Поглубко К.А. Бесарабия и Руско-турската война 1877-1878 г. // Освобождението на България. София, 1982. С. 105,106.
- ²¹ Болгаро-российские общественно-политические связи в 50-70-е гг. XIX в. Кишинев, 1986. С. 176-181.
- ²² Этот музей, к сожалению, в начале 90-х гг. прошлого века был закрыт.
- ²³ Резник И. «На защиту угнетенных братьев наших...» // Коммунист Молдавии, 1987, № 5. С. 93-94.
- ²⁴ История Молдавской ССР с древнейших времен до наших дней. Кишинев, 1982. С. 210.
- ²⁵ История МССР. Кишинев, 1965. Т. I. С. 506.
- ²⁶ Будак И. Указ. Соч. С. 78.
- ²⁷ Там же. С. 76.
- ²⁸ Будак И. Ролул Русией ын десчинеле попоарелор балканиче // Ынвэцаторул советик, 1968, № 2. П. 54 -58.
- ²⁹ Поглубко К.А. Весна освобождения... С. 187-192.
- ³⁰ Гацац В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские связи. М., 1975. С. 161-171.
- ³¹ Поглубко К.А. Бесарабия и руско-турската война.... С. 78.
- ³² Самошин В.И. О деятельности общества Красного Креста на территории Молдавии в 1877 – 1878 гг. // Здравоохранение, 1975, № 1. С. 60-62.
- ³³ Новаков С.З. Участие бесарабских болгар в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Юбилей дружбы. Кишинев, 1969. С. 79-83.
- ³⁴ Поглубко К.А. , Забунов И.Д. Обновленная Твардица. Кишинев, 1980. С. 64; Новаков С.З., Червенков Н.Н. Прошлое и настоящее села Кирютия, Кишинев, 1980. С. 45.
- ³⁵ Мещерюк И.И. Переселение болгар в Южную Бесарабию. 1828-1834. Кишинев, 1965. С. 206.
- ³⁶ Степанова Л.И, Червенков Н.Н. Поддръжка на народите на Русия в освободителната война // Исторически преглед, 1988, № 3. С. 13-26.
- ³⁷ Поглубко К.А. Распространение революционной литературы среди русских войск на Балканах во время русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Юбилей дружбы... С. 37-53.
- ³⁸ Воробченко В. «Война решительно не дает мне покоя...». В. Гаршин и наш край // Кодры, 1878, № 12. С. 130-135; Чельщев Б. В. Гаршин в Молдавии // Чельщев Б. Цель – поиск. Кишинев, 1979. С. 218-232.
- ³⁹ Болгаро-российские общественно-политические связи... С. 185-251.
- ⁴⁰ Юбилей дружбы. Кишинев, 1969.
- ⁴¹ Русско-турецкой войне 1877-1878 гг. – 125 лет. Кишинев, 2003.

D. DRAGNEV

CONSTATĂRI PRIVIND NIVELUL PROCESULUI DE MODERNIZARE ÎN BULGARIA PÂNĂ LA ELIBERAREA DE SUB DOMINAȚIA OTOMANĂ

În istoriografia europeană recentă se acordă o deosebită atenție problemelor de istorie regională. Pentru istoricii din Republica Moldova un interes deosebit prezintă istoria Europei de Sud-Est, parte componentă a căreia din cele mai vechi timpuri este și Moldova.

Studierea proceselor istorice din această regiune nu poate să nu ia în considerație specificul civilizației balcanice, care conform aprecierii cunoscutului balcanist român Victor Papacostea, prezintă un caz fără precedent în Europa prin caracterul polietnic al populației și prin cultura care îmbină elemente ale Vestului și Orientului. Multe din elementele specifice ale acestui spațiu, anorate în epocile antică și medievală și-au lăsat amprenta și asupra procesului de modernizare în epoca contemporană.

În cele ce urmează vom încerca să evidențiem unele momente ale procesului de modernizare în domeniul socio-economic, preponderent din spațiul bulgar în perioada ce a precedat eliberarea lui de sub dominația otomană acum 125 ani în urmă.

În demersul nostru ne vom baza pe cercetările istoricilor bulgari (N. Todorov, D. Kosev, B. Tvetcova, M. Todorova, St. Dimitrov, V. Mutafchieva, L. Berov, etc.) vom lua concomitent în considerație unele concluzii ale istoricilor din alte țări (Serbia, România, Rusia etc.) și vom propune unele generalizări *.

Vom porni de la premisa că până la instaurarea dominației otomane Bulgaria se afla la hotarul de interfață a civilizației vest-europene și a celei bizantine Otomaniei au păstrat multe dintre elementele societății bizantine dar în mare măsură au izolat spațiul bulgar de civilizația europeană. Drept urmare, tendințele spre modernizare apărute în spațiul bulgar îndeosebi începând cu sec. al XVIII-lea pot fi caracterizate drept un proces de revenire la sistemul european de civilizație, care în acea perioadă se evidențiază prin afirmarea capitalismului.

Este cunoscut faptul că în Bulgaria nobilimea locală creștină a fost anihilată de cuceritorii. Dar în procesul de modernizare lentă a societății bulgare din sec. al XVIII-lea – prima jumătate a sec. al XIX-lea pătura dominantă musulmană instaurată în acest spațiu n-a fost în stare să se acordeze la noile procese istorice. Rolul de catalizator al acestui proces i-a revenit burgheziei comerciale creștine.

În istoriografie s-a constatat deja că burghezia comercială bulgară își trage obârșia încă de prin secolul al XVI-lea când se intensifică relațiile marfa-bani. Anume din această perioadă în spațiul bulgar crește importanța rentei în bani, iar agricultura este tot mai mult orientată spre piață (V. Muftacieva). Relațiile de piață se intensifică și în orașele bulgare. Despre această ne mărturisesc actele legislative (canun-name), care reglementau comerțul urban (N. Todorov, B. Tvetcova).

La procesul de afirmare a burgheziei comerciale a contribuit și comerțul extern a teritoriilor bulgărești cu Ungaria, Polonia, Imperiul Habsburgic, Principatele Dunărene etc. Operațiuni comerciale de ampoloare exercitată negustorii din Dubrovnic staționați în mai multe orașe bulgărești. Concomitent ea ampoloare capitolul cămătăresc.

Procesele socio-economice menționate ne permit să constatăm că în secolul al XVIII-lea – prima jumătatea secolului al XIX-lea, când Europa de Sud-est se include plenar în piața economică general europeană, în acest spațiu există o burghezie comercială deja constituită. Ea avea un caracter etnic eterogen: greci, armeni, vlahi (aromâni), evrei, levantini etc. Dar deacumă din al doilea părțal al sec. al XIX-lea Tânără burghezie de etnie bulgară intră în luptă cu burghezia greacă-fanariotă care deținea pozițiile cheie în economia Bulgariei.

Decăderea sistemului militar de stăpânire condiționată a pământului a condus la preluarea de către stat a fostelor *timare* și *zeamete*. În aceste condiții țărani care locuiau pe aceste pământuri încetau de a mai fi dependenți de persoana stăpânului, fapt ce avea o deosebită importanță în procesul de creare a pieței forței de muncă.

Desigur că puternică încă, obștea țărânească (*zadruga*) se opunea tendințelor membrilor săi de a părăsi satele, fiind solidari la plata impozitelor (unitățile fiscale purtau numele de hane). Și totuși în interiorul obștei se adâncea procesul de diferențiere după avere, care treptat căpăta un caracter social. Căpeteniile obștilor provineau din rândurile țăraniilor înstăriți (*ciorbaigii*). În hotarele sătești țăraniii tindeau să lărgescă terenurile arabile. Deși pământurile obștilor apărțineau statului, totuși țărani aveau dreptul să efectueze între dânsii tranzacții funciare. Anume pe această cale mulți ciorbaigii conceperă importante terenuri agricole. În unele cercetări (St. Dimitrov) au fost menționate asemenea stăpânerii de o suprafață de 70–100 ha. Ele erau incomparabil mai mici decât stăpânerile musulmanilor, dar erau stăpâneri deja de alt caracter, decât cel medieval.

Începând cu sec. al XVIII-lea și mai ales cu prima jumătate a sec. al XIX-lea, procesele sociale din sfera agrară erau nemijlocit legate de evoluția relațiilor comerciale cu piața capitalistă europeană. Autoritățile otomane nu aveau posibilitatea de a se opune acestui proces și erau nevoite să cedeze.

De o deosebită importanță a fost anularea în 1838 a monopolului de stat în comerțul cu grâne.

Dacă până în anii '30 ai sec. al XIX-lea gospodăriile senioriale – *ciflîcurile* mai puteau satisface cerințele pieții în produse agricole, apoi în deceniile următoare ele intră în criză nefind în stare să se acomodeze noilor cerințe ale pieții capitaliste, să utilizeze o nouă tehnică agricolă.

Pe parcursul procesului genezei capitalismului în agricultură, țărani statului, care alcătuiau majoritatea populației rurale bulgare, continuau să fie explicații de către stat, și concomitent intrău în diverse contradicții sociale în interiorul obștei. Burghezia rurală tot mai mult concentra în mâinile sale producția agricolă și creșterea animalelor, angaja în gospodăriile sale consăteni înăimiți, care posedau pământ puțin sau erai fără de pământ (proces descris de St. Dimitrov).

O particularitate a evoluției socio-economice a teritoriilor bulgare (ca și a întregului spațiu balcanic) sub dominație otomană era prezența unei dezvoltări vieții orașenești (vezi studiile lui N. Todorov). Este cunoscut faptul, că societățile orientale, inclusiv și cea otomană se bazau pe etatizarea vieții sociale. În aceste societăți domina renta centralizată de stat sub formă de impozite. Pentru perceperea acestei rente în orașe era staționat un numeros aparat funcționaresc, care era deservit de o importanță pătură de populație meșteșugărească și comercială. Astfel orașul fiind un centru al puterii era concomitent și un centru al meșteșugăritului și comerțului.

Dar pe parcursul secolului al XVIII-lea această structură socio-economică vine în contact cu piața capitalistă europeană, care tindea să atragă piețile balcanice în sfera sa de interes în calitate de loc de desfacere a producției industriale, sau de colectare a materiei primare. În fața economiei acestor teritorii era destul de acută dilemă: sau să accepte regulile de joc ale pieței capitaliste, sau să intensifice producția proprie prin metode tradiționale. Dar pe această cale economia balcanică putea juca numai rolul de furnizor de materie primă pe piețele europene.

Anume un asemenea rol au încercat să-l joace stăpâni de mari latifundii ciflicuri, constituie în această perioadă, în baza acapărării a zeci de sute de mici stăpâni. Astfel, latifundia lui Ali-paşa Tepertin includea circa 800-900 de foste mici ciflicuri; Pazvan-oglu din Vidin era stăpân a peste 200 de sate. Dar aceste mari stăpâni de pământ erau utilizate în primul rând nu pentru a organiza mari gospodării producătoare de produse agricole, ci erau concepute drept baze economice pentru acțiunile separatiste ale stăpânilor lor. În general, aristocrația musulmană, care ocupa poziții cheie în aparatul administrativ, își căpăta veniturile principale din renta de stat și din alte activități neproductive, cea ce nu-i permitea să

se includă în procesul de relații capitaliste. Fiind permanent în concreștere cu aparatul de stat aristocrația otomană deveniseră o pătură biocratică pribendiară.

Anume prin acest specific al aristocrației musulmane mulți istorici demonstrează teza despre incapacitatea ei de a genera procesul de constituire a națiunii otomane. În circumstanțele nominalizate purtători ai ideilor de modernizare din Imperiul Otoman devin popoarele creștine, care treptat se consolidează în națiuni moderne.

V-om menționa că absolutismul otoman n-a fost în stare chiar pe calea consensului temporar dintre aristocrația musulmană și burghezia popoarelor aflate sub dominația sa găsească calea ieșirii din criza acută în care se afla Imperiul în prima jumătate a secolului al XIX-lea.

Burghezia comercială națională, deși și la mijlocul sec. al XIX-lea îndepărta linea în mare măsură un rol de furnizor de mărfuri locale, activitatea ei comercială era supusă cerințelor pieții. Drept urmare procesul de organizare a producерii evaluează spre treapta manufacturii capitaliste. Primele dintre asemenea manufacтурă în Bulgaria erau destinate procesului de preluare a mătasurilor pentru export. O asemenea fabrică de textile a fost inaugurată de către omul de afaceri Dobri Jeleazcov în 1834 în or. Sliven. Dar până la eliberarea de sub dominația otomană asemenea întreprinderi erau încă puține.

Drept urmare a activității sale modernizatoare burghezia națională a jucat un rol de frunte în consolidarea națiunii moderne bulgare. Anume ea a pus bazele materiale ale iluminismului bulgar. Marii negustori adesea devineau mecenăți fondând școli, susținând editarea cărților cu caracter național. Astfel acești oameni de afaceri devineau purtătorii conștiinței naționale. De exemplu la sf. sec. al XVIII-lea un negustor dintr-un târg de la poalele munților Pirin, fiind participant al «Companiei Comerciale Veneze», la întrebarea despre localitatea sa de origine a răspuns în scris «Din Răzlog din Împărăția Bulgariei». Este clar că în conștiință acestuia negustor s-a renăscut mândria de fosta «Împărăție a Bulgariei». V-om menționa că anume din Răzlog era originar iluministul Paisie de Hilindar, autorul «Istoriei slavo-bulgare».

Burghezia națională bulgară susține procesul de constituire a intelectualității naționale. Aceasta creează un centru al emigrației politice bulgare la București. În 1804 aici își începe activitatea episcopul iluminist Sofronie Vrancianski – autor a mai multor cărți ce au contribuit la formarea conștiinței naționale a bulgarilor. Centrul emigrației politice din București a înainat ideea răscoalea antilotomane. În consecință intelectualitatea bulgară se situează în fruntea mișcării național-culturale a națiunii moderne, aflate în proces de constituire.

Pentru definitivarea procesului de constituire a societății moderne era necesară eliberarea de sub dominația politico-juridică și socio-economică a Statului otoman.

Dar și după eliberare «moștenirea otomană» a determinat includerea Bulgariei în zona «capitalismului de periferie» (conform clasificării lui Emanuel Valenstain) cu tot specificul procesului de modernizare characteristic acestei zone. Unele dintre problemele apărute în procesul de modernizare a societății bulgare acum 129 de ani în urmă mai continuă să fie actuale și astăzi, își așteaptă rezolvarea lor.

NOTE

- * Тодоров Н. Балканският град. XV–XVIII в. Социално-икономическо и демографическо развитие. София, 1972; Idem. Индустрислата революция в Западна Европа и балканските провинции на Османската империя. Българският пример // La revolution industrielle des les Sud-Est Europeen – XIX s. Raports présentés cu Coloquio Internationale de la Comission d'AIESEE sur l'histoire sociale et économique. Hamburg, 1970, Sofia, 1976; Б. Цветкова. Промени в османския феодализъм на балканските земи през XVI–XVII в. // Исторически преглед, № 4, София 1971. С. 55–73 (vezi și lista bibliografică la acest studiu); Д. Косев История на България, изд. II, т. II, София, 1962; Mutafchieva V., St. Dimitrov. Sur l'état du système des timars des XVII–XVIII siècles, Sofia, 1968; Л. Беров. Движението на цените на Балканите през XVI–XIX в. и европейската революция на цените. София, 1976; Todorova M. Balcanii și balcanismul. București, 2002; Ciachir N. Istoria popoarelor din Sud-Estul Europei în epoca modernă (1789–1923), București, 1982; Idem. Procesul de formare a națiunilor în Sud-Estul Europei // Studii și articole de istorie, 1988, Nr. LVII–LVIII; Idem. Istoria slavilor, Buc., 1998; Mehmed M. Civilizația turcă, București, 1980; Meijer M.C. Характеристика экономической жизни городов Османской империи в XVIII в. // Проблемы генезиса капитализма. Москва, 1978. С. 242–275; Шеремет В.И. Типологические черты формирования зависимого развития стран Юго-Восточной Европы. Балканские территории Османской империи в переходный период от феодализма к капитализму // Материалы к IV Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы, София, август 1989, Москва, 1989. §. 49–55.; Jelavich B. Istoria Balcanilor. Secolele al XVIII-lea și al XIX-lea, vol. I, Buc., 2000; Pavlowitch Stevan K. Istoria Balcanilor. 1804–1945. București, 2002, etc.

И. ГРЕК

РУССКО-ТУРЕЦКИЕ ВОЙНЫ И СУДЬБА БОЛГАР-ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ

Заявленную тему можно раскрыть, ограничив ее хронологически и проблемно сюжетами, завязанными непосредственно на самих войнах с 1711 по 1878 г. и переселенческих движениях западнодунайских болгар, ими вызванных. Это традиционный подход. А может быть, интересно и полезно подойти к ней ретроспективно, имея в виду, что судьба потомков болгар-переселенцев всех поколений была предопределена и обусловлена судьбой их прародителей. На мой взгляд, такой подход имеет право быть представленным вниманию читателей. Разумеется, я ограничусь постановкой проблемы в виде тезисов, затронув ее лишь в этническом и этнокультурном аспектах.

1. Как известно, болгарские поселения на юге Российской империи образовались главным образом в ходе или по завершении русско-турецких войн, имевших место с 60-х годов XVIII в. до середины XIX в. В основе массовой эмиграции болгар из-за Дуная лежали как объективные, так и субъективные факторы. Широкое участие болгарского народа в русско-турецких войнах на стороне России, не завершившихся освобождением Болгарии от иноземного порабощения, обосновывало исход значительного числа болгарского населения с исторической родины в сопредельные государства; исламизация православных болгар, применение насилиственных форм этнической и культурной ассимиляции, изменение демографической ситуации в болгарских землях посредством увеличения доли турецкого этнического компонента в общей массе населения сопровождалось ограничением этнокультурных и хозяйственно-экономических возможностей саморазвития болгарского этноса и также вызывало эмиграционные настроения. Целенаправленная политика официальных кругов России по привлечению в пределы империи лояльного к ней православного населения с Балкан и заселения ими вновь приобретаемых территорий Северного Причерноморья находила отклик и в болгарских землях. Каждая из вы-

шеозначенных причин сама по себе и все они в комплексе не поддаются односторонней трактовке. В конкретных военных, политических и geopolитических реалиях того времени они содержали в себе больше положительных, чем отрицательных последствий для тех, кто вынужден был покинуть большую и малую родину. Ни у кого из потомков болгар-переселенцев не повернется язык осудить родоначальника своего генеалогического древа, ибо он понимает, что не будь того, возможно, единственно верного прародителя решения, не было бы и его появления на этом белом свете. Но вместе с тем историческая наука, ретроспективно оценив последствия массовой эмиграции для болгарских земель и болгарского этноса, признала, что она негативно отразилась как на самом процессе многоаспектного национального болгарского Возрождения, так и на этнической мобилизации болгар. Это верная и объективная оценка с позиции общеболгарских интересов и ценностей.

2. Болгары-переселенцы XVIII – первой половины XIX в. заложили основы современной болгарской diáspora Республики Молдова и Украины. Есть все основания считать, что наши предки оставили заметный след в истории болгарского народа, в истории Болгарии, а также в истории России, СССР, Молдовы, Украины, Румынии. Вместе с тем многочисленные документы и исследовательская литература убеждают в том, что главнейшей проблемой, которой занимались не только первые поколения болгар-переселенцев, но и их ныне живущие потомки, является сохранение этнической идентичности и этнокультурной самобытности. Оказалось, что, спасаясь от физического истребления посредством эмиграции, сохранив биологическую возможность продолжения своего рода, попадая в более благоприятную среду проживания, чем та, что была в болгарских землях в XVIII-XIX вв., болгары-переселенцы и их потомки не получили этноязыковой страховой полис на новой территории обитания. После 1878 г. болгары в метрополии, решив проблему государственности, одновременно решили и проблему этнической сохранности. В отличие от них болгары в диас-

поре, в том числе и на постсоветском пространстве, продолжают испытывать тревогу относительно перспектив своей этноязыковой идентичности.

3. Рассматривая данную проблему на протяжении XIX и XX вв., мы исходим из двух причинно-следственных явлений того времени, влиявших на этнокультурное положение болгар юга России: внешнее ассимиляционное воздействие в двух его ипостасях – естественной и насилийной – и традиционную этнопсихологию болгар-переселенцев и их потомков – язык, быт, нравы, культуру. Факторами, угрожавшими болгарской диаспоре на юге России как самостоятельной, этнической и языковой субстанции, следует назвать геополитические изменения территории их проживания, демографические катаклизмы, политические репрессии, миграционные и эмиграционные процессы. Речь идет о 1856-1878 и 1918-1940 гг., о массовом переселении бессарабских болгар в Приазовье в 1860-1861 гг., о миграции болгар в связи с реформой П.А. Столыпина в начале XX в., о голодных 1932-1933 и 1946-1947 гг., об эмиграции бессарабских болгар в Южную Америку в 1925-1927 гг., о политических репрессиях 30 – 40-х гг. XX в., о катастрофических демографических изменениях в болгарских поселениях, наступивших в 90-х гг. XX в., о сокращении рождаемости в болгарской диаспоре. Нет возможности привести какую-то обобщающую статистику, которая бы показала объективную картину этнических потрясений, сопровождавших болгар Молдовы и Украины с середины XIX в. Проблема в целом еще не изучена. Поэтому ограничимся отдельными констатациями, тоже достаточно красноречивыми. Из Бессарабии переселились в Приазовье в начале 60-х гг. XIX в. примерно 20 тыс. болгар. По переписи населения 1989 г., в Запорожской области проживало около 34 тыс. болгар. По последним неофициальным данным, их численность сократилась до 28 тысяч. Если же исходить из теории статистики населения, утверждающей, что численность населения в XIX в. удваивалась через 50 лет, а в XX в. – через 70 лет, то выходит, что приазовских болгар должно было быть не менее 100-150 тысяч

человек. Крымские болгары насчитывали в первой четверти XX в. 13 тыс. человек. В 1944 г. они были депортированы и исчезли как диаспорная составляющая этнических болгар Молдовы и Украины. Сейчас в Крыму проживает примерно 2000 болгар, часть которых не является потомками крымских болгар. За счет эмиграции в Южную Америку в 1925-1927 гг. численность бессарабских болгар сократилась примерно на одну пятую. Голодовка 1946-1947 гг. унесла жизни от 30 до 50 процентов болгар Молдовы и юго-западных районов Одесской области Украины. Однако, несмотря на такие значительные потери, численность болгарской диаспоры в России, а затем и в СССР возрастила. Если же говорить о демографических процессах среди болгар Молдовы и Украины с 90-х гг. XX в., то их характер и масштабы таковы, что ими подрывается сама основа воспроизведения здесь этнической популяции болгар. Молодежь эмигрирует в ближнее и дальнее зарубежье, катастрофически упала рождаемость среди болгар, в том числе и в Тараклийском районе, возросла смертность и сократилась средняя продолжительность жизни. Учитывая тот факт, что прежняя единая болгарская диаспора России (СССР) распалась, а между болгарами Молдовы и Украины человеческие контакты затухают, то можно с тревогой и озабоченностью смотреть на перспективы сохранения на этнической карте Молдовы и Украины болгарского компонента. В целом мы наблюдаем процессы, негативно отражающиеся на демографическом положении этнических болгар Молдовы и Украины. Их продолжение, а тем более усиление может в корне изменить оценку переселения 150–200-летней давности, поскольку потомки переселенцев могут быть поставлены перед фактом этнического выживания.

4. Демографическая компактность болгар Молдовы и Украины обусловливала и обуславливает до сих пор их этническую и языковую автономию. Но если подойти к этой проблеме ретроспективно, то можно отметить некую очевидную закономерность: чем дальше мы отстоим по времени от факта массового переселения болгар на юге России, тем все более заметным становится ослабленное при-

существие в этнопсихологии потомков переселенцев традиционной болгарской духовности. И это, на мой взгляд, не только стихийно складывающаяся закономерность, но также и результат реализации здесь этнокультурной, образовательной и языковой политики государств, в состав которых входило Северное Причерноморье на том или ином историческом отрезке. Исторические факты свидетельствуют о том, что такая политика, как правило, не включала поддержку и развитие национально-культурной специфики болгарской диаспоры. В тех случаях, когда духовные ценности этнических болгар включались в систему культурно-образовательной политики этих государств, в болгарской диаспоре происходил этнокультурный взрыв, характерной чертой которого был общий и ускоренный рост культурного и образовательного уровня болгар, вбиравший в себя и их национально-культурные потребности. Такое сочетание в политике и такой эффект от нее имели место в 1856-1878 гг., в 20-30-х гг. XX в. Национальная школа, многообразие национальной культуры, национальные типографии и средства массовой информации – все это органично вписывалось в общий культурно-образовательный процесс болгар в Бессарабии, на Украине и в Крыму. Но так было не всегда, а лишь временами. Поэтому в культуре и образовании болгар Молдовы и Украины другой результат: высокий их уровень, достигнутый к концу XX в., не имел национально-духовных корней. Вот здесь следует искать глубинные причины того, что, когда в начале 90-х гг. XX в. появилась реальная возможность наверстать упущенное в национально-культурном развитии, болгарская диаспора Молдовы и Украины не была готова к такому повороту, а во многом она не готова и поныне – в меньшей степени у нас и в большей степени на Украине.

5. Когда мы говорим об этнокультурной и социолингвистической ситуации болгар Молдовы и Украины в контексте обозначенной мною темы, то следует принимать во внимание проблему их взаимоотношений с болгарами в метрополии. Здесь мы сталкиваемся с парадоксальным явлением, а именно: этнокультурные процессы среди бол-

гар юга России в XIX в., включая и период после 1878 г., были подчинены общеболгарским интересам и решали общеболгарские задачи. Иными словами, болгарская диаспора юга России не ставила перед собой задачу обособленного от болгар метрополии национально-культурного развития. Более того, и болгары из метрополии не рассматривали национально-культурное движение болгарского народа в эпоху Возрождения вне контекста взаимодействия с болгарами, оказавшимися за пределами исторической родины. Однако то, что до 1878 г. в этнокультурном взаимодействии между болгарами из метрополии и диаспоры юга России было абсолютно правильным, требовало пересмотра или хотя бы корректировки после воскрешения болгарского государства. Этого не произошло. В результате массовый исход на историческую родину южно-российской болгарской интеллигенции, и прежде всего ее бессарабской ветви, действительно имевший первостепенное значение в строительстве новой Болгарии, вместе с тем лишил болгарскую диаспору интеллигентской прослойки, без которой ее национально-культурная автономия оказалась подрезанной под корень. В космополитическом XX веке, за исключением небольшого отрезка времени примерно между 1922-1938 гг., советские болгары в общеобразовательном и культурном плане развивались без учета своих этнокультурных и языковых потребностей. Следовательно, *планомерной и последовательной работы* по формированию национальной по духу болгарской интеллигентской прослойки не было и не могло быть. Болгария в силу различных причин не смогла оказать помочь этническим болгарам Молдовы и Украины. Таковы были реалии вплоть до 90-х гг. XX века.

РЕЗЮМЕ. Рассматривая русско-турецкие войны в контексте исторической судьбы болгар Молдовы и Украины, можно отметить следующее. Первое. Самим фактом переселения болгарская диаспора юга России была поставлена в условия перманентной борьбы за сохранение своей этнической и культурной идентичности. Второе. Объективные и субъективные факторы жизнедеятельности болгарской диаспоры Молдовы и Украины на

протяжении двух веков обусловливали снижение ее этнического и культурного иммунитета и усиление ассимиляционных процессов. Третье. Новая полигэтническая и поликультурная среда обитания болгар юга России служила сдерживающим моментом в проведении ассимиляционной политики, от кого бы она ни исходила – России, СССР или Румынии. Четвертое. Политические перемены, произошедшие в Молдове и Украине в начале 90-х гг. XX в., создали благоприятные предпосылки для национально-культурного развития здесь болгарской диаспоры, что не означает, что нет и не будет препятствий и проблем на пути реализации этих предпосылок. Наконец, пятое. Национально-культурное развитие болгар Молдовы и Украины на данном этапе невозможно без всесторонней, в том числе и политической, поддержки со стороны исторической родины. С удовлетворением можно отметить, что такая помощь со стороны Болгарии постоянно оказывается уже более 10 лет.

A. AGACHE

**ACTIVITATEA LUI M.I. KUTUZOV
PENTRU ATRAGEREA ÎN HOTARELE IMPERIULUI
RUS A COLONIȘTILOR STRĂINI (1811-1812)**

Pe parcursul secolului al XVIII-lea și în prima jumătate a secolului al XIX-lea, guvernul țarist a promovat o politică de atragere a coloniștilor străini pe teritoriul Imperiului Rus. Extinderea statului rus, dezvoltarea lui economică, deseori războaie de cucerire a noi teritorii necesitau un număr tot mai mare de oameni. Creșterea naturală a populației era însă limitată, iar o mare parte a vastelor teritorii incluse în componența statului rus rămâneau slab populăte sau chiar pustii. Pentru a rezolva problema populării acestor teritorii, guvernul rus a inaugurat politica de largă atragere pe teritoriul Imperiului Rus a locuitorilor statelor vecine.

Promovând această politică, guvernul realiza concomitent trei scopuri. În primul rând, coloniștii, fiind înzestrăți cu mari loturi de pământ, desfășurau o intensă activitate economică, majorând veniturile haznaiei statului, în al doilea rând, bucurându-se de mari privilegii în comparație cu locuitorii băstinași, coloniștii constituiau o categorie socială care sprăjinea țarismul rus, fiind utilizăți la înăbușirea mișcărilor sociale și naționale, în fine, coloniștii consolidau forțele militare ale Rusiei, deoarece ei erau organizați în regimenteri, care erau subdivizate în companii, fiecare companie constituind o colonie militară.

Pe timp de pace, coloniștii se ocupau cu munca agricolă, iar pe timp de război, regimenterile alcătuite din coloniști intrau în componența armatei regulate, participând la operațiunile militare. Anume cu ajutorul coloniștilor străini guvernul rus a reușit să înfrângă răscoala țărănească sub conducerea lui Pugaciov, să lichideze mișcarea haidamacilor din Ucraina și Secea Cazacilor Zaporozjeni.

Guvernul rus acorda coloniștilor un șir de privilegii, înclesniri economice, scutiri de impozite, conferindu-le grade militare, diverse decorații, arme de onoare etc.¹

Începând cu 1711, după nereușita campanie de la Prut a țarului rus Petru I, cu care se aliase domnul Moldovei Dimitrie Cantemir, și până la sfârșitul secolului al XVIII-lea, români, originari din Moldova și Tara Românească, constituiau majoritatea absolută a coloniștilor strămutați și așezăți cu traiul în Rusia, numărul lor variind între 106 și 154 mii de sufltele. Numai în Regimentul moldovenesc erau încorporați 16 790 bărbați și 6 469 femei², iar către mijlocul secolului al XIX-lea numărul românilor

stabilități în guberniile sudice ale Imperiului Rus atingea cifra de 244 100 oameni³. De asemenea, în rândurile coloniștilor erau mulți sărbi, greci, bulgari și albanezi, originari din posesiunile balcanice ale Porții Otomane.

Politica de ademenire a coloniștilor a fost promovată de Rusia și în timpul războiului ruso-turc din 1806-1812. De data aceasta, în atenția puterii țărăști erau coloniștii transdanubieni, și nu români, deoarece Rusia condiționa semnarea păcii cu Poarta de stabilirea hotarului rus pe Dunăre și anexarea în întregime a Moldovei și Țării Românești. Astfel, locuitorii Principatelor urmău să devină supuși ai Rusiei. Rusia își lega speranțele de «bulgari» (așa erau numiți de către autoritățile țărăști toți coloniștii transdanubieni – *n.a.*), deoarece aceștia erau creștini ortodocși și doreau să se izbăvească de jugul otoman și să-și creeze condiții de viață mai bune.

La 1 septembrie 1807 a fost dat publicitatea un ucaz special privitor la privilegiile acordate bulgarilor care se vor strămuta cu traiul în Rusia. Conform actului, fiecare familie strămutată urma să primească 60 desetine de pământ «în veșnică stăpânire ereditară»⁴, în primii ani ai războiului rus-turc din 1806-1812, de primirea și repartizarea coloniștilor veniți de pe Dunăre se ocupau comandanții-șefi ai armatei din Principate și senatorii ruși S. Kușnikov și V. Krasno-Milașevici, președinți ai Divanurilor Moldovei și Țării Românești.

Activitatea acestor demnitari țărăști era însă inconsecventă și contradictorie. După trecerea, în 1809, a armatei ruse la sud de Dunăre, bulgarii manifestau dorința de a se strămuta la nord de Dunăre, însă Bagration, comandantul-șef al armatei ruse, insistă ca bulgarii să rămână la vechiul loc de trai⁵. Nu se știa unde anume vor fi așezăți cu traiul coloniștii. Războiul cu Poarta continua și nu se știa cu certitudine când va înceta, care va fi rezultatul lui și pe unde va trece noul hotar al Rusiei. Autoritățile țărăști își doreau însă ca și după terminarea războiului coloniștii să rămână pe teritoriul rus și nu erau împotrivă să-i transforme în țărani iobagi, din care cauză apăruse intenția de a-i transfera cu forță în stepele din Novorossia⁶. Coloniștii nu erau însă de acord.

Attitudinea autorităților ruse față de coloniști s-a mobilizat în 1811, când M. Kutuzov a fost numit comandant al armatei ruse. Noul comandant dorea să atragă de partea Rusiei un număr cît mai mare de coloniști. Promovând o politică bine chibzuită, a căutat să creeze Rusiei o autoritate și o imagine cît mai favorabilă în rândurile locuitorilor din posesiunile otomane și austriice, de unde urma să vină coloniștii. Pentru aceasta, era necesar de a preveni apariția nemulțumirilor în rândurile locuitorilor Principatelor, ca ei să nu fugă în posesiunile otomane și austriice, prejudiciind astfel imaginea Rusiei și a activității administrației ruse din Principate.

Mai întâi, Kutuzov a interzis strămutarea forțată a coloniștilor în Novorossia⁷. Apoi, pe 26 aprilie 1811, a dat publicitatea o adresare specială către locuitorii creștini care se mutau de pe malul drept pe malul stâng al Dunării, în care promitea să-i scutească de impozite și prestații pe un termen de 3 ani, să-i înzestreze cu pământ în locurile de trai, pe care ei își să le vor alege, să creeze o comunitate separată acoloniștilor, independentă față de Divanurile Principatelor și ispravnici⁸. Coloniștii au fost scutiți de impozite și prestații, primind și un sir de alte facilități.

Cea mai dificilă sarcină pentru Kutuzov era să creeze și să păstreze în rândurile populației o imagine favorabilă a Rusiei, deoarece aprovizionarea armatei ruse se făcea pe contul locuitorilor din Principate.

Totuși Kutuzov a luat unele măsuri care să contribuie la aprovizionarea eficientă a armatei. Mai întâi, generalul a interzis rechiziționarea mijloacelor de transport de la țărani în timpul semănatului de primăvară⁹, în cazuri exceptionale, locuitorii unor sate erau dispensați temporar de plata impozitelor¹⁰, în iunie 1811 s-a produs un eveniment excepțional: locuitorii a 19 sate din județul Argeș și-au părăsit satele, unii trecând hotarul în Transilvania, iar alții ascunzându-se în pădurile de la hotarul cu Austria. Kutuzov și-a manifestat îngrijorarea, considerând că faptul respectiv va produce, asupra locuitorilor Transilvaniei, o impresie nefavorabilă despre guvernul rus și a cerut generalului Șteter, vicepreședinte al Divanului Țării Românești, să ia măsuri pentru a-i întoarce pe fugari «fără a face uz de forță»¹¹.

Acestea și alte acțiuni întreprinse de către Kutuzov nu au rămas neobservate de către autorități, care au început să elogieze activitatea generalului¹². Până la numirea acestuia, mijloacele de transport erau rechiziționate de la locuitori pe parcursul întregului an pe toată durata războiului, fără nici o excepție. Ogoarele țărani rămâneau nelucrate, povara impozitelor nu se elimina, iar în cazurile când unii locuitori părăseau satul, autoritățile trimiteau pe urmele lor echipe polițienești sau militare, fugarii fiind aduși cu forță la vechiul loc de trai. Cu toate acestea, nu putem vorbi despre careva schimbări cardinale în atitudinea autorităților țărăști și a lui Kutuzov față de locuitorii Principatelor. Pentru a ne convinge de aceasta, urmează să analizăm care erau adevăratele motive ce ghidau activitatea comandantului-șef. Documentele timpului ne demonstrează clar că nu o pretinsă compătimire față de locuitori, ci nevoie armatei imperiale l-au făcut pe general să reglementeze confiscarea mijloacelor de transport de la țărani. Kutuzov a fost numit comandant-șef al armatei în aprilie 1811, când în Principate continua foamea declanșată în 1810. Era al cincilea an de război, Principatele erau ruinate, rezervele de provizii se epuizaseră. Aprovizionarea armatei ruse se afla în pericol, deoarece transportarea

proviziilor din Rusia era extrem de anevoieoașă. Pentru a ameliora situația, Kutuzov a hotărât să limiteze rechizitia mijloacelor de transport, permitând țărănilor să însământeze ogoarele și să producă pâinea necesară armatei ruse din Principate. Existau și alți factori care au determinat luarea acestei decizii.

Armata rusă se micșorase până la 46 mii de oameni, după ce 5 divizii au fost scoase din Principate și trimise la nord de Hotin, ca să lupte cu trupele lui Bonaparte. Evident, o armată redusă aproape la jumătate avea nevoie de mai puține mijloace de transport. Afără de aceasta, ordinul lui Kutuzov acționa numai pe parcursul semănătului.

Documentele relevă că erau scuți temporar de plata impozitelor locuitorii satelor distruse în urma operațiunilor militare¹³, care rămăseseră fără surse de existență, deci, scutirea era formală. Am menționat deja că generalul a ordonat să fie luate măsuri pentru a-i întoarce acasă pe fugarii din cele 19 sate din județul Argeș, fără a recurge la forță. Și într-adevăr, autoritățile i-au «convins» pe țărani să se întoarcă, ei fiind amenințați că, în caz contrar, locuințele lor vor fi date celor 10 mii de coloniști sărbi, care așteptau în București să le fie stabilit noul loc de trai¹⁴. Amenințarea a avut efectul scontat. Pentru a demonstra că atitudinea autorităților țariste față de populația indigenă nu a suferit schimbări cardinale, evocăm și următorul fapt.¹⁵

Administrația țaristă a obligat Moldova și Țara Românească să livreze trupelor ruse anual, în mod gratuit, câte 51 600 sferturi de pînă¹⁶, să plătească anual pentru întreținerea spitalelor militare câte 852 281 lei¹⁷ și pentru raia de carne și vin a militarilor câte 354 242 lei¹⁸. Deși, precum am menționat, armata rusă se micșorase aproape la jumătate, cantitatea de pâine și sumele bănești impuse spre achitare Principatelor nu au fost reduse. Dimpotrivă, Kutuzov 1-a avertizat pe V. Krasno-Milașevici, președinte al Divanurilor Moldovei și Țării Românești, despre o posibilă majorare a acestora¹⁹.

Deci putem afirma cu certitudine că, după ocuparea postului de comandant-șef al armatei ruse de către generalul M. Kutuzov, atitudinea administrației ruse din Principate față de coloniștii transdanubieni a suferit o modificare favorabilă acestora, iar atitudinea față de locuitorii Principatelor a rămas practic neschimbată. Pur și simplu, generalul Kutuzov a început să promoveze o politică mai abilă, ținând cont de circumstanțele concrete, având grijă, în primul rând, să asigure aprovizionarea armatei ruse pe contul populației din Principate.

NOTE

¹ A. Leșcu, Unități ostășești românești în cadrul armatei ruse (sec. XVIII-XIX) // Destin românesc, nr. 2, 2001. P. 29-30.

² Ibidem. P. 24.

³ Ibidem. P. 25.

⁴ Мещерюк И.И. Социально-экономическое развитие болгарских и гагаузских сел южной Бессарабии (1808–1856), Кишинев, 1971. С. 10.

⁵ Мещерюк И.И. Первое массовое переселение болгар и гагаузов в Бессарабию в начале XIX века // Известия Молдавского филиала Академии наук СССР, № 3-4 (11-12). Кишинев, 1953. Р. 77.

⁶ Мещерюк И.И. Антикрепостническая борьба гагаузов и болгар Бессарабии в 1812–1820 гг. Кишинев, 1957. С. 12.

⁷ Мещерюк И.И. Первое массовое переселение ... С. 82.

⁸ Березняков Н.В., Богданова В.А. Кутузов и Дунайские княжества. Кишинев, 1948. С. 85.

⁹ Ibidem. P. 84.

¹⁰ Ibidem. P. 96.

¹¹ Ibidem. P. 71.

¹² Zilot Romanul, înainte de Tudor Vladimirescu. O cronică inedită a Țării Românești dintre 1800-1821, București, 1884. P. 97.

¹³ Березняков Н.В., Богданова В.А. Op. cit. P. 96.

¹⁴ Ibidem. P. 74.

¹⁵ Arhiva Națională a Republicii Moldova, f. I, inv. I, i 2283, f. 1130 v.

¹⁶ Ibidem, d. 2322, f. 93 v., 94.

¹⁷ Ibidem, d. 65, f. 164.

¹⁸ Ibidem, d. 2322, f. 23 v.-24; d. 3247, f. 219, 219 v.

И. ЗАБУНОВ

**ФОРМИРОВАНИЕ БОЛГАРСКОЙ ДРУЖИНЫ
В КИШИНЕВЕ НАКАНУНЕ
РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг.**

О Болгарской дружине в Кишиневе известно мало. В литературе лишь указывается, что в 1875 г. «революционная группа в Кишиневе была преобразована в революционный комитет»¹. В письме Настоятельства Болгарской браильской дружины к Ц. Петкову, С. Соколову и Т. Томичу в Белград от 26 февраля 1876 г. отмечается, что в некоторых городах Румынии и Южной России, в том числе в Кишиневе, составлены болгарские дружины². Одной из причин активизации деятельности эмиграции на юге России, создания новых организаций, в том числе Болгарской дружины в Кишиневе, была поездка Х. Ботева в Россию в 1875 г. Как известно, одной из задач Х. Ботева, выдвинутых им в газете «Знамя», было укрепление и расширение сети революционных комитетов³.

20 августа 1875 г. Х. Ботев в качестве эмиссара «комитета пяти» отправился в Россию с целью предложить проживавшему в Одессе воеводе Филиппу Тотю участвовать в готовящемся восстании⁴. Х. Ботев возлагал большие надежды на помочь болгар России. Предстояло собрать денежные средства, закупить оружие, привлечь к восстанию болгар, находящихся на службе в русской армии⁵.

23 августа 1875 г. Х. Ботев прибыл в Кишинев. В период его пребывания в городе была создана Болгарская дружина. В нее вошли офицеры-болгары, готовые поддержать вооруженную борьбу своих со-отечественников,

Из записной книжки Х. Ботева видно, что в Кишиневе он беседовал с председателем Кишиневского болгарского общества распространения грамотности между болгарами И.С. Ивановым, а также с Найденом Пешовым Папаниновым⁶. В литературе указывается, что здесь Х. Ботев встретился с только что произведенными в офицеры Д. Филовым, П. Шиваровым, А.П. Кожухарским (Кожухаровым) и Ивановым, с юнкерами Д. Николаевым, С. Кисовым, А. Гуджевым, а также с капитаном Райчо Николовым⁷. Кишиневские болгары и служившая в полках русской армии болгарская молодежь согласились собирать средства и принять участие в готовящемся восстании. Из Кишинева Х. Ботев поехал в Одессу и Николаев, а затем вернулся через Одессу опять в Кишинев⁸.

И. Забулов

В начале сентября 1875 г. Х. Ботев и воевода Ф. Тотю вели в Кишиневе переговоры с болгарами-офицерами. По мнению членов Болгарского революционного центрального комитета в Бухаресте, болгары-офицеры на русской службе должны подавать в отставку и отправляться за Дунай только после того, как в Болгарии вспыхнет всеобщее восстание⁹. Х. Ботев и Ф. Тотю побывали в Кэприянском монастыре, надеясь получить средства от болгарских настоятелей.

Восстание, начавшееся 16 сентября в некоторых районах Болгарии, не успев развернуться, было подавлено. В болгарском революционном движении наступил кризис. Болгарский революционный центральный комитет в Бухаресте прекратил свое существование. Возникший в румынском городе Гюргево революционный комитет в ноябре-декабре 1875 г. принял решение о подготовке весной 1876 г. нового восстания. План Гюргевского комитета предусматривал наряду с прочим отправление в Болгарию вооруженных отрядов, одним из которых должна была стать чета Х. Ботева¹⁰. Болгарские дружины в Болграде, Кишиневе, Одессе не были своевременно информированы о событиях в Болгарии и новых планах революционной эмиграции.

Болгарские революционеры активно готовились к восстанию. Одной из главных задач был сбор средств для закупки оружия. 27 февраля 1876 г. член Болгарского революционного центрального комитета в Турну-Мэгуреле П. Мицайков писал П. Хитову, что при встрече Х. Ботев и Д. Ценович сообщили ему об обещании одного «богатого русского» пожертвовать 12 тыс. руб. для подготовки восстания в Болгарии¹¹. Нельзя не согласиться с теми исследователями, которые считают, что «богатый русский» – это не частное лицо, а какая-то организация в России¹². Нам кажется, что в данном случае Х. Ботев не имел в виду частное лицо и даже одну организацию, а рассчитывал на содействие и помочь болгарских организаций на юге России, с представителями которых он вел переговоры в августе-сентябре 1875 г. и которые уже приступили к сбору средств для болгарского восстания.

4 марта 1876 г. Х. Ботев вновь выехал в Россию. Он посетил Кишинев и Одессу, где вел переговоры с местными болгарами о финансовой и военной помощи болгарскому восстанию, в первую очередь в формировании и вооружении болгарского отряда¹³.

В начале апреля 1876 г. при содействии представителя Московского славянского комитета И.С. Аксакова¹⁴ генерал

М. Черняев, направлявшийся в Сербию, связался с И.С. Ивановым и П. Калянджи¹⁵. Он писал И.С. Аксакову о своем пребывании в Кишиневе: «Из Кишинева я проехал через Болград в Галац и Бухарест. Во всех этих местах благодаря Иванову я виделся с кем нужно и был удивлен воодушевлением, господствующим в этих кружках»¹⁶.

О намерении членов Болгарской дружины участвовать в готовящемся восстании в Болгарии свидетельствует письмо И.С. Иванова к И.С. Аксакову, отправленное 19 апреля 1876 г., за день до начала восстания в Болгарии. Сообщая о закупке оружия, кишиневский болгарин пишет: «На днях должны отсюда отправиться на юг несколько офицеров из болгар для поправления своего здоровья¹⁷, и каждому из них... нужно дать по крайней мере 100 руб. на дорогу. Николай Алексеевич¹⁸ пишет мне, что будет здесь не раньше, как через две недели, а между тем офицеры по совету врачей должны отправляться на юг в непродолжительном времени»¹⁹. Как известно, восстание в Болгарии, запланированное на начало мая, вспыхнуло преждевременно – 20 апреля 1876 г. Болгарская эмиграция в Румынии и России пришла к выводу о необходимости создания единого центра с целью поддержать восстание болгарского народа.

Известно обращение находившихся в Кишиневе болгар-офицеров к своим соотечественникам: «Братья-болгары! При поступлении на русскую военную службу нашей целью было изучить специальное военное искусство... Наша цель достигнута, мы закончили военное училище, остались на службе в России и с нетерпением ждем тот час, когда каждый из нас сможет принести посильную пользу своему Отечеству». Далее в обращении указывалось, что, узнав о готовящемся восстании в Болгарии и желая знать подробности относительно планов его подготовки, болгары-офицеры избрали эмиссаром в Румынию для совещания с революционной эмиграцией капитана Райчо Николова. По неизвестным причинам Р. Николов отказался от поездки и предоставил выполнить эту миссию кишиневскому болгарину Павлу Калянджи²⁰. Не исключено, что, посылая эмиссаром П. Калянджи, а не капитана Р. Николова, члены дружины исходили из конспиративных соображений. Следует сказать, что Болгарская дружина в Кишиневе действовала в тесной связи с Кишиневским болгарским обществом распространения грамотности между болгарами, глава которого И.С. Иванов (Калянджи) был родным братом П. Калянджи.

Через несколько дней после начала Апрельского восстания П. Калянджи отправился в Бухарест. К.Цанков и П. Калянджи вызвали туда представителей эмиграционных центров, и 1 мая 1876 г. в Бухаресте состоялось учредительное собрание единого организационного центра с участием представителей Бухареста (К. Цанков), Болграда (М. Радионов), Измаила (Г. Шопов), Кишинева (П. Калянджи), Одессы (И. Кишельский). На собрании было решено возобновить деятельность Болгарского человеколюбивого настоятельства, основанного 21 августа 1875 г., обновив его состав²¹.

Основным вопросом повестки дня настоятельства был вопрос о средствах. Первый взнос в его кассу, равнявшийся 430 на полеондорам, или 5000 франкам, внес П. Калянджи²². 9 мая эти деньги были переданы Х. Ботеву для вооружения его четы²³.

Преждевременное начало и быстрое подавление Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии не позволили членам Болгарской дружины в Кишиневе участвовать в героической эпопее болгарского народа. Но все они впоследствии приняли участие в борьбе за освобождение своей Родины.

Кто же входил в состав Болгарской дружины в Кишиневе? Какова судьба каждого из них? Под уже упомянутым обращением дружины стоят подписи 10 офицеров-болгар: А. Гуджев, С. Кисов, Д. Николаев, Р. Николов, П. Стоянов, Н. Папанинов, М. Тевавский, Д. Филов, П. Шиваров, С. Муткуров, а также эмиссара дружины П. Калянджи²⁴.

Аврам Иванович Гуджев в 1670 г. поступил в Одесское пехотное юнкерское училище²⁵. После его окончания в 1875 г. служил прапорщиком в 54-м пехотном Минском полку в Кишиневе. 3 апреля 1877 г. включен в состав пешего конвоя главнокомандующего в должности адъютанта 2-й роты 2-й дружины, а 18 апреля – в 6-ю дружину Болгарского ополчения. В конце апреля 1877 г. вместе с дружинами Болгарского ополчения он отправился в лагерь ополчения в г. Плоешть, 24 мая 1877 г. был произведен из прапорщиков в подпоручики. С 28 августа 1877 г. Гуджев – среди защитников Шипки, где по особому указанию Н. Г. Столетова занимается снабжением ополченцев теплой зимней одеждой, устройством оружейной мастерской. 28 декабря 1877 г. подпоручик 5-й дружины Болгарского ополчения А. Гуджев участвует в бою у Шейново, где получает тяжелое ранение. За участие в русско-турецкой войне награжден медалью. После окончания во-

енных действий А. Гуджев поступает на службу в Болгарское земское войско²⁶.

Степан Иванович Кисов поступил в Одесское пехотное юнкерское училище в 1870 г. После его окончания зачислен в 54-й пехотный Минский полк. 3 апреля 1877 г. прaporщик С. Кисов включен в список пешего почетного конвоя, а через день назначен субалтерни-офицером во 2-ю роту 1-й дружины конвоя. В мае 1877 г. в лагере Болгарского ополчения в г. Плоешть С. Кисов получает чин прaporщика, а затем подпоручика.

29 июня 1877 г. у стен Стара-Загоры разгорелось жесточайшее сражение. Турки грозили окружить 5-ю дружины Болгарского ополчения. Описывая сражение у Стара-Загоры, Н.Г. Столетов сообщал: «Между тем неприятель все сгущал свою цепь и выдвинул вправо сомкнутую часть. Тогда подполковник выслал 3-ю роту... охватить левый фланг турок. С офицерами во главе, с песней «Болгаре юнаци», рота направилась на мусульман... Подпоручик Кисов, отобрав у раненого турецкого горниста рожок, сам трубил атаку»²⁷.

В сентябре 1877 г. подпоручик Кисов заведует оружейным складом Болгарского ополчения, а через месяц его назначают дружиным инструктором 3-й дружины ополчения. После войны он вступил в Болгарское земское войско. За участие в военных действиях С. Кисов был награжден боевым орденом Св. Владимира и медалью «За защиту Шипки»²⁸.

Данил Николаевич Николаев после окончания Одесского пехотного юнкерского училища был направлен в 54-й пехотный Минский полк. 3 апреля 1877 г. прaporщик Д. Николаев включен в список пешего почетного конвоя, а 4 апреля назначен субалтерни-офицером во 2-ю роту 3-й дружины конвоя. За участие в боях у Стара-Загоры 19 июля 1877 г. подпоручику Николаеву присвоено звание поручика. 2 ноября 1877 г. Николаева назначают командиром 4-й роты 5-й дружины Болгарского ополчения. 28 декабря 1877 г. в бою при штурме шейновского укрепленного лагеря поручик Д. Николаев получил тяжелое ранение. После войны служил в 23-й Казанлыкской дружине Болгарского земского войска. За участие в войне Д. Николаев был награжден тремя боевыми орденами и медалью «За защиту Шипки»²⁹.

Райчо Николов. В июне 1854 г. войска Омер-паши планировали переправу через Дунай с целью нанести внезапный удар по русским войскам, сосредоточенным в районе Фратешты-Гюрге-

во. Узнав об этом, 13-летний Райчо Николов переплыл Дунай и предупредил русское командование, в результате принятых мер операция турок провалилась. За совершенный подвиг Р. Николов был награжден медалью «За усердие», получил дворянское звание и был зачислен в кадетский корпус. После окончания военного училища он служил в Варшаве (1859-1866), постоянно переписываясь с болгарами за Дунаем и в эмиграции. В 1866 г. Р. Николова перевели по его просьбе на службу в Бессарабию. В 1873 г. капитан Р. Николов подал в отставку и поселился в Комрате. Он был знаком с Х. Ботевым, участвовал в сербско-турецкой войне 1876 г.

С первых дней войны Р. Николов находился в составе Болгарского ополчения, командуя 1-й ротой 4-й дружины. Его деятельность разнообразна: он заботится о размещении ополченцев в плоештском лагере, о наборе новых добровольцев, участвует в разведрдах в тыл противника. Учебными пособиями ополченцев были составленный Р. Николовым «Закон за българските войници» и переведенные им на болгарский язык основные положения военных уставов русской армии. После войны Р. Николов становится членом общества «Единство». 6 сентября 1885 г., в день объявления о соединении Восточной Румелии и Болгарского княжества майор Райчо Николов был убит³⁰.

Петр Степанович Стоянов в 1870 г. поступил в Одесское пехотное юнкерское училище. Служил в 54-м пехотном Минском полку в Кишиневе. С первых дней войны зачислен в 3-ю дружину Болгарского ополчения, а в конце апреля 1877 г. подпоручик П. Стоянов назначен заведующим оружейным складом ополчения. В декабре 1877 г. поручик П. Стоянов становится бригадным адъютантом. После войны 1877-1878 гг. служил в Болгарском земском войске³¹.

Найден Пешов Папанинов. В записной книжке Х. Ботева упоминаются кишиневские болгары дядо Пырво и его сын Найден. Пырван Папанинов, или дядо Пырво, как его называет Х. Ботев, был широко известен как в Болгарии, так и среди многочисленной болгарской эмиграции. Один из руководителей восстания 1850 г. в Западной Болгарии, Пырван Папанинов в период Крымской войны постоянно находился в действующей армии в качестве депутата от болгарских общин³². За участие в формировании отрядов волонтеров из болгар и оказанные в период войны русскому командованию услуги он был награжден меда-

лью³³. Но, возвратившись в Болгарию, болгарские старшины, и среди них П. Папанинов, подверглись гонениям со стороны турецких властей и вынуждены были снова искать убежища в России. В 1860 г. особым царским указом они были поселены в Кишиневе³⁴. Их дети получали возможность обучаться за счет казны в учебных заведениях, по окончании которых им предоставлялись права дворян³⁵.

В 60-х гг. XIX в. Пырван Папанинов был офицером русской армии и жил в Кишиневе³⁶. Вместе с ним приехал в Кишинев и сын его второй жены Найден Атанасов Пешов из Лома, взявший фамилию отчима³⁷. Найден Папанинов учился в Кишиневской гимназии. В 1866 г. Н. Папанинов на пути в Болгарию встретился с Г. С. Раковским. Из Болгарии он поехал в Сербию, где участвовал в походе четы И. Кулина, затем вступил во второй болгарский легион в Белграде, жил в одной казарме с В. Левским и И. Кулиным³⁸. В 1869 г. Н. Папанинов поступил в Одесское пехотное юнкерское училище а после его окончания служил в одном из полков в Бессарабии³⁹.

Есть сведения, что Н. Папанинов участвовал в Апрельском восстании 1876 г., командуя большим отрядом повстанцев⁴⁰. Летом 1876 г. Н. Папанинов отправился в Сербию, где в одном из сражений с турками был убит⁴¹.

Михаил Иванович Тепавский в 1870 г. поступил в Одесское пехотное юнкерское училище, а после его окончания в 1875 г. служил в Кишиневе⁴². В сентябре 1876 г. прaporщик Тепавский подал в отставку и уехал в Сербию, где был зачислен в добровольческий отряд полковника Медведовского⁴³. Дальнейшая судьба М. И. Тепавского нам неизвестна.

Дмитрий Филов в 1869 г. поступил в Одесское пехотное юнкерское училище, а с 1874 г. служил в 54-м пехотном Минском полку в Кишиневе. С первых дней создания Болгарского ополчения поручик Д. Филов находился в его рядах, а в июне 1877 г. он назначен командиром 4-й роты 3-й дружины. После войны 1877-1878 гг. Д. Филов вступил в Болгарское земское войско⁴⁴.

Петко Шиваров в 1869 г. поступил в Одесское пехотное юнкерское училище. С 1874 г. он служил в 53-м пехотном Волынском полку. В апреле 1877 г. подпоручик П. Шиваров зачислен во 2-ю дружину Болгарского ополчения, а в мае 1877 г. произведен в поручики. После войны служил в Болгарском земском войске. П. Шиваров был награжден боевым орденом «За храбрость»⁴⁵.

Савва Муткуров после окончания Одесского пехотного училища служил в Кишиневе. Есть сведения о том, что Муткуров, Николаев, Гуджев, Кисов, Стоянов, Николов 15 июня 1876 г., получив от П. Калянджи 500 руб., отправились в Сербию, где участвовали в боевых действиях против турок⁴⁶.

Позднее в состав дружины вошел и П. Калянджи. В 1853 г. 17-ти летний П. Калянджи через надежных людей передавал русскому командованию сведения о расположении неприятельских войск, о турецких укреплениях и др.⁴⁷ В 1854 г. он вступил в конный взвод болгарских волонтеров, входивший в состав 25-го Бугского уланского полка⁴⁸. После войны П. Калянджи учился в Ришельевском лицее в Одессе. В 1859 г., имея доверенность от жителей г. Тырново, П. Калянджи вручил русскому послу в Адрианополе прошение на имя Александра II, в котором доказывалось, что хатти-хумаюн не удовлетворяет «народным нуждам» болгар и «остается мертвую буквою»⁴⁹.

В начале 60-х гг. П. Калянджи, В. Друмев, Д. Благоев и другие болгарские воспитанники основали в Одессе литературное общество, ставившие перед собой цель посыпать необходимые учебные пособия училищам в Болгарии⁵⁰. П. Калянджи известен как автор и переводчик буквareй и учебников⁵¹. Он преподавал в Комратском училище, был смотрителем училищ в болгарских селах Бессарабии⁵², многое сделал для улучшения их состояния⁵³.

П. Калянджи не прерывал связей с руководителями национально-освободительного движения болгарского народа. В 1867 г., когда готовилось восстание в Болгарии, П. Калянджи писал Г. С. Раковскому, что многие болгары из Южной России, истые патриоты, выразили желание идти освобождать Болгию⁵⁴. В одном из писем Т. Пееву П. Калянджи сообщал, что во время своей поездки по Болгарии в 1874 г. он повсюду видел, что «народ сильно воодушевлен и готов обнять революцию»⁵⁵.

После подавления Апрельского восстания 1876 г. в Болгарии П. Калянджи принимает деятельное участие в отправлении добровольцев в Сербию, ведет переписку с руководителями болгарской эмиграции в Румынии о снабжении болгар оружием из России, заботится об устройстве в Кишиневе бежавших из Болгарии соотечественников. Он сообщает эмигрантам в Румынии, что болгары-офицеры в России с нетерпением ожидают возможности поехать в Болгарию на помочь восставшим⁵⁶. Кишиневский болгарин просит организовать депутатию от болгарского

народа к великим державам с просьбой о защите от турецкого насилия⁵⁷. В период русско-турецкой войны и после ее окончания П. Калянджи служил в административном аппарате в русском гражданском управлении⁵⁸. После освобождения Болгарии поселился в Варне, где занимался торговлей.

Несмотря на скучные сведения о деятельности Болгарской дружины в Кишиневе в 1875-1877 гг., ее связях с местной и российской общественностью, с болгарским революционным движением, ее средствах и планах, все же можно сделать вывод, что находившиеся на службе в русской армии офицеры болгарского происхождения проявляли живой интерес к готовящемуся в Болгарии восстанию и готовились принять личное участие в вооруженной борьбе болгарского народа против вековых по-работителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сидельников С. И. К вопросу о революционных комитетах и группах в период деятельности Болгарского революционного центрального комитета (1869-1876 гг.) // 100-летие освобождения Болгарии от османского ига. М., 1978. С. 140.

² Априлско въстание. София, 1955. С. 110-111.

³ Никитин С. А. Очерки по истории южных славян и русско-балканских связей в 50-70-х годах XIX в. С. 75.

⁴ Улунян А. А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. М., 1978. С. 35.

⁵ Офицеры и юнкера болгарского происхождения были размещены главным образом в Одесском пехотном училище и в полках русской армии.

⁶ В 1866 г. И.С. Иванов помог молодому Х. Ботеву получить место учителя в бессарабском селе Задунаевка // Бурмов А. Христо Ботев и неговата чета. София, 1974. С. 635-774.

⁷ Хаджов И. Бележките и личното теттерче на Ботева // Известия на Българското историческо дружество. София, 1945, кн. 21. С. 67-98.

⁸ Стойчев И. К. Връзки на Христо Ботев с българи-офицери и юнкери до Освобождението // Военноисторически сборник, кн. 60. София, 1946. С. 115-122; Унджиев И., Унджиева Ц. Христо Ботев – живот и дело. София, 1975. С. 547; Гигов Т. Капитан Райчо Николов. София, 1977. С. 79-81.

⁹ Поглубко К.А. Христо Ботев и Россия. Кишинев, 1976. С. 158; Улунян А.А. Апрельское восстание 1876 года в Болгарии и Россия. С. 46-47.

¹⁰ Бурмов А. Български революционен централен комитет. С. 75.

¹¹ Поглубко К.А. Христо Ботев и Россия... С. 161.

¹² Архив на Възраждането, т. I. София, 1908. С. 474.

И. Забулов

¹³ Бурмов А. Към историята на русско-българските връзки през 1876 г. // Бурмов А. Избрани произведения, т. III. С. 248-249; Унджиев И., Унджиева Ц. Указ. соч. С. 683-684; См. также: Гросул В.Я. Революционная Россия и Балканы (1874-1883). М., 1980. С. 118.

¹⁴ Поглубко К.А. Весна освобождения. Кишинев, 1978. С. 152-153.

¹⁵ Иванов И.С. Сборник статей о некоторых выдающихся событиях в современной жизни болгар. Кишинев, 1896. С. 114-115.

¹⁶ Априлско въстание, т. I. С. 232.

¹⁷ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. I. С. 208.

¹⁸ Имеется в виду участие в восстании.

¹⁹ Н. А. Киреев (1841-1876 гг.), кавалерийский офицер, славянофил, секретарь Петербургского славянского комитета, участвовал в сербско-турецкой войне. Погиб 6 июля 1876 г.

²⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. I. С. 201.

²¹ Архив на националния музей на българо-съветската дружба, а. е. I. Л. 1-2.

²² Бурмов А. Към историята на русско-българските връзки през 1876 г. С. 251-252.

²³ Там же. С. 252; Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. I. С. 230; Унджиев И., Унджиева Ц. Указ. соч. С. 692-693; Державин К. Н. Христо Ботев. М., 1962, С. 316; Поглубко К.А. Христо Ботев и Россия. С. 166-167.

²⁴ Стоянов З. Христо Ботев (Опит за биография). София, 1888. С. 807.

²⁵ Архив на националния музей на българо-съветската дружба, а. е. I. Л. 1-2.

²⁶ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799. Л. 28 об.

²⁷ Българското опълчение, т. I. София, 1956, с. 119, 122, 208, 209, 220, 348, 400, 526; т. II. София, 1959. С. 147, 203, 206, 352, 466, 558, 560, 620, 680, 697, 699, 703.

²⁸ Там же, т. I. С. 742.

²⁹ Кисов С. Българското опълчение в освободителната русско-турска война. София, 1902; Он же. Из боевой и походной жизни. 1877-1878. София, 1903; Българското опълчение, т. I. С. 119, 120, 122, 208, 348, 742; т. II. С. 149, 184, 191, 205, 232, 281, 284, 288, 564, 620, 634, 685, 689, 709.

³⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. II. М., 1964. С. 194, 205, 303.

³¹ Райчо Николов. 1840-1885. Велико-Търново, 1970; Гигов Т. Указ. соч.; Българското опълчение, т. I. С. 173, 188, 199, 220, 226, 234-236, 238, 280, 339, 347, 515, 516, 619; т. II. С. 123, 124, 147, 194-196, 592; Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. I. С. 117, 257, 302, 472, 478; т. II. С. 197, 249.

³² Българското опълчение, т. I. С. 264, 360, 389, 391, 417, 458, 483, 488, 489, 506; т. II, С. 558, 560.

³³ Конобеев В. Д. Българското национално-освободително движение. Идеология, програма, развитие. София, 1972. С. 299.

³⁴ АВПР, ф. Славянский стол, д. 9583. Л. 8.

³⁵ Там же, ф. Гл. архив, I - I, 1859, д. 35. Л. 46-47 об; ф. Политотдел, 1856, д. 7, Л. 2.

- ³⁶ Там же, ф. Гл. архив, I - I, 1859, д. 35. Л. 46 об.
- ³⁷ Кузманов П. Кнез Иван Кулин. София, 1971. С. 200.
- ³⁸ Там же. С. 254.
- ³⁹ Шарова К. Втората българска легия в Белград // В памет на академик Михаил Димитров. София, 1974. С. 451, 495.
- ⁴⁰ ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799. Л. 37 об.
- ⁴¹ Записки на Христо Македонски (1852-1887). София, 1973. С. 240.
- ⁴² ЦГВИА, ф. ВУА, д. 8799. Л. 37 об.
- ⁴³ Там же. Л. 41.
- ⁴⁴ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. I. С. 413, 696.
- ⁴⁵ Българското опълчение, т. I. С. 208, 220, 347, 515, 516; т. II, С. 613, 702.
- ⁴⁶ Там же, т. I. С. 208, 219, 348, 400; т. II. С. 303, 684, 702.
- ⁴⁷ Записки Райнова о сербско-турецкой войне 1876 г. // НБКМ-БИА, ф. 18, а. е. 2. Л. 81-92.
- ⁴⁸ Забунов И. Д. Одесское болгарское настоятельство в период Крымской войны (1853-1856) // Балканские страны в новое и новейшее время. Кишинев, 1977. С. 22-23.
- ⁴⁹ ЦГВИА, ф. МА, оп. 249, д. 160., Л. 8 об.
- ⁵⁰ АВПР, ф. Гл. архив, 1-9, 1859, д. 3. Л. 89-90.
- ⁵¹ Поглубко К. А. Из истории болгаро-российских культурных связей 40-70-х гг. XIX в. Кишинев, 1976. С. 135.
- ⁵² Поглубко К. А., Степанова Л. И. О распространении русского языка и литературы среди болгар в XX в. (по неопубликованной рукописи П. Д. Драганова) // Балканский исторический сборник, вып. IV. Кишинев, 1974. 262; Българска възрожденска книжнина. Т. I. София, 1957. С. 163-164.
- ⁵³ Цариградски вестник, 3 март 1862 г.
- ⁵⁴ Дунавска зора, 25 декември 1867 г.
- ⁵⁵ Архив на Г.С. Раковски, т. IV. София, 1968. С. 405.
- ⁵⁶ Арнаудов М. Любен Каравелов. Жivot, дело, епоха (1834-1879). София, 1972. С. 403.
- ⁵⁷ Априлско въстание. Т. II. София, 1955. С. 19-20, 39-40, 141-143; Освобождение Болгарии от турецкого ига, т. I. С. 268.
- ⁵⁸ П. Калянджи – К. Цанкову, 13 августа 1876 г. // Априлско въстание. Т. II. С. 67.

Н. РУССЕВ

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО
В БЕССАРАБСКОЙ БОЛГАРСКОЙ КОЛОНИИ
ШИКИРЛИ-КИТАЙ (1876-1877 гг.)

Тема о деятельности Болгарского революционного центрального комитета (БРЦК) в Бессарабии уже десятилетия остается в поле зрения исследователей. Эта организация, как известно, была создана в 1869 г. и под различными наименованиями вела свою работу до начала русско-турецкой войны 1877-1878 гг. В соответствии с официально поставленной целью она намеревалась «защищать болгарские интересы в Турции»¹. Моя задача – опровергнуть антропологический подход в данной проблематике, рассматривая низовой или первичный уровень движения. Основным источником для изучения вопроса стали материалы о селении Шикирли-Китай (ныне поселок Суворово Измаильского района Одесской области Украины), опубликованные в Болграде в газете «Български глас» с августа 1876 г. по июнь 1877 г.

После поражения Априльского 1876 г. антиосманского восстания в Болгарии БРЦК был преобразован в благотворительное общество (БЦБО) с центром в г. Бухаресте. Его переформулированная цель состояла в том, чтобы «помогать материальными средствами пострадавшим». Вскоре в благотворительную организацию был преобразован единственный в Бессарабии филиал БРЦК – Болградский болгарский комитет. Одна из первых его задач – создание в крае благотворительных обществ. Так в 18 болгарских и гагаузских селах возникли организации², среди которых не последнее место занимало общество, созданное в Шикирли-Китае.

Устав общества в Шикирли-Китае был опубликован 17 августа 1876 г.³ В его лаконичном тексте говорилось о необходимости «собирать пожертвования из различных ценных предметов» как в самом селе, так и в соседних населенных пунктах. Председателем общества стал священник Василий Агура, родной брат куда более знаменитого в освобожденной вскоре Болгарии Дмитрия Агуры⁴. Ему было тогда около 30 лет. В том же номере газеты сообщалось, что 15 августа в Шикирли-Китае имел место торжественный сбор средств «для помощи пострадавшим от турок в Болгарии болгарским семьям». После службы в церкви

прихожане по призыву «доброго пастыря» приносили «что кто может»: рубашки, полотенца, полотно, пшеницу.

В ряде последующих публикаций приведены списки пожертвователей с указанием внесенных сумм во франках. Особен-
но часто такие материалы стали появляться весной 1877 г. – в
первые недели начавшейся войны с Османской империей. К
сожалению, общую сумму денег, собранных жителями Шикир-
ли-Китая, подсчитать трудно. Однако совершенно очевидно,
что она значительно превышает 400 франков. Дело в том, что
в Румынии, принявший с 1867 г. систему Латинского монетно-
го союза, до 1890 г. одновременно находились в обращении
две валюты – национальный лей и французский франк⁵. О ре-
альной покупательной способности 1 франка, равнявшегося
25 российским копейкам того времени, говорит стоимость 1
десятины земли в 1874–1875 гг. В румынской Бессарабии она
составляла 74 франка. Для сравнения: в 1872 г. в бессарабских
землях, находившихся под российской властью, бывшие коло-
нисты платили ежегодную оброчную подать в размере 40 коп.
с 1 десятины⁶.

Деятельность благотворительного общества в Шикирли-Ки-
тае вызвала далеко не единодушную поддержку населения, хотя
именно на такую реакцию его активисты первоначально рассчи-
тывали. В частности, 30 апреля 1877 г. газета обнародовала от-
крытое письмо Марину Д. Маринову⁷. В нем сельский корчмарь
обвинялся не только в нежелании делать личные пожертвова-
ния, но и в предательстве национальных интересов и интригах,
направленных против самой идеи сбора средств для страждущих
соотечественников. Между тем именно М.Д. Маринов значится
среди первых 11 членов сельского общества, имена которых были
названы еще в публикации от 17 августа 1876 г.⁸. Более того, он
являлся самым щедрым из названных в газете дарителей села
Шикирли-Китай. Даже уже после столь серьезных обвинений он
внес в конце мая 1877 г. сразу 20 франков⁹.

По этой несуразице можно только догадываться, что за види-
мыми противоречиями стоят более глубокие разногласия между
местными активистами движения. Речь, скорее всего, может идти
о недоверии друг к другу, обвинениях в нецелевой растрате
средств и т. п. Разумеется, корчмарь, общавшийся по роду своей
деятельности практически со всем платежеспособным мужским
населением села, всегда находился в центре подогретых спирт-

ным рассказней и слухов. Именно на него как наиболее информированного в делах Шикирли-Китая человека и пытались воз-
ложить ответственность за изменения в настроениях жителей
руководство общества, опасавшееся подозрений со стороны про-
стых людей. А для срыва успешного ведения такого рода работы
не имело большого значения, насколько обосновано отрицатель-
ное отношение к ней потенциальных пожертвователей.

Среди активных деятелей благотворительного движения в
селе, наряду с председателем, следует назвать кассира органи-
зации Слава Калинеску, секретаря Димитра Балабанова, Ива-
на В. Плакунова. Именно им Болгарское настоятельство вы-
ражало персональную благодарность¹⁰. Интересно, что в чис-
ле участников акций общества встречаются и женщины. Наи-
более деятельной из них являлась Анастасия Плакунова, ко-
торая в начале марта 1877 г. настояла, чтобы собранные тог-
да деньги были внесены в кассу Болградского женского об-
щества¹¹, специальным представителем которого она была в
Шикирли-Китае¹².

Судя по доступным документальным материалам, пожертво-
вателями становились представители разных национальностей,
а не только болгары. Газета называет такие фамилии: Калинек-
ко, Падурар, Ятрос, Долгова, Хохор, Руденко, Горелов, Лисе-
вич, Визенко, Бужор. Обращает на себя внимание тот факт, что
для села не являются типичными и некоторые болгарские фами-
лии, не засвидетельствованные в Шикирли-Китае ни ревизски-
ми сказками, ни исповедальными росписями. Они, скорее всего,
принадлежали временно проживавшим тут людям, поскольку и
по сей день отсутствуют среди распространенных в Суворово
фамилий – сравнение сделано по данным телефонного справоч-
ника, включающего перечень из примерно 400 семей¹³.

В газетные списки попали и лица, оказавшиеся во время сбо-
ра средств в Шикирли-Китае по случаю. Особенно много да-
рителей перечисляет публикация от 28 мая 1877 г.¹⁴ В ней зна-
чается сразу 3 священника, а также такой видный деятель бол-
гарской общественности, как Иов Титоров. На мой взгляд, их
присутствие в селе в 20-х числах мая можно объяснить прове-
дением храмового праздника, связанного с днем Св. Констан-
тина и Елены.

Как и следует ожидать, самые деятельные члены благотвори-
тельного общества в Шикирли-Китае являлись наиболее грамот-

ными людьми в селе. Если за плечами В. Агуры было обучение в Измаильской духовной семинарии¹⁵, то И. Плакунов и Д. Балабанов закончили в 1872 и 1874 гг. полный курс Болградской гимназии. Они входили в число немногих болгар Бессарабии – выпускников кузницы кадров интеллектуальной элиты свободной Болгарии¹⁶. Действительно, оба этих воспитанника гимназии совсем скоро поселились в Болгарии и остались там навсегда. О судьбе коренного шикирликтайца Д. Балабанова не известно почти ничего. Ясно лишь, что он умер в сравнительно молодом возрасте – к 1897 г. его уже не было в живых¹⁷. Что касается И. Плакунова, работавшего после гимназии учителем в Шикирли-Китае¹⁸, то он сделал успешную карьеру в Софии, дослужившись до должностей помощника столичного головы и председателя окружного суда¹⁹.

По всей видимости, в скором времени уехал из села и Слав Калинеску (не исключено, что это румынизированный вариант от болгарской фамилии Калинков, известной в бессарабской Твардице). Судя по сообщению болградской газеты от 4 июня 1877 г., этот человек находился в составе депутатации болгар всей Румынии, собравшейся в г. Плоешты для встречи российского императора Александра II. Уже 25 мая в Румынии С. Калинеску вместе с известным болгарином из Кишинева Иваном Степановичем Ивановым-Калянджи принимал участие в беседе с князем Черкасским²⁰. В отличие от названных членов сельского Благотворительного общества и своего брата, Василий Агура остался жить в Шикирли-Китае. Он служил в том же приходе почти полвека до своей смерти в 1924 г. Его могила сохраняется в церковной ограде, возле построенного при нем более 100 лет назад красивого каменного храма²¹.

Здесь едва ли нужны специальные обобщения. Авторская идея заключается только в том, чтобы показать еще один пока не очень «наезженный» путь открытия неизвестного в «местной истории». Движение по нему особенно перспективно, если рассматривать крупные исторические события через призму персональных человеческих судеб.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Бурмов А. Български революционен централен комитет (1868-1877) // Бурмов А. Избрани произведения. Т. III. С. 9-112.

² Червенков Н. Болградский революционный комитет в период Ап-

рельского восстания в Болгарии 1876 г. // Известия АН МССР, серия общест. наук, 1986, 3. С.37-41.

³ Български глас, № 18.

⁴ Българска възрожденческа интелигенция. Енциклопедия. София, 1988. С. 29-30).

⁵ Валюты стран мира. Справочник. М., 1987. С. 209.

⁶ История народного хозяйства Молдавской ССР (1812-1917 гг.). Кишинев, 1977. С. 115, 116, 135, 136.

⁷ Български глас, № 46.

⁸ Там же, № 18.

⁹ Там же, № 50.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, № 39.

¹² Чолакова М. Българско женско движение през Възраждането 1857 – 1878. София, 1994. С. 50, 240.

¹³ Измаильский справочник телефонных абонентов, зарегистрированных в «Укртелекоме» по состоянию на декабрь 1989 г. Одесса, 1999. С. 280-284.

¹⁴ Български глас, № 50.

¹⁵ Руссов Н.Д. Василий Дмитриевич Агура: жизнь и судьба // История и культура болгар и гагаузов Молдовы и Украины (Сборник статей к 100-летию со дня рождения И.И. Мещерюка). Кишинев. С. 131.

¹⁶ Мысловский К.И. 1904. Исторический очерк гимназии императора Александра III в Болграде. Болград. 1904. С. 220, 221.

¹⁷ Там же. С. 221.

¹⁸ Българска възрожденческа интелигенция. Енциклопедия... С. 534

¹⁹ Дякович Вл. 1930. Българите в Бесарабия. Кратък исторически очерк. София, 1930. С. 107.

²⁰ Български глас, № 51.

²¹ Руссов Н.Д. Указ. соч. С. 130.

Д. ХАЙДАРЛЫ

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877-1878 гг. (ключевые вопросы военного противоборства)

Как известно, 3 марта 1878 г. был заключен Сан-Степанский прелиминарный мирный договор¹. Эта дата отмечается в Болгарии как национальный праздник, как день освобождения от османского ига. Разумеется, война, получившая в историографии название русско-турецкой войны 1877-1878 годов, явилась событием многосторонним. Большое количество специальных трудов было посвящено исследованию очень широкого спектра проблем политического и дипломатического характера, связанных с этим событием, истории так называемого «восточного вопроса», судеб балканских народов, общественного мнения в различных странах, территориальных аспектов, экономических, правовых и очень многих других.

Однако что позволило прийти к ситуации, создавшейся в начале марта 1878 года и приведшей к заключению договора, как сработал сам механизм военного противоборства, почему вооруженный конфликт развивался именно так, а не иначе, какие факторы и события определили его ход и характер?

В целом событийная канва этой войны хорошо отражена в историографии разных стран, в том числе российской царских времен, советской, румынской, болгарской². Тем не менее существует ряд спорных вопросов в отношении некоторых моментов, являющихся по своей сути ключевыми в развитии этого военно-го конфликта. Нашей целью является определение и анализ этих моментов.

Как известно, начинался поход в Кишиневе; находясь здесь же, царь Александр II подписал 12 (24) апреля 1877 г. манифест об объявлении войны Турции. Поскольку в апреле же было заключено соответствующее соглашение между Румынией и Россией, русские войска прошли через румынскую территорию; Россия бросила на Балканский театр 185-тысячную армию; кроме того, из Плоешт выступило на фронт около 7 тыс. болгарских дружинников. Этим силам противостояло 160 тыс. турецких солдат, не считая еще около 60 тыс., располагавшихся в Южной Болгарии и Македонии³.

Однако активные боевые действия сухопутных сил на Балканском театре начались только в конце июня. 15 (27) июня 1877 г. передовые части русских войск успешно форсировали крупней-

Д. Хайдарлы

шую водную преграду – Дунай и с боем овладели главным пунктом обороны противника – городом Систовом⁴.

Вот здесь и возникает первый спорный вопрос в цепи военных событий этой войны: каким образом решились на переправу через Дунай русские сухопутные войска в условиях расположения на реке (порт Рущук) турецкой флотилии в 46 боевых речных кораблей, включая 9 мощных речных броненосцев⁵ (тяжелое бронирование, на каждом до 8 крупнокалиберных орудий, в том числе 8-дюймовых, масса снаряда которых была до 110 кг)? Переправлялись-то на лодках и легких судах (в количестве до 76 единиц), которые могли быть легко потоплены.

Более того, как решился в конце концов на переправу через крупную реку, ширина которой в весенние месяцы достигала до 10 км, а глубина 30 м, сам великий князь Николай Николаевич, принявший верховное командование русской армией на Балканах?

Ведь известно, что в результате Крымской войны 1853-1856 гг., согласно Парижскому договору Россия не имела права держать военный флот на Черном море. Пункты Парижского договора были отменены Лондонской конвенцией 1871 г., и к 1877 году Россия не успела построить серьезный военный флот на Черном море и соответственно не обладала достаточными надводными силами на Дунае. К этому времени на Черном море только строилась серия броненосцев береговой обороны, как называемых «поповок», проекта адмирала Попова.

С начала войны из Босфора вышло также 15 морских турецких броненосцев⁶ (которые являлись, собственно говоря, результатом английской инженерной мысли, так как турки, разумеется, были не в состоянии построить их самостоятельно).

Великий князь Николай Николаевич, конечно, не захотел возлагать на себя решение столь «скользкого» вопроса, поэтому оно легло на плечи русского морского офицерства.

Активное противодействие турецкой броненосной эскадры всем попыткам русской армии переправиться на южный берег входило в стратегический оборонный план турок.

Русское морское офицерство понимало всю серьезность возложенной на него задачи. Чем можно было бороться с турецкими броненосцами? Во-первых, разумеется, береговой артиллерией (которая, однако, уступала по калибру артиллерию на речных турецких броненосцах). Чем еще? Со времен Крымской войны Россия держала пальму первенства по морской минной войне

(морскими минами были тогда прикрыты подходы к Кронштадту и С.-Петербургу. Другое дело, что их не удосужились применить на Черном море). Следовательно, теперь надо было использовать в борьбе на Дунае минное оружие.

Каковы были перипетии борьбы за господство на Дунае в 1877 г.? Была, конечно, организована Дунайская речная флотилия из 76 различных судов (доставленных из Одессы, по железной дороге из С.-Петербурга, а также из найденных на Дунае). Была произведена постановка минных заграждений на Дунае, но турецкие броненосцы сумели их избежать. Надо было действовать решительнее. В результате огнем береговой артиллерии был взорван и потоплен 29 апреля 1877 г. турецкий броненосец «Люфти-Джелиль» (экипаж 214 чел. 8 тяжелых орудий), а 13 мая – броненосец «Хивзи-Рахман». Что касается минной войны, то в ход были пушены легкие катера с шестовыми минами на бушприте⁷. Следует понимать, что представляла собой атака шестовой миной. На конце направленной вперед носовой мачты устанавливалась мина, от которой шел электрический провод к носовой части катера, где он соединялся со взрывным электрическим устройством («взрывной машинкой»). При этом устройстве находился наиболее храбрый из матросов, который должен был привести ее в действие в тот момент, когда мина коснется борта вражеского судна. Нет надобности говорить о том, что подобные мины использовались на легких небронированных катерах, единственной защитой которым служила их скорость.

В ночь на 14 мая 4 минных катера атаковали и подорвали броненосец «Сельфи», который вскоре затонул⁸.

Кульминационным моментом явилась атака военного корабля турок миноносной с фривольным названием «Шутка» у острова Мечка на Дунае 8 июня 1877 г.⁹ Как проходила эта атака? Несмотря на ожесточенный огонь противника, катер под командованием лейтенанта Скрыдлова на большой скорости подошел к пароходу вплотную и ударил его миной в борт. Однако взрыва не произошло. Пулей был перебит электрический провод, идущий от шестовой мины. Тем не менее лейтенант Скрыдлов сумел вывести миноноску из боя, что же касается турецкого броненосца, то он с завидной четкостью произвел маневр на разворот и на полной скорости удалился в сторону порта Рущук.

Гибель трех броненосцев (из девяти) подействовала крайне угнетающее на командование турецкой Дунайской флотилии.

Атака же миноноски «Шутка», произошедшая 8 июня, явилась последней каплей. С 9 июня до 15 июня, когда русская армия форсировала Дунай, и далее до конца войны уцелевшие корабли турецкой флотилии застыли как парализованные в порту Рущук, не проявляя более никакой активности, и постепенно были выведены в Мраморное море, на главные военно-морские базы Турции (Гемлик и Изник).

Следовало также затруднить возможную помощь, которую могли оказать турецкой флотилии на Дунае корабли черноморской эскадры турок. Здесь отличился лейтенант С.О. Макаров. По его проекту грузопассажирский пароход «Великий князь Константин» был переоборудован в корабль-носитель минных катеров (брал на борт 4-6 минных катеров). С апреля 1877 г. и до конца войны С.О. Макаров активно действовал на Черном море. Минные катера с парохода «Великий князь Константин» атаковали турецкие корабли в Батуми (1 мая), в порту Сулина в дельте Дуная (28 мая), действовали у Босфора. 11 августа 1877 г. шестовыми минами был подбит броненосец «Шевкет», который позднее был отбуксирован в турецкий порт Батум и выбыл из строя до конца войны.

Наконец 14 января 1878 г. на рейде Батума был торпедирован турецкий броненосец береговой обороны «Итибах», который разломился и затонул¹⁰. Это был первый в мире торпедированный корабль. Таким образом, попытки турецких военно-морских сил оказать содействие своей флотилии на Дунае встретили сильные затруднения.

Перейдем к сухопутному фронту. Возникает естественный вопрос, почему русским частям и болгарским дружинам 19(31) июля 1877 г. пришлось сражаться в меньшинстве под Старо-Загорой (до 3500 человек под командованием генерала Столетова против 15 тыс. турок под командованием Сулеймана-паши)¹¹, а потом в меньшинстве героически оборонять Шипкинский перевал, отбивая 9-11 августа по 11-14 атак в сутки (у Сулеймана-паши было 27 тыс. человек и 48 орудий; русских и болгарских воинов насчитывалось 5 тыс. при 27 орудиях, и лишь 11 августа к ним на помощь подоспел ген. Радецкий с полутора бригадами общей численностью до 7 тыс. человек)¹², а затем продолжать оборонять перевал (так называемое «Шипкинское сидение») до декабря 1877 г.¹³ опять-таки в меньшинстве? И все это при том, что войска, выступавшие против турецкой армии на всем театре во-

енных действий не уступали им в численности? Во-первых, после отмены крепостного права в России в 1861 г. большая часть населения подлежала призыву и мобилизации¹⁴, что позволяло формировать весьма многочисленные армии; не менее важным являлся тот факт, что это была не просто русско-турецкая война, а также война православных народов против османского владычества¹⁵. Если турки выставили на Балканах армию общей численностью в 338 тыс. человек, то общая численность русской Дунайской армии составляла в первые месяцы войны до 300 тыс. Следует принимать во внимание и то, что турки из-за крупных потерь не смогли к концу войны восстановить путем подкрепления численность своей армии на Балканах, тогда как численность Дунайской армии за счет подкреплений была доведена к концу войны до 554 тыс. человек¹⁶. Кроме того, после объявления румынским парламентом войны Турции – 25 августа 1877 г. – Румыния выставила на фронт под Плевной 3 дивизии общей численностью свыше 38 тыс. чел.¹⁷. С началом войны из Плоешти выступила болгарская дружина I очереди численностью свыше 7500 чел.¹⁸; эти силы постоянно пополнялись болгарами, так называемыми дружинами Почереди¹⁹; кроме того за зиму 1877–1878 гг. число самостоятельно вооружившихся болгар превысило 25000 чел.²⁰, а также было организовано до 820 вооруженных болгарских чет²¹ (в некоторых из них насчитывалось до 300–350 чел.). Помимо них выступили и другие православные народы. Сербская армия с 5 декабря 1877 г. наступала в составе свыше 56 тыс. чел.; черногорцы выставили до 25 тыс. чел.; и даже не подлежащие военному призыву грузины, армяне и осетины на протяжении войны выставили на Кавказском и частично на Балканском театре большое количество добровольцев – в том числе так называемые «добровольческие сотни» общей численностью свыше 39 тыс. чел.²²

Где же находились все время «Шипкинского сидения» основные сухопутные силы сформировавшейся антитурецкой коалиции?

Понятно, что основные усилия русской, а затем и румынской армии были сосредоточены в эти месяцы в направлении Плевны. Что же они там делали так долго? Под руководством генерала Криденера, а затем великого князя Николая Николаевича и короля Карла пытались взять ее штурмом. Почему же они не могли взять ее штурмом? Ведь известно, что состоялось три штурма Плевны. Первый – 8 июля 1877 г., когда атака отряда численностью 8850 чел. под руководством генерала Шильдер-Шульднера

была отбита турецким корпусом численностью 18 тыс. человек²³. Второй штурм состоялся 18 июля. Корпус генерала Криденера численностью 26 тыс. чел. был отбит турецким корпусом Османа-паши численностью 24 тыс. чел. В третьем штурме, который состоялся 30–31 августа, участвовало 52100 русских и 32 тыс. румын (всего 84100 чел.) под общим командованием великого князя Николая Николаевича и короля Карла. Осман-паша мог им противопоставить всего 32400 турок при 72 орудиях²⁴. Все три штурма закончились неудачно, только румынским дивизиям удалось взять Первый Гравицкий редут²⁵, чем они и заслужили похвалы и признательность не только своих современников, однако оборона Плевны опиралась в общей сложности на несколько основных редутов и определенное количество вспомогательных. Таким образом, Плевна не была взята штурмом. В чем же причина этого?

Начнем с того, что военные планы сторон были различны. Невзирая на все хорошо известные и долгие колебания царского правительства, необходимость наступательного образа действий для русской армии выразил генерал Николай Николаевич Обручев, управляющий делами Военно-ученого комитета Главного штаба, в своем стратегическом плане под названием «Соображения на случай войны с Турцией весной 1877 г.» еще в марте 1877 г. «Овладение в военном смысле Константинополем и Босфором», – писал Обручев, – составляет безусловную необходимость. Только на берегах Босфора можно действительно сломить владычество турок и получить прочный мир, раз и навсегда решавший наш спор с ними из-за балканских христиан. Дипломатия в сем случае никоим образом не должна сбивать нас с толку»²⁶.

То есть, выражаясь военным языком, в этом варианте предусматривался так называемый «выход русской армии на оперативный простор» и общее безостановочное движение к Босфору, не делая упор на отдельных пунктах. В отношении этих пунктов – отнюдь не впервые в военной истории – предполагалось ограничиться их блокадой и изоляцией, что практически выключало их из активной борьбы и с военной точки зрения было вполне реализуемо. Этой участи подверглись в той или иной мере четыре основные крепости в северо-восточной Болгарии, подготовленные турками для длительной обороны – Рущук, Шумен, Силистра и Варна. Почему же русское командование не подвергло той же участи и Плевну?

Одна из причин того, что русские, а затем и румынские войска были втянуты в долговременную борьбу за Плевну, была хоро-

шо отражена в общественном мнении многих стран. Еще в июле 1877 г. Иван Сергеевич Тургенев писал: «До безумия огорчен нашим поражением в Турции; вот что значит поручать великим князьям армии – точно игрушки детям»²⁷. Может быть, с политической точки зрения назначение члена царствующей фамилии и имело определенный смысл, но с другой стороны каждым делом должен заниматься специалист в данной области.

Следует, естественно, рассмотреть и стратегическую мысль турецкого командования. На протяжении войн XVIII–XIX веков было отмечено, что турецкие войска не в состоянии выдерживать открытых полевых сражений с армией какого-либо из больших европейских государств в связи с прогрессом военного дела в Европе. У различных турецких хронистов, в частности у Наимы, прослеживается мысль, что было бы неплохо избавиться от так называемой «болезни поражения», которой страдали турецкие войска²⁸. Определенный ответ на эти турецкие нужды был ими найден в одном из арабских военных трактатов, в котором содержится в качестве наставления сентенция, утверждающая, что «река, протекающая в тылу конницы, препятствует ее отступлению». Стратегическая турецкая мысль на протяжении веков эволюционировала в этом направлении настолько, что турецкие войска начали все чаще располагаться в таких местах, где реки или другие естественные преграды препятствовали отступлению – к тому же желательно в укрепленных или даже фортифицированных пунктах. Что раз за разом приводило к таким явлениям, как осады и штурмы Азова, Очакова, Измаила и многих других на всем многовековом протяжении русско-австро-турецких войн.

Таким образом, ничего нового турецкий план и в эту войну не включал. Его целью было приковать войска противника к одному из укрепленных пунктов обороны, лишив их тем самым свободы маневра. Четыре крепости в восточной Болгарии были изолированы Восточным отрядом русской Дунайской армии, и их штурм не предполагался, тем не менее турецкое командование, на этот раз в лице Османа-паши, сумело навязать великому князю Николаю Николаевичу турецкий вариант военных действий. Приведя из Видина турецкий корпус в Плевну ранее, чем ее могли занять части генерала Шильдер-Шульднера²⁹, он, по сути, напугал военного министра Д.А. Милотина и самого Александра II тем, что создает угрозу тыловым коммуникациям Ду-

нейской армии, причем настолько, что им обоим захотелось не только заблокировать Плевну, но даже взять ее штурмом.

Главный вопрос: почему же все три штурма Плевны окончились неудачно?

Несмотря на всю спорность данного вопроса, ключевыми представляются следующие моменты. Прежде всего, следует принимать в расчет прогресс в области огнестрельного оружия. В середине XIX столетия было изобретено нарезное стрелковое и артиллерийское оружие, которое стало поступать на вооружение армий ряда стран и вытеснять существовавшее веками гладкоствольное оружие. Нарезные образцы – в том числе винтовки систем Шаспо, Пибоди-Мартини, Бердана № 1 и № 2, Крнка, Снайдера – кардинальным образом превосходили гладкоствольные по дальности и точности (кучности) стрельбы, по убойной силе и по скорострельности. Таким образом, роль огнестрельного оружия возросла в ущерб рукопашным видам боя с применением холодного оружия.

Конечно, оборона Плевны опиралась на определенные фортификационные сооружения. Кроме того, турками было нарыто перед редутами множество окопчиков и стрелковых ячеек, в каждой из которых сидело по турку со скорострельной нарезной английской винтовкой системы Пибоди-Мартини или Снайдера³⁰, из которой даже не очень опытный стрелок мог делать по 5-6 прицельных выстрелов в минуту. Во время штурма Осман-паша выставлял в окопы и на редуты до 20 тысяч стрелков с подобными винтовками.

Простой арифметический подсчет говорит о том, что 20 тысяч человек могли произвести за минуту более 100 тысяч выстрелов, а за 5 минут – более полумиллиона, в то время как несколько десятков тысяч штурмующих Плевну солдат были вынуждены бежать вперед по открытому полю в течение 5 или 10 минут. Даже если предположить, что один выстрел из 10 достигал цели, потери атакующей стороны должны были быть огромными.

Все это с удовольствием объяснял лично Осман-паша иностранным военным наблюдателям, имевшим любопытство или смелость прибыть к нему в Плевну, куда они с легкостью проникали ибо полуокольцо, в которое союзные армии взяли Плевну, было даже не замкнуто с западного направления. С этого же направления Осману-паше в большом количестве доставлялись и боеприпасы.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что командование, раз за разом посылавшее войска в лобовые атаки против редутов

Плевны, с поразительным упорством игнорировало имевший место технический прогресс в области огнестрельного оружия. За все время борьбы за Плевну русские войска потеряли в общем 31 тысячу человек, а румынские – 7500 человек³¹.

Помимо всего этого было очень плохо организовано взаимодействие воинских частей на различных участках. Генералы – Скобелев, Зотов, Криденер, Крылов – действовали без взаимной координации, без поддержки соседей. Это позволяло Осману-паше маневрировать резервами, концентрируя их последовательно на наиболее угрожаемых направлениях. Не обладавшие же должной военной подготовкой члены царствующих фамилий, пытавшиеся осуществлять общее командование, не были в состоянии на практике организовать столь необходимое взаимодействие между штурмовавшими Плевну воинскими частями.

Большие людские потери и безуспешные атаки Плевны наносили сильный удар престижу великого князя Николая Николаевича и, разумеется, всей царской фамилии в целом.

Возник вопрос: что делать? Великий князь Николай Николаевич предлагал даже отступить от Плевны в Румынию.

Наконец ответ был найден. По предложению военного министра Миллютина, следовало проявить упорство³², а также следовало обратиться к какому-либо выдающемуся военному специалисту.

Наиболее крупным военным деятелем того времени являлся генерал Н.Н. Обручев, командовавший дивизией на Кавказском театре во время войны 1853-1856 гг., позднее занимавший высокий пост при Главном штабе³³, ранее выдигавший разработанный им план наступления на Балканах³⁴. В случае принятия этого плана наступление русской армии на Балканах носило бы совершенно иной характер. Однако командующий Дунайской армией великий князь Николай Николаевич заявил, что вообще не желает иметь на какой-либо должности в Дунайской армии человека, который в 1863 году имел дерзость отказаться выступить на подавление польского восстания³⁵.

В результате генерал Обручев лишь в августе 1877 г. был командирован Миллютиным в Кавказскую армию. Разработанный совместно генералами Обручевым и Лазаревым план наступления привел к решительному разгрому основных сил турок в Альян-Аладжийском сражении 2-3 октября 1877 г.³⁶, а позже – к взятию крепости Карс, что решило исход войны на Кавказском театре военных действий.

Таким образом, хотя использование военных талантов Н.Н. Обручева на Балканском театре было почти до конца 1877 г. невозможно из-за позиции, занятой великим князем Николаем Николаевичем, тем не менее настоятельная необходимость обратиться к услугам какого-либо выдающегося военного специалиста была налицо.

Наконец, вспомнили о граве Эдуарде Ивановиче Тотлебене. Это был герой Севастопольской обороны 1854-1855 гг., «правая рука» П.С. Нахимова и его заместитель по части артиллерии и фортификации³⁷, руководитель обороны Севастополя после гибели адмирала. Это был крупнейший специалист в вопросах артиллерийско-фортификационной борьбы того времени.

Тотлебен прибыл под Плевну 17 сентября 1877 года, приняв общее руководство над осаждающими крепость войсками. Граф предпринял три основные меры, в итоге решившие участь Плевны.

Во-первых, он замкнул кольцо окружения Плевны с запада, что прервало поток поступления боеприпасов турецкому гарнизону в Плевне. В рамках этой операции в октябре 1877 года отрядом генерала Гурко были взяты укрепленные пункты турок Горный и Дольный Дубняк, а также Телиш³⁸, расположенные к западу от Плевны.

Во-вторых, с 17 сентября начались усиленные фортификационные работы, производимые русскими и румынскими войсками по линии обложения вокруг Плевны³⁹. Артиллерию граф Тотлебен расположил так, что каждый из редутов противника был взят под перекрестный огонь.

В-третьих, Тотлебен обеспечил бесперебойный подвоз боеприпасов к Плевне.

Почему же принятые меры привели Османа-пашу к капитуляции?

Подготовительные осадные работы проводились в течение месяца до середины октября. Еще более месяца по нарастающей продолжался интенсивный артиллерийский обстрел крепости.

Поначалу турки отвечали очень бодро, привыкнув к тому, что чем чаще они стреляют, тем положительнее для них результаты. Однако скоро они стали сталкиваться со все возрастающим дефицитом боеприпасов – стрелять стало нечем. С середины ноября огонь велся почти исключительно со стороны осаждающих войск.

Перед Османом-пашой встало дилемма: прорываться или сдаваться? Он попробовал и то и другое. 28 ноября (10 декабря) 1877 г. турки совершили отчаянную попытку прорваться к западу

из осажденной Плевны⁴⁰. Однако, когда дело дошло до штыкового боя, стало ясно, что турки плохо обращаются со штыком, вследствие чего у них нет ни одного шанса. Штык в турецкой армии начал широко применяться лишь в 20-х – 30-х годах XIX века и еще не сформировалась школа штыкового боя. В России же штык широко применялся уже во времена Петра I и искусство штыкового боя совершенствовалось на протяжении XVI-XIX веков.

В результате в течение нескольких часов было перебито около 6000 турок – больше, чем во время любого отдельно взятого штурма Плевны. В плен сдалось более 43-х тысяч турецких солдат и офицеров во главе с Османом-пашой⁴¹.

Возникает естественный вопрос – при существовавшем на тот момент уровне развития военного дела могла ли вообще быть взята Плевна посредством штурма или единственным способом овладения ею был метод активной осады? Ответ за этот законный вопрос был несомненно дан в ночь на 5 ноября 1877 года (то есть до падения Плевны), когда на протяжении нескольких часов на Кавказском театре военных действий была взята в результате одного-единственного штурма обороняемая турецким гарнизоном сильнейшая крепость Карс⁴².

Следует отметить, что силы турок в Карсе к моменту его штурма были сопоставимы с силами, которыми располагал Осман-паша в летние месяцы 1877 года при последовательном отражении им трех штурмов Плевны. К 4 ноября 1877 года гарнизон Карса насчитывал 25 тысяч человек; на вооружении имелось 303 орудия разного калибра⁴³. Кроме того, Карс, будучи ключевой крепостью в Закавказье, был гораздо сильнее фортифицирован, нежели Плевна. Над укреплениями Плевны турки трудались, в основном, начиная с июня-июля 1877 года, тогда как Карс фортифицировался десятилетиями, так как он подвергался угрозе или прямым атакам со стороны русских войск во время предыдущих войн с турками в 1806-1812, 1828-1829, 1853-1856 годах⁴⁴. Общая протяженность пояса его укреплений равнялась 17 километрам. Кроме того, артиллерия турок в Карсе (303 орудия) в 4-5 раз пре-восходила артиллерийские силы Османа-паши в Плевне (от 58 до 72 орудий).

Тем не менее план штурма Карса, разработанный совместно генералами Обручевым и Лазаревым, был блестяще приведен в исполнение последним. К рассвету 6 ноября были взяты все основные укрепления крепости. Причем убитыми и ранеными тур-

ки потеряли свыше 4000 человек, в плен попало около 2400 человек (прочие разбежались), а атакующие русские части потеряли убитыми всего 487 человек⁴⁵, что не идет абсолютно ни в какое сравнение с потерями под Плевной.

Как же удалось взять столь сильную крепость одним броском и с минимальными потерями? Это стало возможным вследствие ряда мер, разработанных и выполненных упомянутыми двумя представителями генералитета российской армии под Карсом. Во-первых, все командование войсками, назначенными к штурму, было сосредоточено в одних руках (ген. Лазарева), что позволило действовать ими координированно на всех участках атаки. Далее, штурм был произведен одновременно с семи направлений, что рассеивало ответный огонь турок и мешало их возможности маневрировать резервами. Кроме того, атака была направлена не фронтально на наиболее укрепленные пункты обороны (редуты), как под Плевной, а на наиболее уязвимые (куртины между редутами), на обход фортов и редутов с флангов и с тыла. И, наконец, атака была произведена в темное время суток, вследствие чего обороняющиеся были лишены возможности вести по атакующим прицельный огонь⁴⁶. В конечном итоге атакующие сумели быстро преодолеть зону обстрела и ворваться на укрепления, а когда дело дошло до штыкового боя, участь крепости была решена.

Возникает вопрос, почему те же самые меры не могли быть применены во время трех штурмов Плевны в июле-августе 1877 года?

С одной стороны, неспособность выработать эффективный механизм единого военного командования, ответственного за штурм крепости, явилась в этот период результатом серьезнейших недоработок со стороны верховного командования под Плевной. С другой стороны, неспособность выработки каких-либо других действенных мер, направленных на взятие Плевны, – каковой, например, была бы ночная атака – выдает определенное несоответствие уровня военной подготовки находившихся здесь представителей командования требованиям момента, по крайней мере в том, что касается штурма укрепленных узлов обороны противника. И хотя некоторые из генералов, к примеру, Скобелев, прекрасно проявили себя в ходе полевых сражений этой войны, покрыв свои имена боевой славой, однако в условиях, создавшихся в летние месяцы 1877 года под Плевной, они не имели возможности, командуя лишь частью осаждающих войск на отдельных участках, в оди-

ночку решить участь этой крепости. Ситуация была исправлена лишь с прибытием под Плевну графа Тотлебена.

Как известно, после падения Плевны у турецкого командования была еще одна надежда: отсидеться за Балканским хребтом до весны, а за это время войти в соглашение с правительствами Австро-Венгрии и Англии. Почему же им это не удалось? Потому что по плану, составленному Милотиным и Обручевым (который был, наконец, допущен к планированию военных операций на Балканском театре), общая координация которого возлагалась на генерала Тотлебена, назначенного на пост командующего Дунайской армией, прорыв русских войск и болгарских дружин предусматривался не через один какой-либо пункт, а сразу через несколько доступных и даже труднодоступных в зимних условиях горных перевалов⁴⁷. Удержать все перевалы турецкие войска были не в состоянии. Что и привело к освобождению Софии 23 декабря 1877 года⁴⁸ отрядом генерала Гурко, а также к окружению и к капитуляции 27-28 декабря 1877 г. 23-х тысячной армии Вессель-паши в результате Шипко-Шейновского сражения, в котором ключевую роль сыграл отряд генерала Скobelева⁴⁹.

Тем самым части Дунайской армии вышли в долину реки Марица и к Филиппополю (Пловдив) и Адрианополю (Эдирне)⁵⁰, вырвавшись таким образом на оперативный простор. Сдержать ее наступательный порыв более не представлялось возможным.

Отступление турок приобретало все более беспорядочный характер.

Турецкое руководство явственно видело, что необходимо что-то срочно предпринимать. 19 (31) января 1878 г. турецкие уполномоченные подписали в ставке командующего Дунайской армией в Адрианополе соглашение о перемирии.

Здесь возникает последний спорный вопрос рассматриваемой войны. Ведь обычной практикой турецкой стороны в случае военных неудач было завязывание мирных переговоров и их затягивание: так было и во время русско-турецких войн и 1768-1774 гг. и 1806-1812 гг. Переговоры тянулись месяцами, иногда годами. Велись они подолгу, обычно то в Яссах, то в Бухаресте. Тем временем турецкие войска восстанавливали свою боеспособность в районе Константинополя, выдвигались в районы боевых действий, переговоры прерывались и война продолжалась. Почему же этот старый турецкий номер не сработал теперь?

Российское командование извлекло уроки из всей истории

русско-турецких войн, и в текст Адрианопольского соглашения о перемирии был внесен пункт, согласно которому продвижение русской армии в направлении Константинополя продолжалось под предлогом того, что по заключенному соглашению демаркационная линия⁵¹ находилась впереди того места, которого достигли русские войска.

Как известно, с целью оказания давления на русское командование 15 февраля 1878 года английская боевая эскадра вошла в Мраморное море и бросила якорь у Принцевых островов в 15 км от Константинополя. Чтобы не провоцировать Англию и Австро-Венгрию на войну⁵², но вместе с тем оказать давление на турецкого султана, командующий Дунайской армией генерал Тотлебен продвинул часть своих войск в направлении столицы Османской империи, а сам перенес свою штаб-квартиру в мессечко Сан-Стефано (тур. название Ешилькьой) в 12 км от Константинополя. Там были продолжены мирные переговоры⁵³.

Не в первый раз в истории русско-турецких или австро-турецких войн военная угроза, создаваемая лично персоне турецкого султана или же персоне великого визиря приводила к быстрому заключению мирных договоров (к примеру, известного Кючук-Кайнарджийского в 1774 г.). Турецкие представители решительно возражали против создания единой автономной Болгарии⁵⁴. Лишь после 9 заседаний турецкие уполномоченные согласились подписать статьи, касающиеся автономного Болгарского княжества. 19 февраля (3 марта) после 17 дней переговоров турецкие уполномоченные подписали в Сан-Стефано мирный договор⁵⁵.

Мы коснулись некоторых спорных военных вопросов этой войны, по своему значению являющихся ключевыми в развитии боевых событий и в создании той военно-политической ситуации, которая возникла к 3 марта, дню освобождения Болгарии, ставшему ее национальным праздником.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Всемирная история. Т. VII, М., 1960. С. 173

² См. например: Освобождение Болгарии от турецкого ига». Документы в трех томах. М., 1967; Краткая история Болгарии. София, 1963. С. 200; Беляев Н.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. М., 1956; Христо Христов. Освобождението на България и политиката на западните държави. София, 1968; Ахмед-Михад-эфенди. Сборник турецких документов о последней войне. СПб., 1879; Adăniloie N. Independența națională a României. București, 1986; Istoria românilor, București, 1996;

Adăniloiae N. La participation d' armee roumaine a la guerre russo-turque de 1877-1878 // Revue roumaine d' Histoire, 1962, vol. 1.; Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на балканском полуострове Т. I-V, СПб., 1901-1909; Русско-турецкая война 1877-1878 гг., М., 1977.

³ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. 8. СПб., 1898. С. 54; Беляев Н.И. Указ. соч. С. 64-65, 102.

⁴ Цуриков С.А. Воспоминания о войне 1877-1878 гг. // Исторический вестник. 1910, № 1. С. 128; Яковлев Н.Н. Форсирование Дуная русскими войсками 15 (27) июня 1877 года как первый этап войны за освобождение Болгарии // Ученые записки Куйбышевского пед. института им. В.В.Куйбышева. Вып. 20, т. 3, 1958. С. 59-77.

⁵ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 458-459.

⁶ Семанов С.Н. Макаров (1848-1904). М., 1972. С. 31-35.

⁷ Бушприт – горизонтальное или наклонное рангоутное дерево (мачта), выдающаяся вперед с носа корабля или шлюпки. См.: Зонин А.И. Адмирал Нахимов. Ленинград, Военмориздат, 1946. С. 290.

⁸ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 458.

⁹ Крылов А.Н. Вице-адмирал Макаров. М. – Ленинград, 1944.

¹⁰ Семанов С.Н. Указ. соч. С. 54-67.

¹¹ Българското опълчение. Сборник от документи и материали. т. I, София, 1956. С. 744; Яковлев Н.Н. Наш друг Стара-Загора. Куйбышев, 1967. С. 54; Депрерадович. Из воспоминаний о русско-турецкой войне 1877-1878. СПб., 1881. С. 95.

¹² О действиях армии Сулеймана-паши // Военный сборник, № 3, 1879 . С. 225; Кисов С.И. Из боевой и походной жизни 1877-1878 гг. София, 1903. С. 274-276; Освобождение Болгарии от турецкого ига, Т. 2, М., 1964. С. 206-225

¹³ Два зимних месяца на Шипке // Военный сборник, 1878, №11. С. 125-127.

¹⁴ Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. С. 98-176.

¹⁵ Дружба през вековете. София, 1967. С. 87

¹⁶ Беляев Н.И. Указ. соч. С. 102, 317.

¹⁷ Описание русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Т. V, СПб., 1903. С. 81; Istoria românilor, Bucureşti, 1996. Р. 224.

¹⁸ Българското опълчение, Т. 1. С. 532-534; Описание русско-турецкой войны 1877-1878 г. на Балканском полуострове, Т. III, ч. 1, СПб., 1904. С. 336.

¹⁹ См: Кисов С.И. Из боевой и походной жизни 1877-1878 гг. София, 1903. С. 71-72; Българското опълчение, Т. 2. С. 149, 345.

²⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига, М., 1953, Т. I С. 80.

²¹ Там же. Т. 2. С. 299.

²² Ш.Мегрелидзе. Вопросы Закавказья в истории русско-турецкой войны 1877-1878 гг., Тбилиси, 1969. С. 68.

²³ Беляев Н.И., Указ. соч. С. 145.

²⁴ Описание русско-турецкой войны 1877-1878 г. на Балканском полуострове, Т. V, СПб., 1903. С. 81.

²⁵ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 г. на Балканском полуострове. Вып. 20, СПб., 1901. С. 177.

²⁶ Особое прибавление к описанию русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Балканском полуострове. Вып. IV, СПб., 1901. С. 29-30.

²⁷ Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 28-ми томах. Письма в 13-ти томах, Т. 12, кн. 1, М-Л, 1966. С. 192.

²⁸ См: Cronici turceşti privind tările Române. Extrase. Vol. III. Intocimit de Mustafa A. Mehmet. Bucureşti, 1980. P. 308-376.

²⁹ Беляев Н.И. Указ. соч.. С 145.

³⁰ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 г. на Балканском полуострове. Вып. 8, СПб., 1898. С. 54.

³¹ Советская Военная Энциклопедия, Т.6, М., 1978. С. 355-356.

³² Дневник Д.А.Милютина, Т. 2, 1876-1877, М., 1949. С. 216.

³³ Барбасов А.П. Русский военный деятель Н.Н. Обручев // Военно-исторический журнал, 1973, № 8. С. 100-105.

³⁴ Барбасов А. П. Новые факты о планировании русско-турецкой войны 1877-1878 гг. // Военно-исторический журнал, 1976, № 2. С. 100.

³⁵ Газенкампф М.А. Мой дневник 1877-1878 гг. СПб., 1908. С. 281.

³⁶ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 2, СПб., 1904. С. 10, 344.

³⁷ См: Зонин А.И. Адмирал Нахимов... С. 257-289.

³⁸ Сборник материалов по русско-турецкой войне 1877-1878 г. на Балканском полуострове, Вып. 53, СПб., 1906. С. 27.

³⁹ Шильдер Н. Граф Эдуард Иванович Тотлебен. Его жизнь и деятельность. Т. .2. Приложение. СПб., 1886. С. 323-326.

⁴⁰ Иллюстрированная хроника войны, Т. 2, СПб., 1878, С. 279.

⁴¹ Советская Военная Энциклопедия, Т. 6, М., 1978. С. 356.

⁴² Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 3. С. 116-117.

⁴³ Там же. С. 68.

⁴⁴ См. напр.: Всемирная история, Т. 6, М., 1959. С. 482.

⁴⁵ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877-1878 г. на Кавказско-Малоазиатском театре. Т. 3. С. 117.

⁴⁶ Там же. С. 116.

⁴⁷ О преодолении перевалов см., напр.: Карцов П. Троянов перевал // Русский вестник, 1888, № 1. С. 79-105; Иллюстрированная хроника войны. Т. 2, СПб., 1878. С. 294, 375.

⁴⁸ Пузыревский Н. Переход через Балканы отряда Гурко зимой 1877 года // Русская старина, 1880, № 12. С. 946.

⁴⁹ Куропаткин А. Переход через Балканы отряда генерала Скobelева // Военный сборник, 1889, № 10. С. 217; Беляев Н.И. Указ. соч. С. 364.

⁵⁰ Беляев Н. И. Указ. соч. С. 369-375; Фортунатов П. К. Война 1877-1878 гг. и освобождение Болгарии. М., 1950. С. 150.

⁵¹ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. II, М., 1964. С. 415.

⁵² Панайотов И. Из дипломатической истории на Санстефанския договор // Исторически преглед, 1966, № 5. С. 29.

⁵³ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т.2. С. 494.

⁵⁴ Там же. С. 494-495.

⁵⁵ Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917. М., 1952. С. 163.

С. НОВАКОВ

БЕССАРАБСКИЕ БОЛГАРЫ
В РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЕ 1877-1878 гг.

На научной конференции, посвященной 90-летию освобождения Болгарии, состоявшейся в Кишиневе в 1968 г., я уже выступал на эту тему¹. После этого вышли новые исследования, прежде всего это работы К. Поглубко и К. Калчева², обнаружен не использованный архивный материал. Здесь предпринята попытка поделиться некоторыми новыми сведениями и оценками по этой проблематике.

1. Перемены, произошедшие в России и Русской Бессарабии в результате проведения в России командой либеральных реформаторов во главе с царем Александром II буржуазных реформ в 60-70-х гг. XIX в., особенно военной, стали залогом успеха всей Освободительной русско-турецкой войны 1877-1878 гг. К началу этой войны в России была создана новая, немногочисленная армия, достаточная для обеспечения безопасности страны в мирное время, но многократно увеличивавшаяся в военное время за счет создания обученного резерва, так называемого Государственного ополчения, мобилизованного в действующую армию во время войны.

Как известно, Дунайская армия России накануне форсирования р. Дунай в июне 1877 г. насчитывала 186 тысяч человек, а ее численность в конце войны была доведена до 554 тысяч чел.³

В ходе реформирования российской армии была подвергнута реорганизации вся система комплектования и обучения рядового состава вооруженных сил страны. Было осуществлено их вооружение современным артиллерийским и стрелковым оружием. На смену гладкоствольному оружию пришло нарезное, заряжавшееся с казенника; американская винтовка «Бердана»-1 и ее русская модификация «Бердана»-2 стали поступать на вооружение пехотных войск, а в артиллерию появились нарезные орудия, т. е. увеличились скорострельность и дальность нового оружия. Изменилось и управление армией, как в полевых, так и в горных условиях, а также подготовка офицерского корпуса – в новых военных учебных заведениях (гимназиях, училищах и академиях). Были введены новые уставы, наставления и учебные пособия для обучения воинов навыкам и умениям, необходимым на войне.

Впервые был сформирован Генеральный штаб Российской армии⁴. Рекрутчина, по которой набирали воинов в российскую армию на протяжении веков, была отменена, и с 1 января 1874 г. Вступил в силу закон о введении всеобщей воинской повинности в созданных накануне 15-ти военных округах, в том числе Одесском, куда входила и Бессарабия (без ее северных уездов)⁵. И хотя процесс реформирования не был завершен, русская армия превратилась в массовую армию буржуазного типа, что в значительной мере усилило ее боеспособность и положительно сказалось в ходе русско-турецкой Освободительной войны 1877-1878 гг.

Полагаю, что если бы Александровская Россия в середине 70-х гг. XIX в. оставалась на уровне николаевской России времен Крымской войны 1853-1856 гг., то вряд ли бы она рискнула заступиться за болгарский народ, подвергшийся неслыханному геноциду после поражения Апрельского восстания 1876 г. Как известно, не только Россия, но и вся Европа была возмущена злодействиями карательных войск Порты против участников восстания и жителей многочисленных населенных мест, где В. Левским была развернута сеть революционных комитетов по подготовке вооруженного освобождения болгарского народа от османского владычества.

Как бы развивались события и какова бы была дальнейшая судьба болгар и предположить трудно, но за два десятилетия Россия, ослабленная Крымской (Восточной) войной, «сосредоточиваясь», пройдет через серию существенных реформ социально-экономического порядка, станет иной, более сильной, способной предпринять военный поход против Османской Турции по освобождению болгарского народа от иноземного завоевателя. И Европа была уже не та; несмотря на многомиллионные инвестиции ряда западных стран (в первую очередь Великобритании и Австрии) в турецкую экономику, прежде всего в обновление армии этой страны с целью осуществления своих традиционных «интересов» (не давать России утвердиться в Черноморских проливах и на Балканах), эти державы не посмели воспрепятствовать России в ее миссии по освобождению Болгарии от османского ига.

2. В ходе проведения буржуазных реформ применительно к Бессарабии болгары и гагаузы Бендера и Аккерманского уездов (46 колоний) были лишены своих прежних прав и льгот⁶. Численность населения в них составила в 1875 г. 75 846 чел. За-

кон о всеобщей воинской повинности был распространен и на них с 1 января 1874 г.⁷

Первый призыв в обновляющуюся российскую армию на действительную военную службу проходил в Бессарабии с 1 ноября по 14 декабря 1874 г.⁸ Призывались молодые люди в возрасте от 20 до 26 лет. Первоначально освобождались от военной службы те призывники, которым по закону предоставлялись льготы (единственные сыновья в семье или единственная ее корнильцы, а также учащиеся — получали отсрочку для завершения образования, по имущественному положению и др.). Оставшиеся призывники тянули жребий. По правилам жеребьевки, от 23 до 30 % ее участников сразу направлялись в войска, остальных зачисляли в резерв (так называемые ратники Государственного ополчения), которые в мирное время регулярно вызывались на учебные военные сборы; их, как и призванных на дальнейшую службу, учили тому, что нужно знать и уметь на войне, а во время военных действий мобилизовали и направляли на фронт.

Общее число призывников, призванных и сразу направленных в воинские части и крепостные команды Одесского военно-го округа в 1874, 1875, 1876 и 1877 гг., составляло 12 286 чел. Призывавшиеся в эти годы лица и зачисленные в Государственное ополчение ратники составляли 27569 чел.⁹ Вместе взятое общее количество призванных и принявших участие в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. из Бессарабии (ближайшего тыла Дунайской армии) достигло 39 855 чел.¹⁰

Подавляющее их большинство воевало на Балканах против вооруженных сил Османской Турции, часть из них — на Кавказском фронте. Половину из общей численности воинов-бессарабцев составляли молдаване¹¹, за ними шли русские и украинские бессарабцы¹², третьими были бессарабские болгары и гагаузы — около 2 500 чел.¹³ из «русской Бессарабии», затем следовали евреи, немцы-колонисты, ряд поляков, армян, цыган.

Иными словами, приняли участие в Освобождении Болгарии представители от всего полигетничного населения тогдашней Бессарабии. Для сравнения: людские ресурсы из Бессарабии, воевавшие в этой войне, своей численностью равнялись воинскому контингенту соседки и союзницы России в этой войне — Румынии (41 000 чел.)¹⁴. Многие бессарабцы пролили свою кровь за Освобождение болгарского народа от османского владычества.

Говоря об участии бессарабских болгар и гагаузов в освобождении родины своих отцов, следует напомнить, что когда в руководящих кругах России решался вопрос о создании первых дружины Болгарского Ополчения и направлении в них кадрового состава из числа болгар, проходивших военную службу в Одесском военном округе, то Генштаб затребовал поименные списки этих военнослужащих. В сводном списке, подписанном начальником Генштаба генерал-майором Величко, указаны 236 фамилий военнослужащих болгарского происхождения¹⁵, главным образом, уроженцев Бендерского и Аккерманского уездов Бессарабии, Тираспольского уезда и Одесско-Херсонской губернии, а также болгарских селений Таврической губернии. Все они были призваны на действительную службу в 1874 и 1875 гг.

В списке болгарских ополченцев из Бессарабии, приведенном болгарским исследователем Калчо Калчевым в его содержательном труде «Бессарабски българи-опълченци в руско-турската война (1877-1878 г.)»¹⁶, фигурирует лишь около 100 фамилий из списка генштаба. Указано около 120 фамилий выходцев из болгаро-гагаузских селений румынской Бессарабии — из 40 болгарских колоний, отошедших к Молдавскому (Румынскому) княжеству по Парижскому тракту от 30 марта 1856 г. Как подданные румынского государства, они еще не призывались в румынскую армию, так как введение воинской повинности в их среде было отложено по закону от 14 июня 1875 г. на 10 лет¹⁷. Поэтому они могли поступить в формировавшиеся в Кишиневе, а затем в Плоешты первые шесть дружин Болгарского ополчения только как добровольцы.

Архивные документы тех времен, хранящиеся в Национальном архиве Республики Молдова, свидетельствуют, что из «румынского участка», главным образом из Болграда и других болгарских селений, через Болгарийскую таможню (напротив с. Кубей) проследовали по русской территории в Комрат, а затем в Кишинев и Плоешты две большие группы добровольцев (одна — 26 чел. и вторая — 72 чел. или всего 98 чел.)¹⁸. Кроме того, в Болгарское ополчение поступали и индивидуально, в том числе из Кишинева. Многие из добровольцев были родом из Болграда, Измаила, Рени, Аккермана, а также из болгарских и гагаузских селений Болградского земского округа, в основной своей массе молодые люди, достаточно образованные и потому сразу востребованные в ополченческие дружины, а позже и для строительства освобожденной Болгарии и ее молодой армии¹⁹.

Болгарское ополчение, как установлено К. Калчевым, приняло участие в 15-ти боевых сражениях, главными из которых были: первое боевое крещение в местности Крива река в Старозагорском округе 4 июля 1877 г., затем, 5 июля – освобождение г. Казанлыка, 19 июля – сражение у г. Стара Загора, с 9 по 12 августа 1877 г. Шипкинские бои, 28 декабря 1877 г. – у села Шейново (Старозагорского округа), а также с многочисленными бандами «башибузуков» (разбойников-головорезов) и др.

В дружинах Болгарского ополчения сражались выходцы практически из всех болгарских и гагаузских селений Южной Бессарабии. Приведем сведения по некоторым селам нынешней Молдовы. Например:

- из г. Тараклия – Олимпий и Павел Пановы, Федор Деришевы, Димитрий Карамалак;
- из с. Кортен – Емануил Пейков, Захари Таукчи, Афанасий Калоев, Иван Петков, Петр Драгиев Новаков;
- из с. Твардица – Борис Крилев, Василий Паскалов, Михаил Папуров, Стефан Попов, Филипп Попазов;
- из с. Валя-Пержий – Николай Петров, Георгий Стоянов, Захарий Чолак;
- из с. Кирсово – Василий Галун, Петр Байков;
- из с. Кайраклия – Жейно Жейнов, Димитрий Казанжи, Тодор Киров;
- из г. Комрат – Илия Арабаджи, Сергей Маринов, Григорий Попов;
- из г. Чадыр-Лунга – Василий Дан, Николай Дан;
- из с. Вулканешты – Константин Иванов;
- из с. Конгаз – Кирил Бошков, Андрей Ширяев;
- из с. Казаклия – Стефан Жек, Димитрий Кылчик, Димитрий Фазлы;
- из с. Етулия – Тодор Димитриев, Илья Иванов;
- из с. Чишмекьой – Георгий К. Чобан;
- из с. Бешалма – Георгий Янков;
- из с. Бешгиоз – Георгий Вылков²⁰.

3. Материальные ресурсы Бессарабии, в том числе болгарских и гагаузских селений как тыла российской армии, также обеспечивали нужды армии и войны. Предшествовавшие войне 1873, 1874, 1875 гг. были неурожайными в Бессарабии, и население губернии значительно обеднело, однако 1876 и 1877 гг. дали обильные урожаи²¹, что облегчило военному интенданству здесь же

на месте закупать необходимые продукты питания, в бывших болгарских колониях и селениях других категорий крестьян для нужд армии.

В связи с подготовкой к войне в Бессарабии и особенно в ее болгаро-гагаузском регионе, были расширены посевы ржи, гречихи, проса, ячменя и овса, т. е. продовольственного и фуражного зерна, столь необходимого для жизнедеятельности воюющей армии. В это время возросло число мельниц, крупорушек и пекарен в Бессарабии²².

Военное интендантство закупало по рыночным ценам большими партиями муку, крупу, мясо, сало, заказывало в больших количествах через местные органы власти (земства, волости) сухари, а также сено, кормовую солому, дрова, своевременно рассчитываясь с поставщиками. Реквизиция продовольствия и скота не допускались.

4. Кроме военной повинности, поселяне губернии выполняли также квартирную и дорожную. 16 апреля, т. е. через три дня после оглашения Манифеста 12 апреля 1877 г. об объявлении войны Турции, Александр II объявил военное положение в Бессарабской губернии, приморских уездах Херсонской губернии и на Крымском полуострове²³, т. е. в ближайших тылах Дунайской армии. С Княжеством Румыния Россия заключила конвенцию о свободном перемещении через румынскую территорию войск российской армии, ее временном пребывании там, а также о содействии правительства Румынии в удовлетворении ее нужд и потребностей. При этом было оговорено, что все поставки с румынской стороны будут оплачиваться без промедления и сполна из казначейства российской армии²⁴.

Формирование Дунайской армии происходило в основном на территории центральных и южных уездов Бессарабской губернии (в регионе болгаро-гагаузских селений), рассредоточиваясь в городах и сельских населенных пунктах, где местные органы власти и население (молдавское, болгарское и гагаузское) обеспечивали бесплатное проживание и питание всего войска, прибывшего в Бессарабию, а также поставляли фураж для конницы и тягловой силы. С переходом российской границы в Бессарабии – в районе Унген, Леово, Кубея, Болграда – и вступлением российских войск на румынскую территорию, такое же содействие оказывало им население болгарских, гагаузских и молдавских селений «румынского участка южной Бессарабии» (40 коло-

ний бывшего Бессарабско-болгарского водворения во главе с г. Болградом). По официальным данным, содержащимся в губернаторских отчетах на высочайшее имя за 1875 и 1878 гг., в бессарабских болгарских колониях на юге Бессарабии насчитывалось 123 000 жителей, имевших следующее имущество: 23 000 жилых домов, 42 000 лошадей, 71 000 голов крупного рогатого скота, 472 600 овец²⁵, не считая поголовья свиней и домашней птицы, более 1 000 колодцев и других источников питьевой воды, а также запасы хлеба и фуражка. Таким образом, местное население (болгарское, гагаузское, молдавское, русское и украинское) располагало достаточными материальными ресурсами, чтобы оказывать войскам необходимую помощь как на территории своих селений, так и во время самой войны, на территории родины своих отцов.

Важное значение для беспрепятственного передвижения российских войск к государственной границе имело состояние дорожной сети. Здесь также были приняты своевременные меры: губернская земская управа еще на 1876 г. предусмотрела в своей смете средства в сумме 100 тыс. руб. на ремонт мостов, переправ, дорог²⁶. Только в регионе болгарских и гагаузских сел насчитывалось 104 моста (каменных, деревянных), 10 плотин. Все почтовые и проселочные тракты поддерживались местными жителями в хорошем состоянии, хотя погодные условия порой усложняли движение войск.

Например, на поддержание в исправном виде своих дорог Аккерманское земство выставило 16 420 (поденных) подвод и 54 500 человеко-дней пеших работников, израсходовав на это 40 000 руб., построило 2 каменных моста из Аккермана в Татар-Бунар и Кубей²⁷. При передвижении войск население бесплатно обеспечивало их подводами.

В отчете бессарабского губернатора на высочайшее имя за 1876 г. в частности говорится: «В Бессарабии слишком еще свежи воспоминания о турецкой неурядице (речь идет о карательных акциях правительства Турции против участников Апрельского восстания – С.Н.), к которой так снисходительно относились вся Европа, каждый житель края (Бессарабии – С. Н.) как бы чувствовал свое сопричастие в устраниении под знаменем России этой неурядицы. И об этом жители Бессарабии будут помнить вечно»²⁸.

Из сведений уездных земских управ за 1877 г. мы узнаем, что все полигиностическое население Бессарабии оказывало всяческую помощь войскам, делясь с ними всем, чем могло, отказываясь от

платы за оказанные услуги и особенно сердечно относилось к раненым и больным воинам (на добровольные пожертвования устраивали лазареты, буфеты и т. д.).

Другой пример оказания бессарабцами бескорыстной помощи освободительной армии зимой 1877-1873 гг.: главнокомандующий депешей просил Бессарабию срочно (в течение одного месяца) изготовить из местного домотканого холста 335 000 рубашек и 170 000 кальсон за плату из казначейства Дунайской армии. Это белье было изготовлено за две недели и доставлено в интенданство в Бухарест для отправки по назначению сражающимся воинам. В Аккерманском и Бендерском уездах (в регионе болгарских и гагаузских селений) было сшито 80 000 рубашек и 40 000 кальсон. От платы все уезды отказались²⁹. Александру II осталось только поблагодарить своих подданных за этот добродушный жест.

В заключение надо отметить, что результаты русско-турецкой войны 1877-1878 гг. отразились в дальнейшем на судьбе бессарабских болгар. Согласно решениям Берлинского конгресса (июнь 1878 г.) Румыния была вынуждена вернуть России Южную Бессарабию, получив взамен болгарскую Северную Добруджу. Тем самым болгарские и гагаузские селения Бессарабии опять входили в одну державу, создались новые благоприятные условия для их дальнейшего социально-экономического развития.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Новаков С. Участие бессарабских болгар в русско-турецкой войне 1877-1878 гг. // Юбилей дружбы. Сборник статей, посвященных 90-летию освобождения Болгарии. Кишинев, 1969. С. 79-88.

² Поглубко К. Весна освобождения. Кишинев, 1978; Калчо Калчев. Бессарабски българи – опълченци в русско-турската война (1877-1878 гг.). Велико Търново, 1995.

³ Христо Христов. Освобождението на България и политиката на западните държави. 1876-1878. София, 1968. С. 104.

⁴ История России. Сначала XVIII в. до конца XIX в. М., 1997. С. 398.

⁵ ЦИА России. Ф. 1284, оп. 69, ед. хр. 326 (М/Ф). Л. 1.

⁶ Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 65, оп. 1, д. 50. Указ. Правительствующего Сената и Правила об устройстве бывших колонистов, водворенных на казенных землях.

⁷ ЦИА России. Ф. 1284, оп. 69, д. 326 (М/Ф). Л. 1.

⁸ Там же.

⁹ Там же, д. 326, 249, 338, 389. Разделы: воинская повинность в Отчествах Бессарабского губернатора на высочайшее имя за 1874-1877 гг. Подсчитано автором.

¹⁰ Там же. Подсчитано автором.

¹¹ Там же. Подсчитано автором.

¹² Там же. Подсчитано автором.

¹³ Там же. Подсчитано автором.

¹⁴ ХристовХ. Указ. соч., 107.

¹⁵ ВИА России. ВУА. Ф. 7883. Л. 84. Список лиц, назначенных к отправлению в Главную квартиру Действующей армии, для образования кадров Болгарского ополчения.

¹⁶ Калчо Калчев. Указ. соч.

¹⁷ Записка по вопросу об устройстве воссоединенного края Бессарабии, (б/м, б/г). С. 30.

¹⁸ НАРМ, Ф.2, оп. 1, д. 8422. Л. 40.

¹⁹ Калчо Калчев. Указ. соч., С. 95-102. Выборка автора.

²⁰ Там же. С. 95-103.

²¹ Обзор Бессарабской губернии за 1876 г. С.1 (табл. № 1 и № 6).

²² Обзор Бессарабской губернии за 1877 г. С.1 (табл. № 1 и № 2).

²³ НАРМ, Ф. 2, оп. 1, д. 8422.Л. 57.

²⁴ Там же. Л. 58 об.

²⁵ ЦИА России, Ф. 1284, оп. 69, д. 289.Л. 6. Всеподданнейший отчет Бессарабского губернатора за 1877 г.

²⁶ Обзор Бессарабской губернии за 1876 г. С. 13.

²⁷ ЦИА России, Ф. 1284, оп. 69, д. 289. Л. 6.

²⁸ Обзор Бессарабской губернии за 1876 г. С. 3.

²⁹ ЦИА России, Ф. 1284, оп. 69, д. 289. Л. 12. Всеподданнейший отчет Бессарабского губернатора за 1877 г.

К. КАЛЧЕВ
(България)

БЪЛГАРИНЪТ ОТ БЕСАРАБИЯ ДАНАИЛ НИКОЛАЕВ – ОФИЦЕР В БЪЛГАРСКОТО ОПЪЛЧЕНИЕ

При подбора на офицерски състав на Опълчението Щабът на действащата руска армия изхожда от положение, че младшите офицери трябва да се наберат предимно измежду българи, които са служили или служат в момента в руската армия. Присъствието единствено на Константин И Кесяков измежду старшите офицери не отменя валидността на това положение, защото паралелно с това се посочва, че е желателно «щото всички началници и дружините офицери да бъдат руси или от ония българи, които са служили в руската войска»¹. Не е в дисонанс с духа на «Основанията за организиране на българската войска» и по-късното допускане до офицерски длъжности на отличили се в бойните действия редови опълченци или подофицери. Без да противопоставяме проблема за офицерството в Българското опълчение изобщо на този за бесарабското офицерство в частност, намираме за необходимо да отделим по-конкретно внимание веднъж върху приноса на действалите по време на цялата военна кампания като офицери бесарабски българи, и – втори път – върху ролята на онези редови опълченци, които в края на воината са предложени за производство в първи офицерски чин.

Нужно е да се подчертая, че от този зрителен ъгъл въпросите около опълченското офицерство не са разглеждани. Но това не значи, че те са били извън вниманието на исследователите на военното минало. Ще отбележим само две от обобщаващите публикации от последните петнадесетина години², но ще направим уговорката, че старата школа историци също са се занимавали с тия въпроси, макар и не en bloc, макар и не от същия зрителен ъгъл...

Като типични представители на бесарабските кадрови офицери, постъпили на служба в Опълчението през пролетта на 1877 г. и воювали в неговите дружини, обикновено се сочат Данаил Николаев, Стефан Любомски, Стефан Кисов, а към тях ще добавим не без някои уговорки още Аврам Гуджев и почти непознатия подпоручик Стоянов. От списъка на офицерите, родени в Бесарабия, изключваме Иван Ал. Дякович, тъй като последният служи в руска войскова част.

Сред всички тях най-ярко се откроява фигурата на бъдещия «патриарх на българското войнство» **Данаил Николаев Цонев**. Името и делото му изискват по-специално внимание от съвременната историческа наука, тъй като оставеното от изследователите от старата школа е тенденциозно и панегирично. В сравнително малкото писано за него след 9 септември 1944 г., и то най-често във фрагментарен вид, господства политическата селективност – подбират се факти и данни, които са удобни или подходящи за защита на определена теза или на предварително формирания идеологическа конструкция. Очевидно е, че съвременните реалности изискват властно един по-уравновесен, обективен подход в комплексната оценка за делата на личности с толкова сложна и богата житейски историческа съдба. А цялостната научна оценка едва ли би била възможна, ако не внимателно в ранния период от личностното му идейно съзряване. Към този период относаме юнкерските му години, както и службата в Опълчението.

Роден е на 18 декември 1852 г. в семейството на преселници от Сливенско според някои от неговите биографи³, или от Търновско според други⁴. Младият болградчанин учи в известната българска гимназия в града⁵, по време когато възрожденските пориви към национално освобождение на българите обхватват широки слоеве както от емиграцията, така и от местното българско бесарабско население. Не без основание надеждите за това освобождение се свързват с подготовката на военна сила от средата на поробените българи отвъд Дунава. А за това са необходими военни кадри. Категоричното убеждение в правотата на тези аргумента кара не един и двама българи от двете страни на руско-румънската граница да се ориентират към военна служба в императорската армия на Русия още преди 1874 г., когато е въведена задължителната военска повинност. Измежду тези българи е и пристигналият през лятото на 1871 г. в Одеса **Данаил Николаев**. Обръщаме внимание и на предопълченския период от биографията на един от първите български офицери, тъй като се сблъскваме още тогава с имена на личности, които по-късно отлизо ще го съпътстват не само по време на службата в Опълчението, но и за дълго време след Освобождението. Това са **Стефан Кисов** и **Аврам Гуджев**.

Заедно със Стефан Кисов, вероятно при поощрителното отношение на Аврам Гуджев и при съобразяване със съветите на

българина на руска служба полковник Иван Кишелски, 19-годишният младеж подава молба до императора да бъде записан като «вольноопределяющийся» в армията. Молбата му, заедно с тази на Кисов, не след дълго е удовлетворена. И двамата са зачислени в състава на 54 пехотен Мински полк, дислоциран в гр. Николаев. Както е известно, тук се намира южнославянският пансион на Тодор Н. Минков. В него живеят десетки откъснати от Отечество-то си български младежи с будно патриотично чувство. Само два месеца след началото на воинската служба в полка **Д. Николаев** е произведен в унтерофицерско звание⁶. Оттук след задължителната двегодишна служба заедно с Кисов, и с Аврам Гуджев, постъпва в Одеското военно-пехотно юнкерско училище. След близо едногодишен стаж в полка през пролетта на 1876 г. става изключително важно събитие в живота му – среща с поета-революционер Христо Ботев в Кишинев. На нея се обсъжда въпросът за перспективите на бъдещата реализация на почти завършилите военното си образование младежи. На срещата, организирана от малко по-възрастния и по-старши по звание калоферец **Димитър Филов**, Николаев е в обкръжението отново на двамата си колеги, но също и на редица други български младежи, отдали се на военното дело, с които съдбата ще го свърже година по-късно в Освободителната война и жестоко ще ги раздели в следосвобожденската епоха. Скоро след това знаменателно събитие, оставило трайна дира в личностното израстване, младите офицери се записват доброволци в Сръбско-турската война. През лятото и есента на 1876 г. те вземат участие в сражения с турските войски. Прапоршчик **Данаил Николаев** се проявява като младши войскови командир в боевете при Митровица и Гамзи град.

Завръщането му в 54 пехотен Мински полк през есента на 1876 г. съвпада хронологически със започналата практическа работа по осъществяване идеята на генерал Р. М. Фадеев за изграждане на българска опълченска войска в Кишинев. Генерал Н. Г. Столетов изисква в свое разпореждане подполковниците Ринкевич, Кесяков и майора от Първи Туркестански батальон П. П. Калитин. На 23 ноември 1870 г. излиза височайша заповед за командироване от различни руски дивизии на офицерски и унтерофицерски кадри към този конвой, а също и на лица от български произход за създаване ядрото на бъдещото опълчение⁷. Новопроизведеният полковник **П. П. Калитин** се е заел здраво с

практическата организаторска работа по набирането на първите унтерофицерски кадри.

Първите петима унтерофицери пристигат в разпореждане на началника на Пешия почетен конвой на Главнокомандващия в началото на 1877 г. Те са от състава на 54 пехотен Мински полк. След близо три месеца (в началото на април 1877 г.) командирът на тази руска част съобщава на подполковник Калитин, че му изпраща и подпоручиците Николаев, Гуджев и Кисов, заедно с още двама унтерофицери⁸. Фактически службата на прaporshchik D. Николаев в Българското опълчение започва на 3 април 1877 г.⁹ Последната важна специална задача, която младият офицер изпълнява по заповед на командването на «своя» 54 пехотен Мински полк, е топографското «разнасяне» на маршрутите за придвижване на разположените по линията от гр. Балта до Одеса руски войскови части. Всички следващи негови по-късни действия могат да бъдат отнасяни вече с по-голяма категоричност към историята на българската войска, независимо дали са извършвани по руска военна заповед, или не.

Веднага след зачисляването в състава на Пешия почетен конвой прaporshchik Николаев е разпределен в трета рота на трета дружина, а неговите колеги Гуджев и Кисов – съответно във втора и първа дружини¹⁰. Така по волята на случая тримата млади българи стават първите младши строеви офицери на изграждащата се в руската част на Бесарабия нова българска армия. Ско-ро след тях в състава на Пешия почетен конвой пристигат и други сънародници, служили като оборофициери (младши офицери) в бойните части на императорската армия – щабс-капитан Степан Любомски, капитан Райчо Николов, подпоручик Димитър Филов, подпоручик Пенчо Шиваров и др. Върху всички тях ляга голяма част от отговорността по организацията, обмундироването и въоръжаването на личния състав, по окомплектоването на ротите, по провеждането на строевите занятия, на първите учебни стрелби и т. н. Определено може да се твърди, че тези грижи не намаляват, когато повишеният вече в чин подпоручик Данай Николаев поема задълженията на отговорник по въоръжението в пета опълченска дружина. Освен това през юни 1877 г. той е назначен и за временен командир на четвърта рота в тази дружина¹¹. Като отговорник по въоръжението и като временен командир на рота той възвежда във воинската служба стотици опълченци, малка част от които са негови земляци от Бесарабия и дори съграждани от Белград.

В качеството на субалтерн-офицер до прехвърлянето на войските в поробена България той участва в организиране придвижващето на дружината от Кишинев до Плоещ, а след това и в мъчителния поход от Плоещ към Зимнич (Зимница). Преминава река Дунав с основните опълченски сили на 21 юни (3 юли) 1877 г. по изградения pontонен мост и влиза в Свищов. След това в състава на командвания от генерал И. Вл. Гурко отряд стига до старопрестолно Търново. И в Свищов, и в град Търново, както и във всички български села, през които минават опълченските дружини, той става свидетел на огромната радост и необикновеното въодушевление, с което местното българско население посреща освободителните войски. Какви са били чувствата и вълненията, с които младият бесарабец крачи из никога невижданата земя на дедите си, как е посрещал радостните сълзи на до вчера поробено население – за това нито той, нито някой от мемоаристите-опълченци са оставили информация. Месец след освобождаването на Търново болградският вестник «Български глас» дава на читателите си твърде важни сведения за събитията около старопрестолния град на 25 юни (7 юли) 1877 г. Но за вътрешния свят на освободителите-опълченци «Български глас» не казва нищо конкретно. А на Търново, на неговото стратегическо положение руското офицерство е гледало твърде сериозно и основанията за повече размисъл са налице...

След кратък отдих в старопрестолния град опълченците от пета дружина преминават Стара планина през Хайнбоаз и на 3 (15) юли 1877 г. се установяват в с. Хайнето (дн. гр. Гурково). Същинската бойна дейност на подпоручик Николаев започва обаче на следния ден – 4 (16) юли, когато в местността Крива река край близкото село Уфланлий (дн. с. Ветрен) пета опълченска дружина взема участие във въоръженото стълкновение с три турски тabora. Очевидци на сражението намират, че опълченците воюват смело и самоотвержено¹². На следния ден – 5 (17) юли 1877 г. – първа и четвърта рота, чийто временен командир е Д. Николаев, се сражават заедно с руския 14 стрелкови батальон за освобождаването на гр. Казанлък¹³. Историческите извори не дават достатъчно информация за личния принос на младия ротен командир в постигнатата победа над немногобройния противник. Знайно е обаче, че в първите сражения опълченците показват воински качества, без това да повлиява съществено за бързо разсейване на скептицизма по отношение на българите сред

част от руското командване. «Не мога да скрия, – пише генерал Гурко непосредствено след превземането на Казанлък, – че на Българското опълчение не възлагам големи надежди»¹⁴.

На 9 (21) юли 1877 г. по заповед на командването на Предния отряд пета дружина напуска Казанлък и се отправя към Стара Загора, за да влезе в него заедно с един руски хусарски полк, още три опълченски дружини и шест ордия. Освободителните руско-български части са посрещнати най-радушно от местното християнско население. Това става на последния ден – 11 (23) юли, като заедно с опълченците в града влизат и генералите Гурко и Столетов. Десетина дни по-късно на тези войски ляга тежката участ да отбраняват Стара Загора от атакуващите многочисленни тaborи на Сюлейман паша. Тогава първа, втора, трета и пета опълченски дружини отстояват на дело воинските добродетели на българския опълченец. Героизъмът, проявен в тези боеве, както и в сраженията при с. Джурани (днес с. Калитиново, Старозагорско), дава основания на генерал И. Вл. Гурко да промени категорично мнението си и открыто да заяви в своя заповед след оттеглянето от лолесражението, на 31 юли (12 авг.) 1877 «Вие се показахте такива герои, че цялата руска армия може да се гордеет с вас и да каже, че не е сгрешила, като е пратила във вашите редици най-добрите свои офицери. Вие сте ядрото на бъдещата българска армия. Ще минат години и бъдещата българска армия с гордост ще заяви: «Ние сме потомци на славните защитници на Ески Загра...»¹⁵.

В боевете край този исторически град пета дружина заема позиции от двете страни на Одринския път. Откачало ротата на подпоручик Николаев е в резерв, но когато турските части на Реджеб паша започват настъпление в стика между трета и пета дружини, тя бива изпратена на предна бойна линия в левия фланг на дружинната позиция. Тук османлиите не успяват да пробият благодарение на взаимодействието между ротите и навременноната подкрепа на руската артилерия¹⁶. Вляво от отбранителните боеве на четвърта рота се разиграват епичните стълкновения около Самарското знаме, при които загиват дружинният командир под-полковник П. Калитин и още десетки български опълченци и руски воини. Това става на 19 (31) юли 1877 г. По повод героизма на българските опълченски дружини още тогава руският вестник «Русский мир» констатира: «Българите надминала всички очаквания – една шепа хора издържаха толкова дълго сре-

щу такава огромна маса. Това не всяка войска е в състояние да направи»¹⁷. Похвалните слова на руските военачалници, офицери и кореспонденти се отнасят косвено в никаква степен и до подпоручик Данаил Николаев. От всички българи-офицери в Опълчението, намиращи се на предна бойна линия, той единствен изпълнява длъжността на ротен командир. Подполковник К. И. Кесяков е командир на дружина, а всички останали са субалтерн-офицери – младши офицерски кадър в пехотните роти. А опълченската рота в хода на тогавашните военни действия е относително самостоятелна единица, която може да изпълнява специфични бойни действия. Не случайно обучението на опълченците се е водило въз основа на скоро пристите в руската армия «Устав за ротно учение» и «Ус-тав за батальонно учение». Тактическият успех на батальонните (дружинните) действия в значителна степен се е обуславял от синхронна между стрелковите роти, както и от самостоятелната активност на ротите поотделно.

Макар и със силно намален състав в резултат от големите загуби от боя при Стара Загора – излезли от строя 7 офицери и 116 редници и подофицери, пета дружина взема участие и в Шипченските боеве от 9 до 12 (21 – 24) август 1877 г., а непосредствено след това и в сражението край с. Зелено дърво, Габровско на 20 август 1877 г. След битката при Стара Загора командваната от подпоручик Николаев рота намалява само със 7 бойци – загуба, твърде незначителна в сравнение с броя на убитите от останалите роти на воюващите дружини. Тя едва ли се дължи единствено на умело командване от страна на ротния командир. Както бе посочено, по време на първите яростни пристъпи на противника ротата е била във втори ешелон. Но че за ограничаването на загубите в жива сила отговаря по принцип младшия офицерски състав и че в този смисъл временнният командир на рота подпоручик Николаев има известен дял в недопускането на излишни жертви при изпълняване на поставените задачи, това не би следвало да се подлага на съмнение.

В първия ден от Шипченските сражения, разположената върху южния скат на главната позиция на връх Шипка пета дружина почти не воюва. Тя отбранява левия фланг на позицията под командуването на княз Вяземски. Не е качествено по-различна картина и през втория ден, макар че тогава позициите са обстреляни със силен артилерийски огън. Но на третия ден 11 (23) август 1877 г. срещу отбранителния участък на пета дружина и на

части от 36 пехотен Орловски полк турците предприемат яростни атаки при значително количествено преимущество – 5:1, т.е. 2000 защитници – българи и руси – устояват на атаките на 11 000 турска армия¹⁸. В своите спомени Стефан Кисов отбелязва изрично бодрия борчески дух на своя другар и съгражданин пред този ден – след поредната си линия атака срещу позициите на трета рота от трета дружина Кисов размества възвода си, когато забелязва ръкомахания от страна на Д. Николаев от недалечен окоп. От разменени реплики между двамата болградчани и родственици авторът на спомените разбира, че неговият земляк е готов за упорита борба.

Що се отнася до сражението край село Зелено дърво десетина дни по-късно, в него подпоручик Данаил Николаев не взема участие, тъй като в същия ден е командирован до Габрово. Остъпкновението с черкезите на тази дата пострадва само лично то му имущество, което изгаря в офицерската землянка. При всички този бой на опълченците с по-малобройен противник има в значителна степен инцидентен характер, той дава основание за съриозни изводи и поуки както за старшото опълченско командване, така и за младшите офицери.

Повишаването в звание поручик на 10 септември 1877 г., превеждането като титулярен командир на същата рота, награждаването с руските военни ордени «Свети Станислав», III степен с мечове и бант, «Света Ана», III степен с мечове и бант и също Специалния Сребърен медал заради Шипченските сражения¹⁹, всичко това свидетелства, че офицерът Данаил Николаев е изпълнил с достойнство и чест командирските си задължения през военното лято на 1877 г.

След близо четиримесечно пребиваване на бивака край Зелено дърво, от конто повече от половината при зимни условия, пет опълченска дружина е включена в дясната колона на генерал М. Д. Скобелев. Тази колона има за задача през Химитлийския проход да се насочи на изток към укрепения турски лагер в под-базанското поле край село Шейново, Казанльшко. В доста силно намален офицерски и редови състав – един от деветте офицери и пор. Николаев! – дружината преминава Химитлийската пътека и заема своето място на десния фланг като резерв. Още след първата атака положението става критично, тъй като русите нападат без полева артилерия и с големи загуби в жива сила. Около обяд става ясно, че един от руските стрелкови батальони

не може да се вдигне в атака поради големи загуби в личния състав. Положението е спасено благодарение на доблестния пример на саможертва от страна на командирите, между които е и Данаил Николаев. При атаката на голямата траншея командирът на 63 пехотен Углицки полк полковник Панютин грабва знамето от знаменосеца и придружен от барабанчик, сигнализиращ «Настъпление!», тръгва напред. Тогава всички угличани, опълченци и войници от 9 стрелкови батальон се вдигат дружно срещу противника. Първи влизат в неговите окопи поручиците Короткое, Власов и Николаев. В момента на превземането на редут № 2 обаче поручик Николаев е ранен в коляното²⁰.

Височината, върху която се намира редут № 2, превзет на 28 декември 1877 г. в резултат от руско-българската атака при упражненото благотворно въздействие от примера на храбрия българец, местното население назовава Дончова могила. А заради блестящия пример на воинска смелост и командирска самоопожертвователност при Шейновския бой със заповед по действаща армия № 43 от 26 март 1878 г. ротният командир на четвърта рота от пета опълченска дружина е удостоен с орден «Свети Георги» – 4 степен²¹. Така към високите воински отличия заради Стара Загора и Шипка²² се прибавя и висшата воинска награда – Георгиевският кръст, придружен с особена грамота, дадена от руския император Александър II. В нея със силни емоционални слова се мотивира награждаването на героя с висшата воинска награда.

След Освобождението през целия си съзнателен живот на действащи и запасен офицер в българската войска Данаил Николаев ще заема кога по-прикрито, кога по-открыто и дори конфронтационно русофобски политически позиции. Макар самият той да е убеден монархист, по отношение на руския царизъм и на неговата дипломация бившият възпитаник на руската военна школа ще храни дълбоко недоверие и принципиална враждебност. Но към документа, започващ с традиционното «Боже милостю, Ми – Александър !!!!» («С божията милост, Ние – Александър II..») българинът Д. Николаев всяко ще изпитва едно почти култово преклонение, една свята тържественост.

След раняването отличият се ротен командир е изпратен на лечение във войсковите лазарети в Казанльк и Търново, без да може да участва в по-нататъшните военни действия. Фактически войната за него приключва с надежда, че жертвите и ли-

шенията не са напразни, че свободата на поробена България ще бъде извоювана. Историческите документа не ни дават конкретна информация за душевното състояние на лекуващия се офицер, за хода на неговите размисли и съждения. Но логиката на малкото известни исторически факти от следосвобожденския период допуска вероятността именно тогава той да е взел съдбоносното решение да скъса с родния си край и да прекрати службата в руската императорска войска. Още докато е в Казанлък, той е посетен от завеждащия гражданскача част в освободените български земи княз Вл. А. Черкаски (1824-1878 гг.), който е и пълномощник на Руския червен кръст. В тази среща има нещо символично: здравият привидно и не толкова възрастен администратор, известен с резервираното си отношение към използването на Опълчението за бойни цели, посещава ранения млад офицер, удостоен с висше военно отличие и разговаря с него. За какво – не е известно. Но скоро, търде скоро след това, в деня на подписването на Сан-Стефанския мирен договор, княз Черкаски скоропостижно умира, сякаш завещавайки бъдещето на освобождаваната от Русия българска земя в ръцете на формиращата се българска армия и администрация. В началото на месец май 1878 г. поручик Николаев, вече здрав, се завръща в дружината си²³. И като че ли да означава новия етап във воинската кариера на закаления вече в боеве-те офицер, командването на дружината му възлага изпълнението на възможно най-мирната и чисто представителна задача – на 11 май 1878 г. да команда представителна рота на църковното тържество по случай празника на светите братя Кирил и Методий²⁴.

Последвалото историческо развитие търде скоро слага край на възможността българските воини да изпълняват параднопредставителни функции. В живота на Данай Николаев настъпват решителни промени. Изложените дотук моменти от опълченската биография на бъдещия генерал, независимо дали са били съзнателно или не-волно пренебрегвани от съвременните изследователи, са част от историческата съдба на Опълчението. Житейският път на бесарабеца Данай Николаев е органически втъкан в историята на българското национално освобождение и като синтез на всички най-цennи воински добродетели той заслужава едно по- внимателно отношение.

БЕЛЕЖКИ

¹ Бендерев А. История на Българското опълчение и освобождението на България. София, 1930. С. 407.

² Петров П. Българи-военнослужещи в руската армия, участници в руско-турската война 1877-1878 г. // Сто години от Освобождението. София, 1979. С. 151-167.

³ Радев Н. Генерал от пехотата Данай Николаев – патриарх на българското войнство от Третото българско царство. София, б. г. С. 7.

⁴ Централен военен архив (ЦВА) – В. Търново, ф. 012, оп. 1, а.е. 114. Л. 10

⁵ Името му обаче не фигурира сред випускниците на Болградската гимназия.

⁶ Радев Н. Цит. съч. С. 7.

⁷ Българското опълчение. Сборници от документи и материали. Т. II, София, 1956. С. 16.

⁸ Пак там С. 379.

⁹ С – й – ъ. [Христо Сейков]. Биографията на генерал-адютант генерал-лейтенанта Николаева // Войнишка сбирка, 1904, № 1. С. 8.

¹⁰ До 17 апр. 1877, когато Пешият конвой се трансформира в Българско опълчение, съществуват само три дружини (Б.М. – К.К.).

¹¹ ЦВА, ф. 012, оп. 1, а.е. 135, д. 175.

¹² Война 1877-1878 гг. в Европейской Турции. Т. I. С-Петербург, 1883. С. 171.

¹³ Вълков Г. Българското опълчение. Формиране, бойно използване и историческа съдба. София, 1983. С. 180.

¹⁴ Българското опълчение. Т. I. С. 562.

¹⁵ Пак там. С. 756.

¹⁶ С-й-ъ. Цит. съч. С. 9.

¹⁷ Цит. по: Репортажи от Освободителната война. (Сборник). София, 1978. С. 147.

¹⁸ Петров П. Отбраната на Шипченския проход // Военно-исторически сборник, 1977, № 3. С. 54.

¹⁹ ЦВА, ф. 012, оп. 1, а.е. 144. Л. 176.

²⁰ Мир, № 11084, 5 юли 1937.

²¹ Българското опълчение. Т. 2. С. 456.

²² Български исторически архив, ф. 725, оп. 1, а.е. 1. Л. 3.

²³ ЦВА, ф. 42-к, 1, а.е. 7. Л. 60.

²⁴ Пак там.

В. ДАМЬЯН

БАЛКАНСКИЕ ПОХОДЫ ЗАПОРОЖСКИХ КАЗАКОВ (конец XVI – начало XVII вв.)

В течение продолжительного времени Османская империя являлась полноправной хозяйкой большей части Балканского полуострова. Многие европейские правители с помощью военной силы неоднократно пытались заставить османов покинуть завоеванные ими территории в Европе, часто им это не удавалось сделать. Со временем османы смогли подчинить себе некоторых активных участников антиосманской борьбы в Европе – балканские княжества, Валахию, Молдову, а также Венгерское королевство. В начале XVI века положение в Восточной Европе стало меняться. На границах между тремя государствами – Речью Посполитой, Московией и территорией вассалов Османской империи крымских татар, начала складываться новая военно-политическая сила – запорожское казачество.

Обращаясь к периоду конца XVI – начала XVII вв. и роли казачества как одного из факторов, существенно влиявшего на взаимоотношения между государствами Восточной и Центральной Европы, а также на судьбу народов балканского региона, мы убеждаемся в том, что каждая попытка запорожских казаков, какой бы она ни была, удачной или нет, дарила надежду на освобождение, давала импульсы к активным действиям самих балканских народов, куда входили и болгары.

Известно, что казачество находилось в постоянном военном противостоянии с турецко-татарскими силами. Роль важного фактора, который расшатывал османское присутствие в Северном Причерноморье и власть османов в устье Дуная, играли, в первую очередь, морские походы казаков. Они оказывали деморализующее влияние на сultанский двор и в целом на всю османскую империю.

Казаки нападали не на какие-либо приграничные территории, а на все юго-западное побережье Черного моря, которое являлось сердцем османского владычества на Балканах. В 1606 г. запорожские казаки захватили на море 10 турецких галер со всеми припасами и напали на Варну, а в 1609 году на 16 «чайках» появились в дунайских гирлах¹.

В. Дамьян

Эти походы фактически были беспрерывными на протяжении рассматриваемого периода. В 1612 г. флотилия запорожцев состоящая из 160 «чайк», напала на турецкие крепости Гюзелев, Бабадаг, Варну, Месемврию. Не избежала участия черноморских крепостей и столица османской империи. Весной 1615 г. казаки на 80 «чайках» подошли к Константинополю, гарнизон которого насчитывал 24 тыс. янычар и 8 тыс. сипахов. Высадившись на берег между столичными портами Мизевною и Архиокой, сожгли их «...аж и сам Цесарь Турский был в великом страху»². Разгневанный султан приказал догнать казаков, но те благополучно отплыли. По дороге назад у гирла Дуная ими была разгромлена турецкая флотилия, а ее командующий взят в плен³.

Один из таких походов описывается исследователем XIX века Г. Конским в его работе «Історія Русів»: «...досягнувши передмісті Царгородських зі східної сторони тамтешньої протоки, напав на них з усіх боків і примусив Турків, заскочених таким несподіваним нападом, рятуватися втечею на суднах в самій Царгород. А військо Малоросійське,...підпаливши передмістя, відступило назад до Чорного моря і на протоці, вчинивши переправу Запорозькими човнами та іншими морськими суднами, що були забрані побіля Турецьких берегів, вступило в Болгарію, проголосивши тамтешньому народові, що вони, як єдиновірні та єдиноплемінні, нічого ворожого їм робити не будуть. Болгари, сим заспокоєні, проводжали війська Козацькі до самого Дунаю, надаючи в дорожніх потребах поміч всіляку, і тут же сповістили Гетьмана, що Турки, які нападали на Сербію та інші Християнські по Дунаю відгатства, повернули нагло назад і потяглися до Адріанополя. Гетьман, переправившись через Дунай Запорозькими і здобутими суднами поміж містами Силістрю та Варною, вступив у Молдавію і, порівнявшись з містом Кілією, напав на нього зненацька на світанку і, взявши штурмом... і спалив..., а по тому повернув Гетьман з військом у свої граници зі славою і здобиччю великою»⁴.

По сообщениям французского инженера-топографа Боплана, во время таких походов казаки заходили в глубь территории на одну милю, возвращались, а затем быстро отплывали. Об ужасе, который наводили морские вылазки казаков на турок, Боплан говорил следующее: «Султан рассыпал гонцов во все концы Анатолии, Болгарии и Румелии, чтобы предупредить жителей, что казаки на море и чтобы все держались настороже»⁵.

Если удавалось узнать о таком походе, то тут же эта тревога разносилась по всей империи. Нередко морские походы запорожских казаков против Порты проводились совместно с донскими. Об этом московский посол Несмиян Чаплин писал: «... и те воры Донские казаки по совету с Днепровскими... ходили на море турецкого Ахмет-салтанова величества, корабли погромили, людей побили.., и его пашу взяли»⁶. Турецкий флот был просто не в состоянии защитить берега империи. Именно поэтому в договоре, заключенном в 1617 г. между Польско-Литовским государством и Османской империей, в пункте первом говорилось, что «Розбійники козаки не повинні виходити з Дніпра на море, в краях цісарських (султанських – В.С.) ніяких шкод не мають чинити, взагалі якимсь способом вони мають бути змушені, аби більше ані від нас (поляків – В.С.), ані від козаків не було ніяких шкод, так щоб цісарському флоту більше не було потреби виходити на Чорне море і ми обіцяємо і зобов'язуємо козаків та їх край приборкати і покарати»⁷. В Поляновском мирном договоре, заключенном в 1634 г., также в пункте первом обговаривалось «не допускать козаков на Чорне море, а татар на український степ»⁸.

Морские походы казаков нашли свое отражение не только в исторических документах, но и в народном творчестве. Так, в украинских думах рассказывается о страданиях пленных казаков в неволе, но большинство же отражает боевые походы против турок и татар. Общей чертой для стиля дум является то, что очень часто они начинаются словами «На Чорному морі, на білому камені...»⁹. В одной из таких дум прославляются победы казаков во главе с атаманом по имени Кішка Самійло:

Тогді Кішка Самійло до козаків промовляє:
 «Ви, козаки молодці, добре, браття, дбайте :
 Од города Козлова забігайте,
 Турків- яничарів упень рубайте,
 Которих живцем у Чорнене море метайте!»
 Тогді козаки од города Козлова забігали,
 Турків- яничарів упень рубали,
 Которих живцем у Чорнене море метали.
 А Кішка Самійло Алкані-башу із ліжка взяв,
 На три часті розтяв, у Чорнене море пометав,
 До козаків промовляв:
 «Панове молодці! Добре дбайте:
 Всіх у Чорнене море метайте,...»¹⁰.

Не обошли стороной народные песни и морские походы в Болгарию под Варну:

Була Варна здавна славна.
 Славнішій козаченьки,
 Що тої Варни дістали
 І в ній турків забрали¹¹.

Если говорить о походах казаков на крепости Молдовы, Валахии и Северной Болгарии, то и здесь был немаловажен казацкий фактор, который ослаблял власть османов к югу и северу от Дуная.

К концу 30-х годов XVI в. над югом Молдавского княжества был установлен полный турецкий контроль. Причерноморские крепости как Молдовы, так и Валахии были превращены в пашалык. Степи юга Молдавского княжества стали кочевьем для татар, вассалов Порты. Все это лишь усиливало контроль османов над Балкано-Дунайским регионом.

Власть Порты в этом регионе была серьезно ослаблена в период войн Христианской Лиги (1593-1606 гг.). Целью лиги стало изгнание осман из Европы. О состоянии балканских провинций Османской империи до войны с лигой представитель Папы Римского А. Комулович говорит, что страна вплоть до Константинополя опустошена и совершенно разорена из-за войны с Ираном и чумы. По мнению А. Комуловича, еще никогда не было для христианских государей такого удобного момента создать союз, выступить против общего врага и завладеть не только турецкими землями, но и святой землей Палестиной¹². Христианская Лига была создана по инициативе Габсбургской империи и Папского государства.

Для расширения христианской коалиции к казакам был направлен для переговоров посол от императора Габсбургской империи Эрих Лясота. Он привез соглашение об участии запорожцев в походе в Молдову и за Дунай, на болгарские земли. Согласно этому договору на казаков возлагалась задача отсечь татарские подкрепления, шедшие из Крыма, а также захватить турецкие крепости, которые находились на юге Молдавского княжества, откуда боевые действия должны были быть перенесены в балканские провинции Османской империи.

О возможном успехе запорожцев в походе в Молдову, Валахию и за Дунай сообщал еще в 1585 г. представитель Папы Римского в Речи Посполитой Карло Гамберини после переговоров с одним из казацких гетманов, который его уверил в том, что с

«появлением казацкого войска в пределах Османской империи покоренные народы волохи, молдаване, болгары и сербы¹³ тут же присоединяются к его войску. В начале 90-х гг. XVI века эмиссар Папы Римского А. Комулович вел переговоры и с господарем Молдовы Ароном Тираном (1591-1595) о вступлении в коалицию христианских государств. Переговоры не увенчались успехом. Господарь сам признавал, что он «...только исправник султана в этой стране»¹⁴. С началом боевых действий казаки взялись за выполнение своих союзнических обязательств. Запорожцам приходилось воевать на два фронта – против турецких крепостей и молдавского господаря. В таких условиях успешное продвижение в глубь османской территории было бы невозможным. К лету 1594 г. положение изменилось. Успешные боевые действия казаков, а также присоединение к Христианской Лиге Михая Храброго господаря Валахии заставили Аrona Tiранa встать на сторону антиосманского союза.

В начале 1595 г. нападениям со стороны казаков подверглись крепости: Тигина, Белгород, Килия, Брэила, Измаил, Исакча. Позже Силистра, Рущук, Никополь и др. В основном отряды казаков действовали под предводительством Лободы и Наливайко. Не обходимо подчеркнуть, что им отводилась очень важная функция – распространение действий казацких отрядов с Буджакских крепостей на Дунайские, а оттуда до Адрианополя¹⁵.

С 1594 г. в Болгарии активно стали действовать отряды гайдуков во главе с Бабой Новаком и Дели Марко. В этом же году успешные действия болгарских гайдуков поддерживают и войска Михая Храброго, перешедшего Дунай¹⁶. Его войска совершили походы к Силистре, Орехову, Видину, Разграду, Плевне и др. Миновав Балканские горы, его отряды появлялись в окрестностях Пловдива и Одрина. В войсках Михая Храброго были и казацкие отряды, которые дошли до Балканских гор и Софии¹⁷. Так, в донесении из Праги от 16 мая 1595 г. говорится об одном из штурмов турецкой крепости войсками князя Михая «казаки, обединени с известен брой българи»¹⁸.

Успешные боевые действия Михая Храброго поддерживали и отряды Лободы и Наливайко, действующие в Южной Молдавии. Оттягивая на себя турецко-татарские силы, казаки оставались верными союзниками Михая Храброго и в Задунайском походе 1598 г., когда была сделана попытка во время восстания в Тырново восстановить болгарскую государственность под скипетром Шишмана III¹⁹.

Об этом походе Андрей Тарновский пишет «сербы, болгары... ждут воеводу... из-за Дуная»²⁰. О готовности совершить этот поход Иван Маринич сообщает в январе 1598 г.: «Влашкият войвода има твърдо решение да премине Дунава в успешно начинание, за която цел увеличава непрекъснато войската си с казаци и българи. Те по такъв начин бягат от тиранията на турците»²¹. На помощь валашского воеводы и его союзников, казаков и молдаван, рассчитывали и тырновские повстанцы. Один из активных участников подготовки восстания в Тырново, П. Джорджич, сообщает 5 января 1595 г. князю Трансильвании следующее: «Преминаването, което трябва войската... да извърши отвъд Дунав, за да завладее царство България заедно с казаци и молдавци»²². Удачные боевые действия Михая Храброго дали надежду на освобождение не только болгарскому народу, но и всем народам полуострова. Примерно в это же время вспыхивают восстания в Сербии, Черногории, Герцеговине, Морее, Далмации, Албании, «...които не могат вече да понасят турското робство, изведнъж ще се вдигнат именно българи, сърби, албанци, расци, които са свързани с една и съща религия и които ще отхвълят, турската власт»²³.

За все времена действий Христианской Лиги против осман участвовало около 12 тысяч казаков²⁴.

Следует подчеркнуть, что в течение всей антиосманской кампании казачество выполняло роль сдерживающего фактора. Плацдарм в Нижнем Дунае и Южной Бессарабии использовался как один из основных для проникновения казаков в глубь османской территории. Немаловажной была их роль в сковывании татарских сил на подступах к Дунаю и Балканам. Хотя действия казаков носили ограниченный успех, тем не менее они показали, что всегда в предпринятых операциях в первую очередь ставка делается на поддержку балканских народов – болгар и сербов, которые поддерживали действия казаков (национальный состав насчитывал более 23 этносов, среди которых были и молдаване)²⁵.

Таким образом, южные пределы Молдавского княжества явились своего рода отправной точкой для действия казачества против османов в Балкано-Дунайском регионе, где они всегда могли рассчитывать на помощь православного болгарского народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Русское военно-морское искусство. Под ред. Р. Мордвинова. М., 1951. С. 35.
- ² Там же.
- ³ Сергійчук В.І. Іменем Війська Запорозького: Українське козацтво в міжнародних відносинах XVI – середини XVII століття. Київ, 1991. С. 84.
- ⁴ Історія русів. Київ, 1991. С. 64.
- ⁵ Чтоб вовек едины были. Век XVII в. М., 1987. С. 374-375.
- ⁶ Сергійчук В. Указ. соч. С. 89.
- ⁷ Там же.
- ⁸ Щербак В. Базавлуцька Січ (1593-1638 рр.) // Козацьки Січі. Київ-Запоріжжя, 1998. С. 62.
- ⁹ Історія Української літератури. Т.1. Київ, 1954. С. 60.
- ¹⁰ Цит. по: Драгоманов М.П. Вибране («мій задум зложити очерк історії цивілізації на Україні»). Київ, 1991. С. 193.
- ¹¹ Цит. по: Сергійчук В.І. Указ. соч. С. 81.
- ¹² Новичев А.Д. История Турции. Эпоха феодализма (XI-XVIII вв.). Т.1, Ленинград, 1963. С. 135.
- ¹³ Цит. по: История на България. Т 4. Българският народ под османско владичество (от XV до началото на XVIII в.). София, 1983. С. 183.
- ¹⁴ Цит. по: Мохов Н.А. Дружба ковалась веками. Кишинев, 1980. С. 93.
- ¹⁵ Лепявко С. Козацькі війни кінця XVI ст. в Україні. Чернігів, 1996. С. 113.
- ¹⁶ Мутафчиева В., Тодоров М. Прошлое Болгарии. София, 1970. С. 61.
- ¹⁷ Лепявко С. Указ. соч. С. 125.
- ¹⁸ Цит. по: История на България. Т.4... С. 196.
- ¹⁹ Иречек К.И. История болгар. Одесса, 1878. С. 605.
- ²⁰ Цит.по: Ștefănescu Ș. «Războiul de 15 ani», moment important în relațiile româno-bulgare // Relațiile moldo-bulgare în epoca medie și modernă. Chișinău, 1998. Р.76.
- ²¹ Цит. по: История на България. Т. 4... С. 196.
- ²² Цит. по: Йордан Н. Международното значение на Първото Търновско въстание през 1598 година // България през XV-XIX в. Втори международен конгрес по българистика. София, 23 май-юни 1986. София, 1989. С. 192-193.
- ²³ Цит. по: История на България Т. 4... С. 194.
- ²⁴ Лепявко С. Указ. соч. С. 125.
- ²⁵ Щербак В. Українське козацтво: формування соціального стану. Друга половина XV – середина XVII ст. Київ, 2000. С. 135.

В. СЫРФ

ОТРАЖЕНИЕ РУССКО-ТУРЕЦКОЙ ВОЙНЫ 1877-1878 гг.
В УСТНОМ И ПИСЬМЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ГАГАУЗОВ

Тема сообщения, вынесенная для участия в данной конференции, ранее частично освещалась в публикациях гагаузоведов Л.А. Покровской¹ и С.С. Курогло². Их исследования в основном касались песенного фольклора гагаузов, в котором «нашли своеобразное отражение русско-турецкие войны конца XVIII-XIX вв., освободительная миссия России на Балканах, положение гагаузов, переселившихся в Россию³. Относительно прозаического фольклора гагаузов С.С. Курогло лишь отмечает, что «существует немало преданий, легенд, поверий о помощи России народам региона в их справедливой борьбе против завоевателей»⁴.

Задачей нашей работы было рассмотреть устное и письменное (литературное) творчество гагаузов с целью определения того, насколько глубоко и широко в данных областях духовной культуры народа отразилась русско-турецкая война 1877-1878 гг.

Основным материалом для нашего исследования послужили фольклорные⁵ и литературные тексты⁶, опубликованные на протяжении XX в., а также произведения, хранящиеся в рукописном фонде Отдела гагаузоведения Академии наук Республики Молдова. К анализу привлекались также историко-этнографические источники.

Исследование не претендует на исчерпывающую полноту рассмотрения темы, а является лишь попыткой обобщения и систематизации изученного материала.

* * *

Как известно, в 1872-1874 гг. в России была проведена военная реформа, в результате которой отменили льготу, освобождавшую бессарабских колонистов от воинской повинности. На территории Бессарабии реформа проводилась в соответствии с Законом «О приведении в порядок государственных бессарабских имений, населенных колонистами и государственными поселенцами» от 26 мая 1874 г. Действие Закона началось с 1 января 1875 г.⁷

Война, последовавшая вскоре после этого, была первой, в которой приняли участие гагаузы наряду с другими колонистами в

составе действующей русской армии. Естественно, это событие должно было сохраниться в народной памяти, и оно сохранилось.

В самом раннем и обширном своде гагаузского фольклора, опубликованном русским этнографом В.А. Мошковым, мы находим несколько образцов народной литературы, посвященных интересующей нас теме. В качестве примера приведем здесь отрывок из песни о взятии Плевны:

«Хайди Петербула гиделим
Петербулу алалым
Ичинде – да гирелим
Бирярь кафе да ичелим...
Юзь бинь аскерь гельмадень
Бенъ Плевней вермейджемъ
Юзь бинь аскерь гельди
Плевней алды...»

(Запись и пер. В.А. Мошкова)

Вообще о взятии Плевны сложены песни у русских и болгар, у сербов, молдован и у других народов⁹, в них много сходных мотивов, но, как отмечает Л.А. Покровская, гагаузские варианты песен об осаде и взятии Плевны отличаются социальной направленностью, резко отрицательным отношением к командующим турецких войск Осману-паше¹⁰ и Мухтару-паше¹¹.

Если в одной из турецких песен Осману-паше воздается хвала за победу над славянами (болгарами), то в гагаузской он высмеивается за отступление и сдачу Плевны¹².

Боям на Шипкинском перевале и собственно окончанию войны посвящены песни, обнаруженные нами в книге А.И. Манова «Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави». Например:

«Булгар бизден бойун (бугун) аскер алажак.
Алажак та Шипка балканына юлайражак,
Аарымыздан чок анеер (анне) айлайжак,
Бойун варналыларын башы белалы вар.
Чорбажылар аскерсиниз дедилер.
Варнамызы булгарлара вердилер.
Варналылар аскерлиини йапамаз,
Булгарлара хич та теслим оламаз»¹³.
(«Болгарин наших сегодня возьмет в солдаты.
Возьмет и отправит на Шипкинский перевал,

«Махнем въ Петербургъ
Возьмем Петербургъ
Войдем туда
Выпьем по чашке кофе...
Покуда не придут 100 тысяч
Я Плевны не отдам
Поспели 100000 солдатъ
И Плевну взяли...»⁸.

Вслед за нами долго матери будут плакать,
Сегодня у варненцев беда у изголовья стоит.
Хозяева сказали: «Вы – солдаты!»
Нашу Варну болгарам отдали.
Если бы варненцы службу не сослужили,
Болгарам и вовсе удачи не было бы».

(Перевод – В.С.)

Легенд, преданий или поверий, а также пословиц, поговорок, загадок, связанных с русско-турецкой войной 1877-1878 гг., в устном народном творчестве гагаузов нами обнаружено не было. Указанные выше С.С. Курогло прозаические виды фольклора отражают события предыдущих русско-турецких войн: 1768-1774 гг. и 1806-1812 гг.¹ Полагаем, что следует продолжить поиск данных материалов, так как еще не все фонды нами изучены.

Перейдем к рассмотрению нашей темы применительно к гагаузской художественной литературе, а также к переводам на гагаузский язык с других языков.

Единственным обнаруженным нами литературным произведением на гагаузском языке, в котором освещается участие бесарабских болгар и гагаузов в борьбе за освобождение Болгарии накануне и в ходе русско-турецкой войны 1877-1878 гг., является роман известного гагаузского писателя Д.Н. Танасоглу «Долгий караван» (на гагаузском – «Узун керван»)².

В своем романе Д.Н. Танасоглу описывает следующие события, связанные с войной: формирование болгарского ополчения во главе с генерал-майором Н.Г. Столетовым из числа младших офицеров, выпускников Комратского и Болградского центральных училищ (упоминаются имена Трайчо Николова, Панти Арнаута); строительство Бендера-Галацкой железной дороги через весь Буджак (по согласованию с королем Румынии); воссоединение бесарабских поселений в границах Российской империи.

Совсем немного страниц охватывает повествование об этих событиях, но они насыщены идеями патриотизма, дружбы между народами. В качестве иллюстрации можно привести следующий эпизод романа: «Патриотлар ама биләрдиләр, нечин женк едерләр, бу гүннери чоктан бекләриләр. Ләzymды куртarmaa Буҗаа, бирлештирмää колониялары, лäzymды куртarmaa Балканнары, кардаш халклары, сенселелери. Бунун ичин лäzymды сыйтаа осман бойундрууну, лäzymды енсемää»³ («Но патриоты

знали, за что воюют, этих дней давно ждали. Надо было защищать Буджак, объединять колонии, надо было спасать Балканы, братские народы, родственников. Для всего этого надо было сбросить османское иго, надо было победить»). (Перевод – В.С.)

Литературный перевод небольшого отрывка из книги болгарского писателя Васила Ненова «Задунаевская быль»⁴, посвященной Освободительной войне, на гагаузский язык осуществил Г.А. Гайдаржи⁵. В нем мы встречаем имена воеводы Крыстю Крystева, русского писателя и журналиста И.С. Аксакова, болгарских поэтов-революционеров Хр. Ботева, Л. Каравелова и др. Они вели подготовку к началу боевых действий за освобождение Болгарии. В предисловии к своему переводу Г.А. Гайдаржи отмечает, что в отрядах болгарского ополчения участвовали и молдаване, и гагаузы⁶. Об этом же писал в романе и Д.Н. Танасоглу⁷.

Итак, рассмотрев устное и письменное творчество гагаузов, мы определили, что русско-турецкая война 1877-1878 гг. нашла в них отражение в небольшом объеме, ограничившись песенным фольклором и эпизодом из романа Д.Н. Танасоглу «Долгий караван». Однако за пределами нашего исследования остались фольклор и литература гагаузов, проживающих как в Болгарии, Греции, Румынии, так и в Украине, России и Казахстане. В качестве примера можем привести издание в 1878 г. на греческом языке поэмы Д.К. Крахтоглу «Черкесская резня в городке Каварна и в окружающих его греческих селах», посвященной героическому восстанию гагаузов во главе с Андреем Димитровым, по прозвищу Амир, против султанских поработителей⁸. Все это представляет несомненный интерес и требует дальнейшего изучения.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Покровская Л.А. Народные песни гагаузов Молдавии и Украины // *Actes du Premier congrès international des études balkaniques et sud-est européennes*. Sofia, 1971. Vol. VII. P. 731-744.

² Курогло С.С. Использование гагаузского народного творчества на уроках истории // Унеле проблеме привинд предаря историей ын школа медие. Кишинэу, 1969. П. 173-188; *Он же*. Отражение освободительной миссии России на Балканах в гагаузском фольклоре // Россия и Юго-Восточная Европа. Кишинев, 1984. С. 155-159.

³ Курогло С.С. Отражение освободительной миссии... С. 155.

⁴ Там же. С. 158.

⁵ Мошков В.А. Наречия бессарабских гагаузов // Образцы народной литературы тюркских племен, изд. В. Радловым. СПб., 1904. Ч. X.; Ма-

нов А.И. Потеклото на гагаузите и техните обичаи и нрави. Варна, 1938. С. 163-170; Буджактан сеслэр. Литература йазылары. Хазырл. Д. Танасоглу. Кишинев, 1959; Гагауз фольклору. Собир. и сост. Н.И. Бабоглу. Кишинев, 1969; Покровская Л., Чернышева М. Народные песни гагаузов. М., 1989.

⁶ Танасоглу Д. Узун керван. Кишинев, 1985.

⁷ См.: Топузлу Г.Н., Анцупов И.А. Очерки истории гагаузов в XIX веке. Кишинев, 1993. С. 113-115.

⁸ Мошков В.А. Указ. соч. С. XXXI.

⁹ См. напр.: Путилов Б.Н. Героический эпос черногорцев. Л., 1982; Гапак В.М. Фольклор и молдавско-русско-украинские исторические связи. М., 1975; Дружба народов, отраженная в фольклоре. Кишинев, 1961.

¹⁰ Гагауз фольклору. Указ. соч. С. 19.

¹¹ Покровская Л., Чернышева М. Указ. соч. С. 42-44.

¹² См.: Покровская Л.А. Указ. соч. С. 737.

¹³ Манов А.И. Указ. соч. С. 169.

¹⁴ См.: Курогло С.С. Использование гагаузского народного творчества на уроках истории // Унеле проблеме привинд предаря историей ын школа медие. Кишинэу, 1969. П. 182-183.

¹⁵ Танасоглу Д.Н. Указ. соч.

¹⁶ Там же. С. 327.

¹⁷ Ненов В. Задунаевская быль. Кишинев, 1985

¹⁸ Гагауз дили. Ууренмак кийяды секизинжи класс ичин. Хазырл. Г.А. Гайдаржи, Е.К. Колца. Кишинев, 1987. С. 149-154

¹⁹ Там же. С. 149.

²⁰ Танасоглу Д.Н. Указ. соч. С. 323, 327.

²¹ См.: Манов А.И. Указ. соч. С. 165; Мошков В.А. Гагаузы Бендерского уезда // Этнографическое обозрение. 1900, № I. С. 3.

Е. РАЦЕЕВА
ИВАН ВАЗОВ ЗА «ВЪТРЕШНАТА ДУША»
НА ИСТОРИЯТА
(върху «Опълченците на Шипка»)

Древните казвали, че историята става История само след като я изпее певецът. Има доста народни песни, а и авторски творби по темата за Руско-турската освободителна война, в това число и за победата на Шипка. Отбелязвайки 125-годишнината от Освобождението на България, естественно е днес пак да искаме да се вслушаме в думите на Песента. Но защо ли първата ни мисъл е да се обърнем с тази цел именно към творчеството на Иван Вазов? Нали има и други песни, има и други певци, и те никак не са лоши... Сигурно е имал право «патриархът», когато без излишна скромност твърдо е изрекъл: «А мойте песни все ще се четат...»

Вазовият поетически летопис се чете и се препрочита, защото той носи в себе си живото изльчване на времето. И затова търсим българското осмисляне на Събитието именно у Вазов, защото не само искаме да изреждаме юбилейни славословия в чест на героите и техните подвizi, но и да надникнем в далечното минало и да почувствуем същностно, както е казал Бердяев, «тайните пружини на историческия живот, неговия вътрешен смисъл, вътрешната душа на историята», да оствързаем какъв е контекстът на Шипченската битка в текста на българското съзнание; да разберем що е Освобождението и що е победата на Шипка за българите от тези, които са преживели събитието; защото искаме освен превъзходната степен на оценките, да почувствуем и това, какви са отправните точки, каква е българската скала на оценките. И точно знаем, че именно «Епopeя на забравените» е същата Песен, която крие ключа, кода за разбиране, защото в този цикъл, често пренебрегвайки хронологическия принцип, поетът никога не отстъпва от «народопсихологическата същност на българското мислене». Вазов споделя пред д-р Иван Шишманов: «Опълченците на Шипка» е едно от най-силните мои стихотворения. Нямам какво друго да кажа». Отбелязана е точната дата на създаването на одата – 6 ноември 1883 година. Известно е, че точно това е и денят, в който започва въплъщаването на идеята да се създаде паметник на загиналите опълченци на връх Шипка.

В творбата поетът не представя хрониката, не описва последователно баталистичните сцени, той съредоточава вниманието

си само върху най-важния ден от защитата на върха – 11 август 1877 година. Съществува мнение, че летописецът на епохата Иван Вазов предпочита в тази творба поетическото въздействие и външние на творбата пред хрониката, защото, «до 1883 година няма достатъчно литература, която поетът да ползува, за да се осведоми за историческите събития, затова разчита основно на разговорите с опълченци. В техните спомени вероятно действителното и легендарното се смесват»¹. Възможно е. Но има ли смисъл да се питаме дали Вазов щеше да е по-детайлен, ако имаше на разположение подробна обективна информация за битката? Не съм сигурна. Споделям гледната точка, че самата ода «Опълченците на Шипка» е текст, който легендаризира и митологизира факта; че това е текст, който е стъпил здраво на реален исторически факт, но го разкрива само през оптиката на българската гледна точка. «Без да разрушава логиката на историческата фактология, но и без да я следва сляпо, той съгражда легендата за българския национален дух»².

Очевидно Вазовото възприятие на историята се проява като хроника и екзистенция, летопис и творчество единовременно³. От една страна, Иван Вазов, разсъждавайки за начина на отражението на историческите факти в своето творчество, признава, че иска да бъде «dokumente, доколкото ми е възможно», а, от друга страна, той остро реагира на мисълта на Шишманов, че художникът няма право да дава на средновековни личности модерни чувства и понятия за нещата, и нарича строгия учен «разбивач на легенди». Тоест самият Вазов единозначно предпочита пред строго обективния реалистично документиран тип отношение поетически подход към факта, трансформиращ хрониката в легенда и мит. Според Вазов социалната мисия на поета е «не да илюстрира събитията, не те са цел на творческите му устреми, а духовните уроци, които изтеклото историческо време съхранява, за да преподава родовата памет «от урва на урва, от век на век.», защото литературните митове, въплътили в себе си съдбовни мигове и стойности на националния Дух, имат чудодействена сила на откровение от най-висше естество»⁴.

За какви духовни уроци може да се говори в «Опълченците на Шипка», какви свидетелства за «вътрешина душа» на българската история откриваме в одата? Това са уроците на героичната саможертва, на пълното самотричане от личностното в името на народното, това са уроците на волевата и духовна устойчивост

на българите. И, освен всичко, одата съдържа един от изключителните духовни уроци – урок по осмисляне на българското право за национално достойнство, защото крие свидетелство за национално самочувствие, измъчено с векове робство, с векове «позор», който, според родовата памет, се измивал само със слава. Последният урок е сякаш от най-трудните, особено за Другия (нека не говорим за Чуждия). Защото, за да «чуе Вазовата песен за събитието», той трябва да разбере много неща: например, защо одата, посветена на героическото сражение, започва не с възхвала, а със съмнение и самобичуване? Ако това е свързано с болката от «присмехи обидни», значи, съществува и задачата хулите да се развенчаят? В такъв случай защо се повтаря осем пъти НЕКА?... Да не би авторът да е съгласен с тези твърдения? Тогава какво отношение има всичко това към опълченците на Шипка?... Това са съвсем нормални въпроси за един човек, българин или не, който без предварителна подготовка е прочел внимателно одата «Опълченците на Шипка» и е поискал да вникне в нея, особено ако този човек е от началото на ХХI век и не живее в България.

Но да послушаме песента от самото ѝ начало:

Нека носим йоще срама по челото,
синила от бича, следи от теглото;
нека спомен люти от дни на позор
да висне кат облак в наший кръгозор;
нека ни отрича историйта, века,
нека е трагично името ни; нека
Беласица стара и новий Батак
в миналото наше фърлят своя мрак;
нека да ни сочат с присмехи обидни
счупенте окови и дирите стидни
о врата ни още от хомота стар;
нека таз свобода да ни бъде дар!
Нека...

Началото на одата издава душевната болка на поета от хулиите към българския народ, че бил с робска психика, лишен от достойнство и героично чувство, поради което не е можел да извоюва сам свободата си, а я получил като дар.

Чрез анафората НЕКА поетът изрежда онези начала, които са повод и основание за присмехи обидни: *синила от бича, следи от теглото; дни на позор; Беласица стара и новий Батак; счупенте окови и дирите стидни по врата ни още от хомота стар.*

Само след като се изреждат всички възможни поводи за срам в българската история, само тогава в одата зазвучава темата за ВЪРХА, аргумента, който изкупва всички поражения в миналото и който «смива срамът, и на клеветата строшава зъбът».

Ако четем внимателно, в поетичното изреждане наистина се открояват две представи за робската същност и робското минало на българина: на хулителите и на поета. Различават ли се те или се допълват? Уви, те се допълват! Неколократното повтаряне на НЕКА е своеобразно признаване на «позора». Трагичните мигове от българската история – ослепяването на Самуиловите войници при Беласица и клането по време на Априлското въстание в Батак – Вазов еднозначно приема като «позор», те «из миналото наше фърлят своя мрак». Важно е да се разбере, че това е не само поетична условност, художествен похват. По такъв начин не само лирическият говорител, но и самият автор лично реагира на българските поражения в миналото – емоционално и болезнено. Особено ярко се потвърждава това по време на Пловдивското изложение през 1892 година чрез картините на Пиоторовски «Клането и пожарът на Батак» и на Холарек «Ослепената Самуилова войска». Вазов ги възприема като национално осърдяващо чувство, а само «бездодно настръхване, инстинкти за мяст и омраза, за сляпо национално озлобление». «Не стига ли – възклика Вазов, – дето сме нещастни да го имаме в историята си (гърците се гордеят с него!), ами още да го гледаме с любов, възпроизвеждан от изкуството»⁵. На мястото на картината на Холарек трябва, според Вазов, да се «красуват ред картини от българското величие и слава – каквите и да са били те». Такова поведение на Иван Вазов е продуктувано не само от засегнатото патриотично чувство на поета, но и от неговите представи за целите на изкуството, което според него трябва да въздейства облагородяващо върху човека. Историческите творби според него трябва да формират национална гордост у българина.

Но да се върнем към текста на одата. Българската история е видяна от поета като мрак, в който свети единствено дивият, чутовен връх «Шипка». Цялата сила на вдъхновението си Вазов насочва към възвеличаването на подвига на опълченците:

Но ний знаем, че в нашто недавно
свети нещо ново, има нещо славно,
що гордо разтупва нашите гърди

и в нас чувства силни, големи плоди;
защото там нейде на връх планината,
що небето синьо крепи с рамената,
издига се някой див, чутовен връх,
покрит с бели кости и със кървав мъх
на безсмъртен подвиг паметник огромен;
защото в Балкана има един спомен,
има едно име, що вечно живей
и в нашта история кат легенда грей,
едно име ново, голямо антично,
като Термопили славно, безгранично,
що отговор дава и смива срамът,
и на клеветата строшава зъбът.

Характерно е, че той сравнява Шипченската епopeя не с примери на славните победи от родната история (нали има и такива?!), а търси аналогии във всемирната история и равнопоставя поведението на опълченците в решаващия момент от българската съдба с подвига на спартанците при Термопилите:

Така одата «Опълченците на Шипка» оформя опозицията: безславно далечно минало – обезсмъртен от подвига на опълченците връх, който «смива срамът» и «на клеветата строшава зъбът». Като че ли именно това е контекстът, в който победата на Шипка засиява много по-силно, отколкото само една макар и блестяща военна победа с много жертви и с решаващо значение за резултата от поредната руско-турска война. Шипка придобива символно значение, необходимо за българското съзнание: тя става своеобразен знак за преодоляване на националния комплекс и самоутвърждаване, реализация на една дълбока убеденост, която се формулира многократно в историческите документи⁶, в художественните⁷ и в мемоарните текстове. Но нека се върнем към одата «Опълченците на Шипка»:

«Три дена младите дружини
как прохода бранят. Горските долини
трепетно повтарят на боя ревът.
Пристъпи ужасни! Дванайсетий път
гъсти орди лазят по урвата дива
и тела я стелят, и кръв я залива.
Бури подир бури! Рояк след рояк!

Потресаваща е картина на битката: турците «идат като тигри, бягат като овци и пак се завръщат; българи, орловци кат лъвове тичат по страшний редут, не сещат ни жега, ни жажда, ни труд...»

Представите за роб и господар се обръщат: свикналите да бъдат «тигри», стават «овци», а с векове приучаваните към хомота на робството в този екзистенциален момент се превръщат в «льове». Опълченците са горе – на върха, а отдолу «Сулейман безумни сочи върха пак и вика: «Тамо са рапите!». Дори и само с това изречение, в което всяка една дума е ключова (особено думата *нак*) поетът постига външение за отчаяната безпомощност на вбесения господар и за величието на роба, поискал свободата и станал неудържим в устрема си: «патроните липсват, но волите траят, щикът се пречупва – гърдите остават... Щурмът е отчаян, отпорът е лют». Дали някоя хроника може да кодира станалото по същия начин, както Вазовото слово, и в същия дух да възроди представа за станалото у тези, които живет 125 години след Събитието??

Поетът не открява отделни личности, той пише за опълченците във множествено число, пише за «младите дружини», в които «всяк гледа само да бъде напред». Каква е силата, която ги крепи? Поетът изрича първо мотивите с патетичния тон на руския генерал Столетов. Звуци императивът във 2 лице множественно число:

«Млади опълченци,
венчайте България с лаврови венци!
На вашата сила царят повери
прохода, войната и себе дори! »
и почти веднага отзува рефлексията на българите-опълченци:

«България цяла сега нази гледа,
тоя връх висок е: тя ще ни съзре,
ако би бегали: да мрем по-добре! »

Тези две мотивации в одата на Вазов хем взаимно се допълват, хем се противопоставят. По «вътрешната душа». Не царят и не лаврови венци са абсолютната мотивация на опълченците. Те разбират своята отговорност пред България цяла, и по български конкретно и категорично оценяват възможните варианти: «ако би бегали: да мрем по-добре!» Звуци не така патетично, но пък затова толкова живо и убедително.

Най-ярко в одата се маркира моментът от битката, когато императивно звуци невъзможното: «Грабайте телата!» Специално за българската душевност, известна с култ към мъртвото тяло, и за българското възприятие на света подобно отношение е кощунствено, но във Вазовия български мит тълкуването отзува много убедително и самото нарушение на ритуала сякаш се сакрализира в този

изключителен момент от българската съдба, когато всичко е подчинено на «сладката радост до крак да измрът пред цяла вселена, на този славен рът», когато ценността на българския живот тук, на върха, е най-вече е в способността да се противостои на врага:

И турците тръпнат, друг път не видели
ведно да се бият живи и умрели...

Действието става символ на безпримерно единение на вече загиналите и все още живите, това действие става пример на нещо свръхсилно, което поне за малко дава предимство на опълченците, когато «боят се обръща на смърт и на щик»:

Няма веч оръжье! Има хекатомба!
Всяко дърво меч е, всякой камък – бомба,
всяко нещо – удар, всяка душа – плам.

Иван Вазов разказва една история от Руско-турската освободителна война. Това е разказ, в който има и «Столетов, нашия генерал», и Радецки, и руския цар, но в одата всичко това е фон, на който се разгръща епопеята на българската воля, сега и тук, на Балканския връх, определяща е равносметката с мрака на миналото, изпълнено с позора на пораженията. Това е «вътрешната страна» на историята.

Всяко препочитане на одата «Опълченците на Шипка» ни кара за пореден път да казваме вече станалите банални думи за тогава, че Иван Вазов, пресъздавайки историята, запазва за поколенията художествената правда за една епоха на утвърждаване на народностния дух, на величие и безпримерен героизъм и, оставайки верен на историческата достоверност, показва и възвхавлява българския народ като носител на непреклонната воля да извоюва своята свобода. А за да илюстрирам Вазовите митове за онова най-българско време, за най-българската мечта и най-българския устрем, бих искала в края на своето съобщение да спомена в определена последователност и без коментар няколко свидетелства за типове поведение и отношение към съдбата на българите в самия край на робството⁸:

Данаил Юруков пише в спомените си:

«Тъща ми имаше чично на име дядо Захари, старец на 80 години... Той ме срещна на двора и ме попита плахо: «Данаиле, вярно ли е, че Московецът ще обяви война на агарянците?»

– Да – отговорих му – вярно е.

Той свали феса с лявата ръка, прекръсти се с дясната и започна да се моли: «Боже, помогни им да ни отърват от тия агарянци

и не ми вземай душата, дордете не видя русите...»

Из спомените на руския генерал Паренсов:

«Българите, до немай-къде интересуващи се за бъдещето, често се осведомяваха колко са нашите войски в Бесарабия и възможно ли е да са 120 хиляди, както пишат вестниците. При това винаги молеха да предам (като че аз мога да направя нещо) да се увеличи числото на войските, прибавяйки, че «храна всяка ква ще дадем и ще доставяме след преминаването на Дунава, за да бъдат като у дома си.»

Из донесението на руския консул в Русе Кожевников до Щаба на Дунавската армия:

«... В случай на настъпление на нашите войски в България в селата и градовете ще бъдат пригответи по един, по двама души, които добре познават местността и пътищата и ще могат да служат като добри водачи...»

Василий Немирович-Даниченко⁹ «За Петко Славейков»:

«... Оказа се, че той предприемчив човек организирал конна чета, с нея тръгнал през Калофер да удари в гръб турците; няколко пъти се промъркал през предните им постове, веднъж влязъл в бой... Подир няколко дни видях Славейков в огъня на ожесточено клане на подстъпите към Лисичи връх. Той замина за там не да се бие, а да спасява нашите ранени; ... Но в целия си блъск действа на Славейков се прояви по време на нашето преминаване през Балкана – декември 1877 година. Тук той сам работеше за сто души... Той доставяше сведения за разположението на турските отряди отвъд Балкана. Организираше цели чети, които се прехвърляха отвъд и оглеждаха турските позиции. По целия път на Скобелевия отряд през прохода отстраниваше различни затруднения по снабдяването на почти две и половина дивизии с всичко необходимо. Подготвяше предварително товарени коне в Габрово, намираще водачи през прохода, и сметна работата си окончателно завършена едва когато ние преминахме Стара планина и турците бяха разбити край Шейново... Всички тези дни прекарал сред димящи от пожари развалини, които преди малко са били щастливи български села и градове. Навред по пътя се натъквал на труповете на заклани жени и деца, а в селата – на обесените им бащи и братя... Сълзи пълниха очите на Славейков, докато разказваше това...»

– Великото дело не се постига без велики жертви. Само онзи народ може да оцени скъпо своята свобода и да я отстои, за който скъпо е заплатил! – казваше той по един повод, той, който лично

бе загубил всичко»¹⁰ И това не беше маска...

Илюстрациите, подобни на посочените тук, са безбройни – и исторически, и мемоарни, и художествени, защото всички те са взети от живота на българите, пресъздаден художествено в творчеството на Вазов, който е успял много точно да формулира за себе си: «аз не можех да остана хладен, аз се радвах, аз плаках, аз трептях с душата на целия народ. И всичко това изразих в моята песен».

Така историите са ставали История. Така се е запазвала за поколенията «вътрешната душа на историята».

БЕЛЕЖКИ

¹ Радев В. Книга за учителя по литература. 7 клас. София, 1996. С. 56.

² Михайлов Д. Иван Вазов. Епopeя на забравените. История и митотворчество // Класически творби в българската литература. Анализи. Велико Търново, 2002. С. 25.

³ Велкова А. Митотворчество в разказите на Иван Вазов // Критически текстове за Христо Ботев и Иван Вазов. Велико Търново, 1997. С. 211-212.

⁴ Пак там.

⁵ Радев В. Книга за учителя по литература... С. 56.

⁶ Възванието на БЦБО към българския народ за присъединяване към руската армия и за активно участие в борбата за освобождение на родината от 12 април 1877 година, Букурец: Братья, Народ, който се бори и пролива кръв за своята свобода и независимост, рано или късно ще възтържествува. Без жертви няма свобода! // Биография на дружбата Историко-литературен алманах. София, 1984.

⁷ Вазов И. «Немили-недраги», думите от речта на Странджата: «Додето имаме ръце и крака, и кръв в жилите си, и огън в сърцата си, нашето отечество все има нужда от нас. Ако не днес, то утре ще удари пак часът. Ние трябва пак да сме готови – аз със старите си кости пак ще взема байряка, бари още един път да го издигна в Балкана, па тогава да умра. Можем още дълго време да страдаме, може още много да чакаме, да гнием и да умираме по влашките полета, но няма нищо. Народ без жертви не е народ» // Вазов И. Под игото: Народ, нетърпелив да понесе кръста си на Голгота.

⁸ Биография на дружбата. Историко-литературен алманах. София, 1984.

⁹ Немирович-Данченко В.И. После войны, СПб., 1880. С. 299-313.

¹⁰ През 1877 година при страшния пожар в Стара Загора до основи е изгорял не само домът на Петко Славейков, но и това, което е било цел ран ден след ден в продължение на двадесет и пет години.

И. ГРЕК БОЛГАРИЯ И БОЛГАРЫ МОЛДОВЫ И УКРАИНЫ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ НА РУБЕЖЕ XX И XXI СТОЛЕТИЙ

1. Болгарский этнос и государственность болгар VII-XIV вв. – объективные общественно-политические продукты множества причинно-следственных факторов (географических, миграционных, экономических, культурно-религиозных). Одним из главных является геополитический. Болгария в раннем средневековье активно участвовала в формировании новой геополитической структуры на Балканах и в прилегающем к полуострову регионе Юго-Восточной Европы, временами доминировала, определяла и управляла геополитическими процессами, особенно в конце IX-X вв. Однако, период подъема сменился упадком, и болгарская государственность испытала на себе всю разрушительную мощь внешнеполитических потрясений в конце X – начале XI вв., имевших продолжение вплоть до конца XIV столетия. Исчезновение с политической карты Балкан Первого и Второго Болгарских царств, при всей значимости внутриполитических процессов, решающим образом было обусловлено внешнеполитическими причинами. Утрата политического суверенитета Болгарии в результате ее завоевания сначала Византией, а затем и турками-сельджуками привела к ослаблению этнической мобильности болгарского этноса, которое сопровождалось его дроблением, насилиственной ассимиляцией и эмиграцией болгар на сопредельные территории.
2. Эмиграция болгар в северно-причерноморский регион после падения Второго Болгарского царства в 1396 г. была вызвана военно-политическими, экономическими, этническими причинами, культурно-религиозной экспансией Османской империи, а также неудачами в национально-освободительной борьбе болгарского народа в XV-XIX вв. Вместе с тем следует подчеркнуть, что массовая эмиграция населения из болгарских земель на сопредельные территории, в том числе и в Буджак, была почти всегда побочным результатом геополитической борьбы между

великими европейскими силами за Балканский полуостров, за передел сфер влияния в бассейнах Черного и Средиземного морей, осуществляемый по итогам многочисленных войн европейских государств с Османской империей, включая и русско-турецкие XVIII – половины XIX вв. Формирование компактной болгарской диаспоры на территории, включаемой в пределы Российской империи по итогам русско-турецкого противоборства, сопровождавшего освободительным движением болгарского народа против османского порабощения, особенно ярко проявилось в период между русско-турецкой войной 1768-1774 гг. и Крымской войной 1853-1856 гг. Диаспора явилась следствием массовых переселений, особенно имевших место в 1806-1812, 1828-1830 гг., которые обладали всеми признаками, характерными для политической эмиграции, несмотря на то, что они поощрялись Санкт-Петербургом и соответствовали его geopolитическим интересам. И хотя массовый исход болгар за пределы болгарских земель спасал их от геноцида и физического истребления, сама по себе столь масштабная политическая эмиграция отрицательно сказывалась на генофонде болгарского этноса, ослабляя его национально-освободительный потенциал в исторических границах проживания, а также возможности этнического выживания и самоорганизации в этнокультурном, религиозном и этноцерковном (национально-церковном) процессах в рамках традиций и духовной специфики болгарского народа. Негативные демографические процессы в болгарских землях, вызываемые geopolитическим противостоянием на Балканах, имели тяжелые последствия для болгарской этнонации в целом, так как отрицательно влияли на ее мобилизацию, задерживая и замедляя сам процесс завершения ее становления и завоевания ею политической независимости. Вместе с тем болгарская диасpora в Сербии, Дунайских княжествах, на юге Российской империи, вобравшая в себя наиболее общественно активную часть болгарского народа, не пошла по пути забвения своих этнических корней, этнокультурной идентичности и политических устремлений соотечественников в болгарских землях. Став жертвой геополитического передела сфер влияния на Балканах и

обрекая себя на вечную борьбу за сохранение своей идентичности за пределами исторической родины и в иноэтническом окружении, зачастую агрессивно-ассимиляционно настроенном, болгарская диаспора в указанных странах внесла неоценимый вклад в национальное возрождение болгарского народа, в завоевание им политической независимости и в создание третьего болгарского государства.

3. Болгарская диаспора на юге России (бессарабские, одесские, крымские и приазовские болгары), систематически, на протяжении двух веков, испытывала на себе негативное воздействие geopolитического фактора в Юго-Восточной Европе, включая Балканы. Оно отличалось разнообразием форм проявления и так или иначе отражалось на взаимоотношениях диаспоры и с исторической родиной и со страной проживания. В его основе лежали противоречия России с ведущими европейскими государствами за влияние на Балканах, с Румынией, несовпадение внешнеполитических интересов Болгарии с geopolитическими интересами России либо Запада, а также экспансионизм Румынии по отношению к Болгарии (Добруджа) и Бессарабии в первой половине XX в. Наиболее наглядно эти противоречия проявились и существенно отразились на судьбе бессарабских болгар после Крымской войны (1856-1878 гг.), в период обострения отношений между Болгарией и Россией (80-е – первая половина 90-х гг. XIX в.), в годы двух мировых войн, в межвоенный период (1918-1940 гг.) и в послевоенное время. Например, противоречия России с Англией, Францией, Австро-Венгрией в середине XIX в. привели к поражению России в Крымской войне, следствием которого стала передача Молдавскому княжеству части Южной Бессарабии, где были расположены 40 из 83 колоний Бессарабского болгарского водворения. Из них в начале 60-х гг. XIX в. в ответ на притеснения румынских властей около 20 тыс. болгар бежали в Приазовье, где основали более 30 сел. Осложнение отношений между Россией (СССР) и Болгарией приводило к усилению ассимиляционной политики России по отношению к проживающим на ее территории болгарам, что в свою очередь вызывало отток

интеллигентской прослойки из империи на историческую родину. В годы первой мировой войны Россия установила полицейский надзор за бессарабскими болгарами и в 1914-1917 гг. высыпала наиболее подозрительных из них вглубь страны. А в годы второй мировой войны советские болгары испытывали на себе политическое недоверие, выразившееся в том, что их не брали в армию и не отправляли на фронт. Что касается крымских болгар, то они были репрессированы в 1944 г. и перестали существовать как болгарская диаспора. Та же участь постигла и тех приазовских болгар, которые в 1943 г. выехали на историческую родину: в 1945 г. они были интернированы в Таджикистан. Противоречия между Болгарией и Румынией не затрагивали напрямую бессарабских болгар. Однако недружественные межгосударственные отношения между ними из-за Южной Добруджи с 1913 г. вплоть до 1940 г. не давали Болгарии возможности взять бессарабских болгар под свою политическую и этнокультурную защиту. Выступление болгарской общественности против ассимиляционной политики королевской Румынии по отношению к болгарам в Бессарабии не находили, как правило, продолжения в политике официальной Софии. После 1945 г. геополитическая ситуация в Юго-Восточной Европе сложилась таким образом, что СССР, Болгария и Румыния входили в один военно-политический и идеологический блок. Казалось, в условиях отсутствия межгосударственных противоречий геополитический фактор перестанет негативно влиять на судьбу бывших бессарабских болгар и «советских болгар» в целом. Параodoxальность ситуации состоит как раз в том, что именно в послевоенный период истории болгары Молдовы и Украины подверглись наибольшему ассимиляционному давлению, а в их этнокультурной судьбе историческая родина приняла наименьшее позитивное участие, даже по сравнению с межвоенными годами. Чем объяснить тот факт, что руководство БКП не признавало «советских болгар» этническими болгарами? Как мне представляется, сложные, временами враждебные отношения между Россией (СССР) и Болгарией на предыдущих этапах истории продолжали оказывать отрицательное воздействие

на формирование политики нового руководства Болгарии по отношению к соплеменникам в Советском Союзе. Факты недоверия, массовых репрессий крымских и приазовских болгар, а также раскулачивание бессарабских болгар в 1940-1941 и 1949 гг. вынуждало руководство НРБ еще до Тодора Живкова опасаться того, чтобы политика КПСС по отношению к советским болгарам не «срикшетила» на саму Болгию. В то же время на уровне простых людей, интеллигентской прослойки болгар диаспоры и метрополии в середине 50-х гг. XX в начали устанавливаться контакты, которые расширились в 60-е гг., а в 70-80-е гг. стали перерастать в сотрудничество деятелей науки и культуры. Инициатива, как видно, шла снизу.

4. В конце 80-х – начале 90-х гг. ХХ в. «советские болгары» очутились в совершенно новой geopolитической ситуации, в корне изменившей их этническое, этнополитическое и этнокультурное положение на постсоветском пространстве, с одной стороны, и отношение к ним со стороны исторической родины – с другой. На судьбу болгар бывшего СССР оказывают влияние два противоположных процесса, обусловленных геостратегическими изменениями объективного характера в Юго-Восточной Европе. **Первый процесс** вызван распадом СССР. Он повлек за собой распад прежде единой советской болгарской diáspory на множество этнических компонентов в составе вновь образовавшихся суверенных государств. Из одной diáспоры образовалось несколько. Некоторые из них уже исчезли (болгары в Таджикистане), либо растворяются в ближайшие два-три десятилетия (болгары в РФ и Казахстане). Они утратили саморегулирующую этническую и этнокультурную силу и не выдержат ассимиляционного удара. Связи между этим множеством болгарских этнических образований либо полностью прекращены, либо затухают, как это имеет место между болгарскими diáспорами Молдовы и Украины. Положение в последних двух болгарских diáспорах тоже достаточно сложное и противоречивое. Если говорить о болгарах Украины, то можно констатировать, что за прошедшее десятилетие не удалось реанимировать этническую группу крымских болгар, а тем более восстановить прежнюю терри-

ториальную компактность ее проживания; не произошло существенного улучшения положения среди приазовских болгар, если иметь в виду восстановление прежней численности популяции и ее самосознания; такие же затухающие этнические и этнокультурные процессы происходят среди болгарских поселений вокруг Одессы; несколько лучше положение болгар, проживающих в юго-западных районах Одесской области и составлявших до 1940 г. часть бессарабских болгар, но и здесь национально-культурные процессы протекают в замедленном темпе и сокращается численность сельского болгарского населения. Среди болгар Молдовы более явственно проявляется этническая мобильность по причине существующей угрозы их идентичности и национально-культурной специфике со стороны румыноунионистских сил в РМ. Однако необходимо учитывать такой объективный фактор, как дисперсность проживания 65 процентов болгар Молдовы (в Приднестровье, Кишиневе, Гагаузии, а также в Леовском, Кахульском, Чимишлийском, Бессарабском, Кантемирском, Кэушанском и других районах страны) либо в отдельных болгарских селах, находящихся в иноязычном окружении, либо в населенных пунктах с этнически смешанным составом жителей. В отличие от болгар Тараклийского района они в большей степени уязвимы с точки зрения возможностей сохранения своей идентичности в новых условиях. В целом же в болгарской диаспоре как Молдовы, так и Украины зримо работает процесс обезлюдения болгарских населенных пунктов (уход из них молодежи, сокращение числа жителей по причине падения рождаемости и роста смертности, и как следствие – явные следы их запустения), который при его продолжении в ближайшие 10 лет станет необратимым и приведет к вымиранию этих крупных болгарских диаспор. Следовательно, для болгарской диаспоры на постсоветском пространстве очевидны отрицательные последствия геополитических изменений в Юго-Восточной Европе, поскольку ослаблены возможности для ее этнического воспроизводства, а также снижен иммунитет сопротивления ассимиляционному воздействию со стороны мажоритарных этносов на этом пространстве. Второй процесс, так-

же обусловленный распадом СССР, связан с радикальным реформированием политической системы и демократизацией гражданского общества в Болгарии и изменением, впервые в истории третьего болгарского государства, собственной политики ее руководства по отношению к болгарской диаспоре на постсоветском пространстве. Завершилась 100-летняя трагическая эпоха удаления и отдаления метрополии от болгарской диаспоры в России (СССР), для которой был характерен этнический и этнокультурный разрыв между болгарским этносом и его диаспорной частью. Новая эпоха во взаимоотношениях метрополии с болгарской диаспорой на постсоветском пространстве, включая болгар Молдовы и Украины, характеризуется этническим, этнополитическим, этнокультурным сближением и элементами экономического. Заинтересованность в этом проявляют обе стороны, что дает основания надеяться на продолжительность этого периода во времени и пространстве и на достижение существенных качественных результатов.

5. В условиях все еще не завершенного процесса передела сфер влияния в Юго-Восточной Европе болгарам в метрополии, Молдове, Украине важно определить приоритеты многосторонних отношений между собой и очередность их реализации в XXI в. Это можно сделать, если четко сформулировать идею, объединяющую этнических болгар в метрополии с болгарскими диаспорами Республики Молдова и Украины (речь идет прежде всего о болгарах юга Молдовы и юго-западных районов Одесской области, то есть об обосновавшихся в XVIII – XIX вв. болгарских переселенцах на территории, известной как Буджак, Бессарабия, Южная Бессарабия), учитывающую существующие границы и культурно-языковую политику северных соседей Болгарии (Румынии, Украины, Республики Молдова) и вписывающуюся в международные и европейские стандарты по правам национальных меньшинств. Такая идея имеет под собой историко-политическое обоснование и аргументацию и является вполне реализуемой в рамках нынешних геополитических реалий и региональных процессов в Юго-Восточной Европе, обуславливающих и внутриполитические процессы в

указанных государствах. Альтернативная идея – ассимиляция болгар Молдовы и Украины и их исчезновение с этнографической карты этих суверенных стран, что приводит в конце концов к утрате Болгарией там этнического и этнокультурного компонента присутствия и влияния. Нельзя исключать, что такая утрата этнической и этнокультурной ниши в историческом Буджаке приведет к ослаблению этнологического иммунитета болгарской этнонации и пересмотру модели ее государственности в XXI в.

6. Сказанное обуславливает необходимость разработки стратегической программы развития сотрудничества между Болгарией и болгарскими диаспорами Республики Молдова и Украины, которая бы включала: а) непрерывное и многоплановое их взаимодействие с целью этнической мобилизации болгарской нации в целом и болгарского зарубежья в Молдове и Украине в частности; б) этнокультурную интеграцию болгар Молдовы и Украины в современную культуру болгар метрополии; в) экономические связи Болгарии с диаспорами в Молдове и Украине с целью расширения экономического присутствия Болгарии в регионах компактного проживания этнических болгар в этих странах и создания экономической базы под их национально-культурное развитие. Инициатива должна исходить от метрополий, а к разработке такой программы может быть привлечен интеллектуальный потенциал из диаспор. Это могло бы стать началом нового этапа взаимодействия между этническими болгарами метрополии и диаспоры.
7. Если говорить более конкретно о такой программе, то, как представляется, в ее реализации должны быть задействованы государственные структуры, неправительственные организации и отдельные общественно значимые индивиды из научной, культурной и финансово-экономической среды Болгарии и диаспор. В ней прежде всего должно присутствовать: а) национально-информационное представление о духовных, политических и экономических процессах, происходящих в Болгарии и в болгарских диаспорах Молдовы и Украины; б) информационное обеспечение культурно-национальных потребностей болгар Молдовы и Украины (периодика, электронные сред-

ства, кинофильмы, книжная продукция и т. д.) для усиления их этнического самосознания; в) включение финансовых и социально-экономических рычагов взаимодействия метрополии и диаспор Молдовы и Украины с целью экономической и трудовой интеграции последних в хозяйственно-экономический организм Болгарии и социально-экономического развития сел Молдовы и Украины с болгарским населением. В контексте сказанного целесообразно было бы открыть высшее учебное заведение гуманитарного профиля в Тараклии (на юге Украины не представляется возможным открыть такой вуз по двум причинам: незаинтересованности официальных властей Киева и слабой национально-культурной активности болгар Украины).

Болгары Молдовы и Украины вступили в XXI в., имея прекрасные возможности для сохранения своей этнической и культурной идентичности, ставшие реальными благодаря тому, что прародина обернулась к ним лицом и международное и европейское право по национальным меньшинствам благоприятствует этому. И вместе с тем преобразовательные процессы на постсоветском и постсоциалистическом пространстве, глобальные, континентальные и региональные geopolитические и экономические перемены самым серьезным образом отражаются на численности болгарских диаспор Молдовы и Украины, размывая их компактность, лишая болгарские поселения здесь репродуктивной части населения и угрожая запустением и вымиранием. Перед нами два противоположных начала. Какое из них возьмет верх, покажет ближайшее будущее. Но одно можно утверждать уже сегодня: позитивный процесс возможен лишь при активном и заинтересованном участии в нем исторической родины, а негативный случится при ее полной безучастности.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СТУДЕНЧЕСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «125 ЛЕТ ВОЗРОЖДЕНИЯ БОЛГАРСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

9 апреля 2003 года в Кишиневе была проведена студенческая научная конференция «125 лет возрождения болгарской государственности», организованная Институтом международных отношений «Перспектива» совместно с институтами истории и межэтнических исследований Академии наук Молдовы, Научным обществом болгаристов, Национальным музеем истории Молдовы и библиотекой «Христо Ботев» в Кишиневе.

С приветственным словом к участникам конференции обратились ректор Института международных отношений «Перспектива», доктор политологии Родика Одинец, посол Болгарии в Республике Молдова господин Евгений Еков, старший советник посольства Российской Федерации господин Юрий Шестак, представитель посольства Румынии господин Георгий Наниш и госпожа Радзислава Гортат, доктор политологии, супруга посла Республики Польши в Республике Молдова.

С основными тематическими докладами выступили директор Института истории АНМ, член-корреспондент АНМ Д. Драгнев («Антиосманская война 1877-1878 гг. и модернизация общества Юго-Восточной Европы») и зав. Отделом ИМИ АНМ, председатель Научного общества болгаристов, доктор истории Н. Червенков («Освобождение Болгарии: основные этапы») – научный руководитель конференции.

На конференции было заслушано более 30 докладов и сообщений студентов факультетов *Международные отношения*, *Международные экономические отношения*, *Международное право* Института Международных отношений «Перспектива», которые также представили богатый иллюстративный материал, карты военных операций и т. д.

Студенческие научные доклады были посвящены многочисленным историографическим проблемам прошлого и настоящего в истории Болгарии. Большая часть студенческих работ отражала дискуссионные и актуальные темы – характер войны и ее определение в мировой исторической литературе (Т. Ротару, В. Морару), дипломатические отношения балканских и европей-

Л. Заболотная

ских государств в 70-90 гг. XIX в. (В. Павлюк, А. Бутеску, О. Руслак, Т. Влас), Сан-Стефанский и Берлинский мирный договор (Д. Чеботарь, О. Норок). Часть докладов была посвящена социально-политической и экономической истории Болгарии в XX веке (Н. Тимченко, В. Морозова, Н. Пэунеску, А. Лукьянюк, Е. Мурса). Особый интерес и дискуссии вызвали доклады Л. Мариновой «Болгарское ополчение в Бессарабии» с богато иллюстрированным материалом, И. Яковенко «Александр Малинов – борец за возрождение болгарской государственности», представленный на болгарском языке, Е. Рябковой, Г. Дубининой и А. Мляевой, написавших работы на основе материалов прессы «Молдово-болгарские связи в 90-х годах XX века – начале XXI века» и «Пребывание болгарского президента Георгия Пырванова в Молдове». Тезисы данных докладов (научные руководители – доктора истории Л. Заболотная и Н. Червенков) были рекомендованы к печати и публикуются в данном сборнике.

Накануне конференции студенты посетили выставку «Участие бессарабских ополченцев в русско-турецкой войне 1877-1878 гг.» в Национальном музее истории Молдовы, подготовленную и организованную Марией Евдокимовой.

Проведенная научная тематическая конференция имела важное значение для изучения курса лекций «История стран Центральной и Юго-Восточной Европы», так как послужила для студентов, будущих дипломатов, юристов, экономистов и политиков как научной, так и дипломатической практикой. Организация таких мероприятий позволяет более глубоко и разносторонне увидеть исторический, политический и цивилизационный опыт разных народов, их специфику на фоне исторического процесса, а также воспитать толерантность и уважение к другим культурам.

Лилия ЗАБОЛОТНАЯ,
доктор истории, научный сотрудник Института истории
АНМ, старший преподаватель Института международных
отношений «Перспектива»

**ТЕЗИСЫ СООБЩЕНИЙ СТУДЕНТОВ
ИНСТИТУТА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
«ПЕРСПЕКТИВА»**

Галина ДУБИНINA

Анна МЛЯВАЯ

**МОЛДО-БОЛГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВЕКОВ**

1. У Молдовы и Болгарии много общего: исторические традиции, схожее прошлое и настоящее. Тем удивительнее, что наши страны довольно трудно искали пути сближения, политические связи за последние пять лет практически отсутствовали, а экономические развивались слабо.

Болгария недавно получила приглашение стать членом НАТО и Евросоюза. Опыт интеграции с этими структурами, особенно с Евросоюзом, представляет для Молдовы большой интерес, так как Болгария и Молдова во многом близки по уровню экономического развития, структуре экономики.

2. Еще 5-6 лет назад Болгария входила в пятерку основных торговых партнеров Молдовы: успешно развивалась кооперация в разных сферах, особенно в виноделии и туризме. Но российский экономический кризис 1998 г., ослабивший экономику как Молдовы, так и Болгарии, появление натянутости в политическом диалоге из-за проблемы транзита через Молдову ядерных отходов с Козлодуйской АЭС, а также введение Болгарией визового режима отрицательно сказались на молдо-болгарских отношениях. Товарооборот между странами за последние годы в к снизился в восемь раз.

3. Прорывом в двусторонних отношениях стало второе заседание межправительственной молдо-болгарской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, состоявшееся в октябре 2002 г. в Софии после трехлетнего перерыва. Среди рассмотренных вопросов необходимо отметить разработку проекта соглашения о свободной торговле, возможность возобновления прямого железнодорожного и авиационного сообщения между Болгарией и Молдовой. На заседании обсуждался также «энергетический вопрос»: Молдова заинтересована в транспортировке электроэнергии на Балканы, а Болгария, в свою очередь, – в ratификации парламентом Республики Молдова соглашения, разре-

Г. Дубина, А. Млявая

шающего транзит отработанного ядерного топлива с АЭС «Козлодуй» через Молдову. Общими итогами заседания были довольны как в Кишиневе, так и в Софии.

4. Следующим этапом в политическом и экономическом диалоге между Молдовой и Болгарией стал официальный визит болгарского президента Георги Пырванова в Молдову. В ходе визита был затронут вопрос о снижении стоимости визы в Болгарию, так как действующий в настоящее время визовый режим тормозит развитие торгово-экономических отношений наших стран (в том числе и туризма). Проведенный в рамках официального визита экономический форум стал, по мнению президента Республики Молдова Владимира Воронина, «идеальным поводом для определения новых и выгодных сфер сотрудничества». Президент выразил уверенность в том, что установленные между Молдовой и Болгарией добрые политические отношения превратятся в еще более тесное экономическое сотрудничество. Не менее значительной по возможным перспективам стала поездка болгарской делегации в Тараклию – населенный пункт с компактным проживанием болгар в Молдове с целью установления более тесных контактов между болгарскими предпринимателями и свободными экономическими зонами «Твардица» и «Тараклия». Объем болгарских инвестиций в зону свободного предпринимательства «Производственный парк «Тараклия» составил уже 1 млн. долл.

5. Неиспользованных резервов в молдо-болгарском сотрудничестве очень много. Достаточно вспомнить об успешном эксперименте Кишиневского табачного комбината «Тутун – СТС» по производству 10 млрд. штук сигарет по заказу «Булгар-табак», утраченные кооперационные связи виноделов, традиционный обмен туристами, возможности сотрудничества по транспортировке каспийской нефти и электрозергии.

ЛИТЕРАТУРА

Болгарские мотивы Молдовы // Независимая Молдова, № 36, 26 февраля 2003 г.

Калак Д. Возрождение болгарского вектора // Экономическое обозрение, № 2, 24 января 2003 г.

Калак Д. Президент Болгарии обещает смягчить визовый режим // Экономическое обозрение, № 1, 17 января 2003 г.

У нас еще немало нереализованных возможностей для расширения сотрудничества // Независимая Молдова, № 8-9, 17 января 2003 г.

Шаг к экономическому партнерству // Независимая Молдова, № 11, 22 января 2003 г.

Екатерина РЯБКОВА

ПРЕБЫВАНИЕ ПРЕЗИДЕНТА БОЛГАРИИ ГЕОРГИ ПЫРВАНОВА В МОЛДОВЕ

1. В период 16-17 января 2003 г. состоялся визит главы болгарского государства – президента Г. Пырванова – в республику Молдова. Официальная церемония встречи президентов Молдовы и Болгарии – В. Воронина и Г. Пырванова – состоялась в президентуре. В ходе встречи члены официальных делегаций затронули ряд вопросов, представляющих взаимный интерес. Стороны заявили о своей готовности углублять двустороннее сотрудничество в различных областях деятельности: политической, экономической, научной, культурной.

Дискуссии завершились подписанием двусторонних соглашений: Договора о взаимной административной помощи в таможенной области, а также Договора о сотрудничестве между министерствами юстиции обеих стран.

2. Во время приезда болгарского президента решались, в частности, вопросы экономических взаимоотношений. Премьер-министр Республики Молдова В. Тарлев отметил, что расширению торгово-экономических связей может способствовать сокращение стоимости визы в Болгарию, в том числе транзитной. Он обратился к президенту Болгарии с просьбой рассмотреть возможность решения этого вопроса. По словам Г. Пырванова, Болгария готова пойти на такой шаг. Кроме того, как подчеркнул президент Болгарии, высокая стоимость визы негативно оказывается и на развитии торгово-экономических отношений наших стран. По сравнению с 1997 г. показатель товарооборота между Молдовой и Болгарией сократился в 8 раз.

3. В рамках официального визита президента Республики Болгария Г. Пырванова в нашу страну состоялся молдо-болгарский форум бизнесменов. На встрече президент Республики Молдова ввел болгарских бизнесменов в курс экономической ситуации в Молдове и отметил, что сходство национальных экономик должно вести к укреплению экономических связей Молдовы и Болгарии. Также он заверил болгарских и молдавских бизнесменов в том, что правительство будет и далее улучшать деловой климат, принимать меры по поддержке инвестиций.

4. Одним из самых главных результатов визита президента

E. Рябкова

Болгарии в Молдову (если не по значению, то по общественному резонансу) явилось содействие, которое В. Воронин обещал руководству Болгарии в разрешении проблемы транспортировки ядерных отходов через территорию Молдовы. В. Воронин не исключил в беседе с Г. Пырвановым, что замолвит за «болгарский атом» слово перед молдавским парламентом, который вот уже несколько лет отказывается ратифицировать межправительственное соглашение о сотрудничестве в области транзита ядерных материалов с Козлодуйской АЭС на переработку в Россию.

5. Одной из проблем, обсуждавшихся во время визита, стал вопрос европейской интеграции. Он весьма актуален для нас, так как Молдова является европейской страной и ей необходим опыт других стран в этой области. Президенты подчеркнули значение, которое они придают усилению многостороннего сотрудничества в Юго-Восточной Европе, в частности, в рамках Пакта стабильности. Был упомянут интерес, который Республика Молдова проявляет к изучению опыта отношений Республики Болгария с Европейским Союзом.

6. Особое место в визите заняла поездка Г. Пырванова в сопровождении В. Воронина в Тараклию. У них была общирная программа. Они встретились с общественностью в педагогическом лицее-колледже им. Святых Кирилла и Мефодия. Президент Болгарии выразил свое восхищение тем, что по прошествии 200 лет после своего обоснования в Молдове болгары сумели сохранить родной язык и национальные традиции, в то же время став верными гражданами молдавского государства. Г. Пырванов подарил колледжу программное обеспечение на болгарском языке, видеофильмы и книги.

Помимо этого, как и в Кишиневе, в Тараклии состоялась встреча деловых людей. Президенты в сопровождении официальных бизнесменов Болгарии и Молдовы посетили завод «Сантекс», специализирующийся на производстве плитки. Болгарские предприниматели по достоинству оценили существующие возможности для организации совместного бизнеса и инвестирования.

ЛИТЕРАТУРА

Калак Д. Президент Болгарии обещает смягчить визовый режим // Экономическое обозрение, № 1, 17 января 2003 г.

У нас еще немало нереализованных возможностей для расширения сотрудничества // Независимая Молдова, № 8-9, 17 января 2003 г.

Шаг к экономическому партнерству // Независимая Молдова, № 11, 22 января 2003 г.

Иван ЯКОВЕНКО

БЕСАРАБСКИЯТ БЪЛГАРИН АЛЕКСАНДЪР МАЛИНОВ КАТО БОРЕЦ ЗА БЪЛГАРСКАТА ДЪРЖАВНОСТ

1. След освобождението на България през 1878 г. страната се нуждае от специалисти в различни отрасли. Сред тези, които се включват в формиране на българските държавни и обществени институции е Александър Малинов.

Роден е през април 1867 г. в село Пандъклий, недалеч от Болград, в семейството на българин, изселил се в Бесарабия след Руско-турската война от 1828—1829 година. След като завършива си основното образование, Ал. Малинов учи в Болградската гимназия. После продължава следването си в Киевския университет, където записва право. След завършването през 1891 г. се отправя в свободно Българско княжество. Там, след занимаването на прокурорска длъжност, той се отдава на свободна адвокатска практика, за да се включи в обществено-политическия живот на страната.

2. През 22 януари 1903 г. лидерът на Демократическата партия П. Каравелов предлага за свой временен представител Ал. Малинов. Два дни по-късно П. Каравелов неочаквано умира. От този момент младият политик активно се включва в дейността на тази партия и показва, че с голям настрой иска да участва в политическия живот на България. От тута нататък, до края на своят живот, Ал. Малинов с велик патриотичен настрой ще взима активно участие в становлението на българската национална единост и българската държавност. Той ще се покаже като един величен патриот на своето Отечество, като един истински борец за демократичност на българските земи.

3. През 1908 г. лидерът на Демократическата партия беше пак поканен да оглави министерския кабинет. Новото правителство, съставено от Ал. Малинов, определя като своя първостепенна задача постигането на независимостта на страната. Още при първия си доклад при княза като министър-председател Ал. Малинов си позволява да повдигне пред него въпроса за провъзгласяването на независимостта на България, на който князът ще му отговоре с одобрение. Този въпрос, естествено, е занивал и някои от предишните правителства, но никакво конструктивно решение по него не е било постигнато.

И. Яковенко

За една нощ с необикновенна радост и желание Ал. Малинов пише "Манифест обявяване на българската независимост" и на другия ден, 22 септември 1908 г., в старопрестолния град Търново България е обявена за независима държава. След избухването на първата световна война през лятото на 1914 г. Ал. Малинов е стърник на ненамесата на България в този момент към воюващите груповки. Той твърдо заявява на царя, че война срещу Антанта означава катострофа, защото той много хубаво разбира, че тази коалиция има неизчерпаеме човешки ресурси, че това страни, които могат да водят практически неограничена по време и размах война

4. След абдикацията на цар Фердинанд I и възществието на престол на цар Борис III през октомври 1918 г. Ал. Малинов поднася отставката си. Следващите години след I световна война се характерни с това, че Ал. Малинов води една политическа борба с тези, които били на власт по онова време. През 1931 г., като водеща личност в коалицията Народен блок, за трети път става министър-председател, но скоро се оттегля по здравословни причини. Председател е на Народното събрание от октомври 1931 г. до май 1934 г.

5. Политик-демократ през целия си съзнателен живот, А. Малинов умира по време на предизборно събрание, произнасяйки слова за възстановяване на Търновската конституция на 20 март 1938 г. Така завършва своята последната си политическа проява старият лидер на Демократическата партия. Съдбата му отрежда смъртта да го застигне на обществената му трибуна, на която той е стоял в продължение на няколко десетилетия.

ЛИТЕРАТУРА

Болгария в XX веке. Очерки политической истории. М., 2003.
Заболотная Л. П. История Центральной и Юго-Восточной Европы.
Кишинев, 2001.

Куманов М. Александър Малинов – познатият и непознатият. София, 1993.

Лазоров И., Павлов П., Тютюнджеев И., Паландурски М. Кратка история на българския народ. София, 1993.

Людмила МАРИНОВА

БОЛГАРСКОЕ ОПОЛЧЕНИЕ В БЕССАРАБИИ

1. Кишиневское болгарское общество после Апрельского восстания 1876 г. собирало денежные и другие пожертвования в пользу населения, пострадавшего от репрессий турок. Откликнулись многие бессарабские болгарские и гагаузские города и села Бессарабии: Болград, Комрат, Шкирли-Китай, Долукьой и другие. Население вносило в фонд помощи денежные суммы, зерно, одежду.

2. С началом русско-турецкой войны 1877-1878 годов была изменена направленность благотворительной деятельности населения края: от помощи болгарскому народу оно перешло к активной поддержке русской армии, созданию ополченских дружин для помощи ей, а также формирования первых дружин Болгарского ополчения.

3. Целью ополченских дружин было охранять русские войска. Они состояли из 8000 бывших пахарей, кузнецов, ремесленников, мелких торговцев, учителей, священников, «людей бездомных и бесприютных», как делали о них отметки в ротных списках. Возраст большинства из них колебался от 17 до 70 лет.

4. Одновременно в Кишиневе создавались первые дружины будущего Болгарского ополчения, которое окончательно было сформировано в румынском городе Плоешть летом 1877 г. В него прежде всего вошли бывшие участники только что состоявшегося восстания в Болгарии, а также участники сербско-болгарской войны 1876 г. Вошли в эти дружины и местные бессарабские болгары. В литературе приводятся различные данные об их количестве – от 200 до 700 человек. Однако с уверенностью можно утверждать, что практически все бессарабские болгарские села были представлены в Болгарском ополчении.

5. При участии в параде войск в Кишиневе 12 апреля 1877 года – день объявления войны султанской Турции – болгарские дружины, их боевой вид получили одобрение со стороны военного министра Д.А. Милотина. Он записал в дневнике, что ополченцы имели «вид весьма внушительный». Они были одеты в форму из «шаек» – грубого зеленого сукна. 25 апреля (6 мая) 1877 г. на кишиневском вокзале общественность города провожала болгарские дружины на войну. По пути к вокзалу к ним присоедини-

лись новые добровольцы, желание которых идти освобождать Болгарию удовлетворялось тут же на месте. Вместе с ними отправился священник Амфилохий, получивший от жителей Кишинева золотой крест, с которым он участвовал во всех походах и сражениях ополченских дружин.

6. Первоначально по распоряжению главнокомандующего русской армии в военных операциях ополчению отводилась второстепенная, вспомогательная роль. Но история рассудила иначе, и впоследствии болгарское ополчение вписало самые жаркие страницы в эпопею Шипки. Отвага и стойкость ополченцев, с которыми они держались в бою, вызывали изумление врагов и восхищение друзей. Болгарские ополченцы удивили свое столетие невиданным героизмом, беспримерным самопожертвованием.

ЛИТЕРАТУРА

Будак И. Г. Общественно-политические движения в Бессарабии в пореформенный период. Кишинев, 1959.

Гурбанов М. Бесарабските българи – активни участници в Българското ополчение // Военно-исторически сборник София, 1965, № 2.

Калчев К. Бесарабските българи в Руско-турската война 1877-1878 г. Велико-Търново, 1995.

Поглубко К. Весна освобождения. София, 1978.

Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. - 125 лет. Кишинев, 2003.

ст
пс
ли
Бе
ги
од

из
ле
ти
дл
ко

ка
ко
ны
ка.

бу.
сф
пр
ся
во
га]
ст]
ве]
бы

—
жи
ми
цы
из
ки
ски